

ISSN 2949-5121 (PRINT)

ISSN 2949-5148 (ONLINE)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Contemporary Philosophical Research
Sovremennyye filosofskie issledovaniya

2026 № 2

- Киберкультура – феномен XXI века
- Экосистемное лидерство как новая философия управления
- Человек в пространстве цифровой коммуникации и социокультурных кодов: трансформация смыслов

ISSN 2949-5121 (print)

2026 / № 2

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2026 / № 2

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. – д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. – д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. – д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. – д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. – д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. – д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. – д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет им. М. Тореза;

Курабцев В. Л. – д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. – д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. – д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. – д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. – 2026. – № 2. – 114 с.

© Государственный университет просвещения, 2026.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philosmgou.ru

Founder of the journal:
Federal State University of Education

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytishi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philology, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2026. – No. 2. – 114 p.

© Federal State University of Education, 2026.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Бондарева Я. В., Лутовинов С. Б.</i> Советская (философско-научная) антропологическая парадигма как проект «нового человека»: историко-философский анализ	6
<i>Кравченко В. В.</i> Этнокультурный аспект рассмотрения мистики	14
<i>Прядко И. П.</i> Участник Великой Отечественной войны, учёный и педагог Б. В. Бирюков: заметки накануне 105-летнего юбилея	25
<i>Тумин А. Ю.</i> Идея служения Отечеству в фокусе современной философии	38
<i>Уян.</i> Сравнительный анализ взглядов китайских и западных мыслителей на философию опыта	49

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Беркут В. П., Дмитриева Т. В., Смрчкова В. П.</i> Информационное противоборство как объективный фактор современной реальности	56
<i>Курабцев В. Л.</i> Аналитика Логоса в истории-судьбе Руси-России	64
<i>Мамедова А. Н.</i> Экосистемное лидерство как новая философия управления	71
<i>Рябова М. Э.</i> Человек в пространстве цифровой коммуникации и социокультурных кодов: трансформация смыслов	81
<i>Сахневич С. В.</i> Динамика подлинного бытия: от критерия неотторгаемого к циклу имманентного становления	91
<i>Тонконогов А. В., Ахмедова М. Г.</i> Киберкультура – феномен XXI века	102

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Ya. Bondareva, S. Lutovinov.</i> The Soviet (Philosophical and Scientific) Anthropological Paradigm as a Project for the "New Human": A Historical and Philosophical Analysis.	6
<i>V. Kravchenko.</i> Considering "Mystika" in Terms of Ethnocultural Aspect.	14
<i>I. Pryadko.</i> Participant in the Great Patriotic War, Scholar and Educator – Boris Birykov: Notes on the Eve of His 105 th Birthday	25
<i>A. Tumin.</i> The Idea of Serving the Fatherland in the Focus of Modern Philosophy.	38
<i>Yang Wu.</i> A Comparative Analysis of the Views of Chinese and Western Philosophers on the Philosophy of Experience.	49

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

<i>V. Berkut, T. Dmitrieva, V. Smorchkova.</i> Informational Confrontation as an Objective Factor of Modern Reality.	56
<i>V. Kurabtsev.</i> The Analysis of Logos in the History and Fate of Rus'-Russia.	64
<i>A. Mamedova.</i> Ecosystem Leadership as a New Philosophy of Management.	71
<i>M. Ryabova.</i> Humanity in the Space of Digital Communication and Socio-Cultural Codes: Meaning Transformation	81
<i>S. Sakhnevich.</i> The Dynamics of Authentic Being: From the Criterion of the Inalienable to the Cycle of Immanent Formation	91
<i>A. Tonkonogov, M. Akhmedova.</i> Cyberculture as a 21 st Century Phenomenon	102

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-6-13

СОВЕТСКАЯ (ФИЛОСОФСКО-НАУЧНАЯ) АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК ПРОЕКТ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Бондарева Я. В.*, **Лутовинов С. Б.**

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор; e-mail: bondareva.iana@yandex.ru*

Поступила в редакцию 02.02.2026

После доработки 22.02.2026

Принята к публикации 04.03.2026

Аннотация

Цель. Осуществить историко-философский анализ советской антропологической парадигмы, рассмотренной в качестве масштабного проекта конструирования «нового человека», выявить её философские истоки в марксизме, русском космизме и революционном утопизме.

Процедура и методы. При выделении ключевых этапов становления советской антропологической парадигмы (раннесоветский период с его радикальным проектированием, сталинский этап с акцентом на воспитание, послесталинский поворот к научному подходу) применён метод периодизации. Метод сравнительного анализа позволил выявить сущность противоречия между утопическими целями и реальными практиками.

Результаты. В статье прослеживается эволюция советской антропологической парадигмы от радикально-конструктивистских моделей 1920-х гг. через этап догматизации и «воспитательно-го» пафоса сталинизма к позднесоветскому «научно-материалистическому» этапу. Анализируя внутреннее напряжение между утопическим проектированием и научными (биологическими, психологическими, педагогическими) исследованиями человека, авторы приходят к выводу, что советская антропология представляла собой уникальный синтез просветительской веры в беспредельную пластичность человеческой природы и тотального социального инжиниринга, оставив в наследство комплекс неразрешённых проблем о пределах конструируемости человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании историко-философских компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: советская антропология, новый человек, исторический материализм, философская антропология, человек как проект, социальный конструктивизм

Для цитирования:

Бондарева Я. В., Лутовинов С. Б. Советская (философско-научная) антропологическая парадигма как проект «нового человека»: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 6–13. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-6-13>.

Original research article

THE SOVIET (PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC) ANTHROPOLOGICAL PARADIGM AS A PROJECT FOR THE “NEW HUMAN”: A HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ya. Bondareva, S. Lutovinov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author; e-mail: bondareva.iana@yandex.ru*

Received by the editorial office 02.02.2026

Revised by the author 22.02.2026

Accepted for publication 04.03.2026

Abstract

Aim. To conduct a historical and philosophical analysis of the Soviet anthropological paradigm, viewed as a large-scale project for constructing the “new human”, and to identify its philosophical origins in Marxism, Russian cosmism, and revolutionary utopianism.

Methodology. A periodization method was used to identify key stages in the development of the Soviet anthropological paradigm (the early Soviet period with its radical projecting, the Stalinist period with its emphasis on education, and the post-Stalinist turn to a scientific approach). A comparative analysis revealed the essence of the contradiction between utopian goals and actual practices.

Results. The article traces the evolution of the Soviet anthropological paradigm from the radical constructivist models of the 1920s through the dogmatization and “educational” pathos of Stalinism to the late Soviet scientific-materialist stage. Analyzing the internal tension between utopian design and scientific (biological, psychological, and pedagogical) studies of humankind, the authors conclude that Soviet anthropology represented a unique synthesis of the educational belief in the infinite plasticity of human nature and total social engineering, leaving behind a legacy of unresolved problems regarding the limits of human constructibility.

Research implications. The results of the study can be used to improve the historical and philosophical competencies of both teachers and students of philosophy.

Keywords: Soviet anthropology, new man, historical materialism, philosophical anthropology, man as a project, social constructivism

For citation:

Bondareva, Ya. V., Lutovinov, S. B. (2026). The Soviet (Philosophical and Scientific) Anthropological Paradigm as a Project for the “New Human”: A Historical and Philosophical Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 6–13. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-6-13>.

Введение

Феномен советского «нового человека» давно перестал быть предметом лишь политической публицистики, став объектом серьезного междисциплинарного исследования [1–9]. Однако его рассмотрение часто ограничивается социологическим или культурологическим ракурсом, тогда как целостная философско-антропологическая парадигма, лежавшая в его основании, требует специального историко-философского анализа. Эта парадигма не

была монолитной, она формировалась на пересечении марксистской философии, естественнонаучных дискурсов (от физиологии до кибернетики), утопической мысли и конкретных идеологических требований советского государства.

Целью данного исследования является реконструкция генезиса, эволюции и внутренней логики советской философско-научной антропологии как осознанного проекта «пересоздания» человеческой природы. В задачи исследования входят выяв-

ление её идейно-теоретических истоков, анализ ключевых этапов её становления и развития, раскрытие основного содержания и противоречий парадигмы, оценка её социального значения. Как справедливо заметил наш современник, «советская философия сложилась как система философских наук, скреплённая прежде всего философско-антропологической проблематикой. Можно спорить о степени особой выделенности советской философской антропологии из других философских дисциплин, но универсальный антропологизм советской марксистской философии как единого целого бесспорен» [10, с. 41].

Философские и теоретические истоки проекта

Советский антропологический проект укоренён в нескольких мощных интеллектуальных традициях, первая и основная из которых – марксизм, прежде всего, в его ленинской интерпретации. Классики марксизма, отталкиваясь от тезиса о человеке как совокупности общественных отношений [11; 12], заложили основу радикального социального конструктивизма, при котором человек мыслится не как данность, а как результат исторического процесса, который может и должен быть сознательно преобразован в коммунистическом обществе. Ликвидация частной собственности и эксплуатации рассматривалась как необходимое условие для раскрытия подлинной, неотчуждённой человеческой сущности, и именно эта установка создавала философскую легитимацию для активного влияния на процесс формирования человеческого типа.

Второй традицией, послужившей идейным источником советской антропологической парадигмы, стал, с одной стороны, русский космизм и революционный утопизм начала XX в. (в лице Н. Ф. Фёдорова с его идеей об «общем деле» воскрешения отцов и преодоления смерти), с другой – биокосмические концепции и проекты физиологического совершенствования, развивавшиеся В. И. Вернадским,

А. К. Горским и др. [13–15]. Они напрямую связывали социальную революцию с революцией антропологической, с выходом за пределы биологической ограниченности, и эта линия, хоть и маргинализованный официальной философией, питала радикальное крыло советской антропологической мысли 1920-х гг.

Третьим источником стала естественнонаучная материалистическая традиция (И. М. Сеченов, И. П. Павлов), трактовавшая психику и сознание как функции высокоорганизованной материи, подчиняющиеся объективным законам. Это открывало дорогу для «научного» управления психическими процессами, для создания «физиологии высшей нервной деятельности» как основы для формирования нового поведенческого типа.

Этапы становления и развития советской антропологической парадигмы

Наиболее творческим и разнообразным периодом в становлении новой антропологической парадигмы был раннесоветский период (1920-е – начало 1930-х гг.), для которого был характерен радикальный конструктивизм в создании биосоциальных утопий. На фоне дискуссий между «механистами» (преувеличивавшими роль биологических факторов) [16] и «деборинцами» (акцентировавшими качественное своеобразие социального) [17] возникают такие институты, как Институт мозга (на базе лаборатории по изучению мозга Ленина), факультет дефектологии в структуре Института дошкольного образования, входивший в систему Психоневрологической Академии, возглавляемой В. М. Бехтеревым, Институт экспериментальной биологии и патологии и др.

В этот период фигура «нового человека» конструируется на стыке биологии, педагогики и социальной гигиены, ярким примером чего является концепция «нового биологического типа» у А. А. Богданова [18–20], для которого коллективизм дол-

жен был стать не только социальным, но и физиологическим принципом через обмен кровью (здесь отметим, что его предположения о том, что обмен кровью (переливание) между старым и молодым организмом способен омолодить первый за счёт ресурсов второго, обсуждаются и сегодня). Следует упомянуть и педагогические открытия А. С. Макаренко [21] с их акцентом на коллектив как воспитательную силу, которые также рождались в парадигме «социального инжиниринга». Человек здесь воспринимался как «материал» или «сырьё», подлежащее переработке с целью приобретения новых качеств, необходимых для дальнейшего революционного преобразования действительности. Впрочем, по справедливому замечанию О. А. Устинова, «советские теоретики были едины в своих трактовках образа “нового человека”, но как таковой он не получил в их работах какой-либо философской и даже развёрнутой мировоззренческой аргументации, о чём свидетельствовали многочисленные партийные дискуссии 1920-х годов, предметом которых были сугубо практические задачи, например, организации советского быта и т. п., а имя К. Маркса почти не упоминалось, за исключением идеологических клише» [9, с. 26].

В сталинскую эпоху (середина 1930-х – середина 1950-х гг.) в советском антропологическом процессе рельефно проявляется догматизация и ярко подсвечивается примат воспитания. С утверждением сталинских методов руководства антропологическая мысль подвергается жёсткой унификации и идеологизации, а утопические биологические проекты сворачиваются как вульгарные и извращающие марксизм. В качестве идейной альтернативы утверждается примат социального над биологическим в форме вульгарного социологизма, сводящего сложные процессы (искусство, философию, культуру) исключительно к выражению классовых интересов. В эти годы акцент смещается с революционного конструирования человека будущего на его воспитание в духе морального кодекса строителя коммунизма. «Новый человек»

трактуются теперь как, прежде всего, дисциплинированный, преданный делу партии борец, чьи личные интересы полностью растворены в общественных. Впрочем, несмотря на то, что биосоциальная антропология активно вытесняется коммунистическими идеологемами, проект всё же остаётся тотально востребованным, а воспитательной процедуре подвергается каждый аспект личности в любом изводе – от частного до социального. Любые попытки осуществления «антропологического поворота» на фоне прорывных научных исследований были купированы встречной атакой на предшественников творческого марксизма: «открытия в сфере анализа Марксовой антропологии, фундированные на понимании человека как практически-деятельного субъекта, являлись альтернативой “сталинскому марксизму”, выглядевшего в сравнении с ними жалкой претензией на аутентичность. Публичный конструктивный диалог между догматиками и новаторами не состоялся, и в советской философии на несколько десятилетий триумфально победила и заняла монопольное положение философско-научная антропологическая парадигма в том её виде, который оформился к концу 1920-х гг. Противоречашие ей так или иначе исследования могли проводиться только в частном и, как правило, тайном порядке, без надежды на адекватное обсуждение и тем более публикацию» [9, с. 59–60].

Сегодня имеет смысл обозначить ещё один период в конструировании нового человека – период так называемой «оттепели» (1960-е гг.), который характеризуется появлением запроса на «человеческое измерение». В этот период наблюдаются первые признаки эрозии официального проекта как необходимой формальности, как следствие, зачастую становящегося объектом иронии. Возникает феномен двоемыслия как внешнего согласия с общепринятыми социальными ритуалами при возрастающем внутреннем отчуждении: «Философия 50-80-х гг. складывалась как отрицание, притом ясно осознаваемое и последовательное того, чем была фило-

софия в 30-40-е гг. Здесь не было преемственности, здесь был разрыв. Идеиное размежевание...» [22, с. 16].

И, наконец, четвёртый – позднесоветский период (от поздней «оттепели» до «застоя») – демонстрирует возвращение к научности, завершающееся кризисом парадигмы как таковой. Вполне логично, что на фоне отрицания сталинской методологии происходит частичная реабилитация научного подхода к человеку. Возрождаются психология (В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин), социология, активно развивается деятельностный подход (Э. В. Ильенков, Г. С. Батищев, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий) [23–26], ставший наиболее значительным вкладом советской мысли в философскую антропологию. В рамках этого подхода человек понимается как субъект, создающий себя и мир в процессе предметно-практической деятельности, а идея «нового человека» обретает в большей степени гуманистическое, не столь прямолинейно-инженерное звучание. Исследования этого периода «наполнили советский антропологический идеал философской глубиной, позиционируя “нового человека” как воплощение лучших человеческих потенций: коммунистический революционер, самый сокровенный внутренний дух культуры, её живая деятельностная душа, человеческая сущность человеческого мира» [9, с. 108–109].

Впрочем, эта гуманистическая нота вносила глубинный диссонанс и порождала противоречие, поскольку деятельностная философия, подчёркивавшая творческое начало и внутреннюю свободу, входила в конфликт с окостеневшими идеологическими схемами и реальной практикой советского воспитания. К 1970-80-м гг. проект «нового человека» в его изначальном утопическом смысле переживает глубокий кризис, вырождаясь в ритуализированную идеологию, что на бытовом уровне лишь укрепило феномен двоемыслия и внутреннего протеста.

Ключевые дискурсы и внутренние противоречия парадигмы

Анализ советской антропологии позволяет выделить несколько сквозных, но противоречиво связанных между собой дискурсов: во-первых, антиномия *социоцентризма* и *биологизма*. Здесь имело место постоянное напряжение между абсолютным приматом социальной среды (воспитания) и признанием неких природных основ (тип нервной системы, задатки). Официальная парадигма пыталась разрешить это противоречие через формулу «биологическое – материал, социальное – форма», однако эта схема не работала при объяснении особенностей индивидуальности и внутреннего мира.

Ещё одно противоречие наблюдалось между ценностями *коллективизма* и ценностями *индивидуальности*, при котором провозглашаемое слияние личности с коллективом («не я, а мы») вступало в противоречие с необходимостью развития инициативы, творчества, личной ответственности. Позднесоветская философия (особенно Э. В. Ильенков) пыталась реабилитировать индивидуальность через диалектику всеобщего и единичного, однако в массовой практике победу всё же одерживала идеология конформизма.

При всём том, что проект претендовал на научность, опираясь на исторический материализм и данные естественных наук, его ядро всё же составляла утопическая и, по своей сути, религиозная идея о радикальном преобразении человеческой природы, что требовало искренней веры и подавления критического мышления. Поэтому рационализм и научность проекта входили в противоречие с утопичностью идеологии, что, в свою очередь, порождало антиномию *человека как цели* и *человека как средства*. Гуманистический пафос освобождения человека (что составляло фундаментальную цель коммунизма) постоянно подменялся инструментальным отношением к нему как к «винтику» государственной машины, материалу для построения светлого будущего.

Заключение

Таким образом, советская философско-научная антропологическая парадигма представляет собой уникальный в истории мысли пример масштабной, теоретически обоснованной и подкреплённой институциональными ресурсами попытки сконструировать новый тип человека. Её историческая траектория прошла путь от радикальной утопии ранних лет через этап жёсткой догматики к позднему, более рефлексивному, но и глубоко противоречивому состоянию.

Главный философский урок этого проекта заключается в демонстрации пределов и опасностей тотального антропологического конструктивизма, игнорирующего сложность, многомерность и внутреннюю

самость человеческой природы. Парадигма «нового человека» в её советском изводе потерпела неудачу не только по политическим, но и по экзистенциальным причинам: она не смогла удовлетворить глубинные потребности человека в свободе, смысле и подлинности.

Тем не менее, критический анализ этой парадигмы остаётся актуальным. В современном мире, где биотехнологии, нейронауки и цифровые среды открывают новые, невиданные ранее возможности для модификации человека, философское осмысление советского опыта предостерегает от упрощённого сведения человека к объекту проектирования, напоминая о неотменяемой ценности человеческой субъектности и незавершённости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёхина Е. В. Актуальные проблемы философии: природа человека и смысл его существования в перспективе современных технологий. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Государственный университет просвещения, 2025. 522 с.
2. Алёхина Е. В., Буренков С. В., Каргин Н. Н. Телесность человека: проблема её сохранения и «улучшения» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2025. № 4 (74). С. 58–66. DOI: 10.26456/vtphilos/2025.4.058.
3. Горбунов А. С. Воспитание личности и социальная ответственность средств массовой коммуникации // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2023. № 4 (34). С. 162–166.
4. Колесниченко Ю. В. Личностное бытие в «диалектике мифа» А. Ф. Лосева // Антология современной русской философии. М.: Энциклопедист-Максимум, 2021. С. 337–354.
5. Колесниченко Ю. В. Актуальные проблемы современного российского просвещения (логика и психология как учебные предметы) // Философия образования и диалог поколений: сборник научных трудов XXIX Международной конференции (Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2023 г.). СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2023. С. 262–266.
6. Устинов О. А. Антропологические парадигмы в русской философии советского периода: формы сосуществования и взаимодействия // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. № 3 (47). С. 49–58. DOI: 10.25688/20789238.2023.47.3.4.
7. Устинов О. А. Парадигмальный подход к анализу антропологических концепций в русской философии советского периода // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2022. № 2 (42). С. 6–19. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.01.
8. Устинов О. А. Парадигмальный подход к анализу антропологических концепций в русской философии XIX – начала XX вв. // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 1 (143). С. 7–14. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.001.
9. Устинов О. А. Антропологические парадигмы в русской философии советского периода (1917–1991 гг.): историко-философский анализ. М.: Триумф, 2022. 350 с.
10. Лоскутов Ю. В. Русская философия советского периода (о статье В. Г. Горбачева) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3 (19). С. 40–45.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (краткое изложение материалистического понимания истории). М.: URSS, 2021. 152 с.
12. Маркс К. Немецкая идеология. М.: Директ-Медиа, 2012. 591 с.
13. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 20–208.

14. Вернадский В. И. О научном мировоззрении // Развитие личности. 2012. № 4. С. 213–243.
15. Чижевский А. Л. На берегу Вселенной. Воспоминания о К. Э. Циолковском. М.: Айрис-Пресс: Айрис-Дидактика, 2007. 448 с.
16. Аксельрод Л. И. Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории. Иваново-Вознесенск: Основа, 1924. 106 с.
17. Деборин А. М. Диалектика и естествознание. 4-е изд. М.: Государственное издательство, 1930. 354 с.
18. Богданов А. А. Новый мир // Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет / под ред. Л. И. Абалкина. М.: Политиздат, 1990. С. 28–89.
19. Богданов А. А. Эмпириомонизм: статьи по философии: в 2 кн. Кн. 1 / 2-е изд. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1905. 189 с.
20. Калинин С. Б. Проблема «нового» человека в трудах политических деятелей 20-х гг.: А. А. Богданов, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1994. 206 с.
21. Макаренко А. С. Педагогическая поэма // Макаренко А. С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1987. С. 5–236.
22. Гусейнов А. А. Гуманистический контекст философии российских шестидесятников // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2014. С. 7–22.
23. Ильенков Э. В. Психика и мозг (ответ Д. И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145–155.
24. Ильенков Э. В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 68–79.
25. Ильенков Э. В. Что же такое личность? // Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 387–414.
26. Щедровицкий Г. П. СМД-подход и основные проблемы науки и человека в XX веке // Щедровицкий Г. П. Московский методологический кружок: развитие идей и подходов: 11 т. Т. 8. Вып. 1. М.: Путь, 2004. С. 11–239.

REFERENCES

1. Alekhina, E. V. (2025). *Actual Problems of Philosophy: The Nature of Man and the Meaning of His Existence in the Perspective of Modern Technologies*. Moscow: Federal State University of Education publ. (in Russ.).
2. Alekhina, E. V., Burenkov, S. V. & Kargin, N. N. (2025). Human Corporeality: The Problem of Its Preservation and “Improvement.” In: *Herald of Tver State University. Series: Philosophy*, 4 (74), 58–66. DOI: 10.26456/vtphilos/2025.4.058 (in Russ.).
3. Gorbunov, A. S. (2023). Personal Development and Social Responsibility of Mass Media. In: *Humanitarian Bulletin of the Military Academy of the Strategic Missile Forces*, 4 (34), 162–166 (in Russ.).
4. Kolesnichenko, Yu. V. (2021). Personal Being in A. F. Losev’s “Dialectics of Myth.” In: *Anthology of Contemporary Russian Philosophy*. Moscow: Encyclopedist-Maksimum publ., pp. 337–354 (in Russ.).
5. Kolesnichenko, Yu. V. (2023). Actual Problems of Contemporary Russian Education (Logic and Psychology as Academic Subjects). In: *Philosophy of Education and Dialogue of Generations: Proceedings of the 29th International Conference (St. Petersburg, April 19–20, 2023)*. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University publ., pp. 262–266 (in Russ.).
6. Ustinov, O. A. (2023). Anthropological Paradigms in Russian Philosophy of the Soviet Period: Forms of Coexistence and Interaction. In: *MCU Journal of Philosophical Science*, 3 (47), 49–58. DOI: 10.25688/2023.47.3.4 (in Russ.).
7. Ustinov, O. A. (2022). Paradigmatic Approach to the Analysis of Anthropological Concepts in Russian Philosophy of the Soviet Period. In: *MCU Journal of Philosophical Science*, 2 (42), 6–19. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.01 (in Russ.).
8. Ustinov, O. A. (2022). Paradigmatic Approach to the Analysis of Anthropological Concepts in Russian Philosophy of the 19th – Early 20th Centuries. In: *Herald of Vyatka State University*, 1 (143), 7–14. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.001 (in Russ.).
9. Ustinov, O. A. (2022). *Anthropological Paradigms in Russian Philosophy of the Soviet Period (1917–1991): Historical and Philosophical Analysis*. Moscow: Triumph publ. (in Russ.).

10. Loskutov, Yu. V. (2014). Russian Philosophy of the Soviet Period (On V. G. Gorbachev's Article). In: *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 3 (19), 40–45 (in Russ.).
11. Marx, K. & Engels, F. (2021). *The Opposition of Materialistic and Idealistic Outlook (a Brief Summary of the Materialistic Understanding of History)*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
12. Marx, K. (2012). *The German Ideology*. Moscow: Direct-Media publ. (in Russ.).
13. Vernadsky, V. I. (1988). Scientific Thought as a Planetary Phenomenon. In: Vernadsky, V. I. *Philosophical Thoughts of a Naturalist*. Moscow: Nauka publ., pp. 20–208 (in Russ.).
14. Vernadsky, V. I. (2012). On the Scientific Worldview. In: *Development of the Personality*, 4, 213–243 (in Russ.).
15. Chizhevsky, A. L. (2007). *On the Shore of the Universe. Memories of K. E. Tsiolkovsky*. Moscow: Iris-Press publ., Iris-Didaktika publ. (in Russ.).
16. Akselrod, L. I. (1924). *Critique of the Foundations of Bourgeois Social Science and the Materialistic Understanding of History*. Ivanovo-Voznesensk: Osnova publ. (in Russ.).
17. Deborin, A. M. (1930). *Dialectics and Natural Science*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo publ. (in Russ.).
18. Bogdanov, A. A. (1990). The New World. In: Bogdanov, A. A. *Questions of Socialism: Works of Different Years*. Moscow: Politizdat publ., pp. 28–89 (in Russ.).
19. Bogdanov, A. A. (1905). *Empiriomonism: Articles on Philosophy. Bk. 1*. Moscow: Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig publ. (in Russ.).
20. Kalinchenko, S. B. (1994). *The Problem of the "New" Man in the Works of Political Figures of the 1920s: A. A. Bogdanov, N. I. Bukharin, A. V. Lunacharsky, L. D. Trotsky*: [dissertation]. Stavropol publ. (in Russ.).
21. Makarenko, A. S. (1987). Pedagogical Poem. In: Makarenko, A. S. *Collected Works. Vol. 2*. Moscow: Pravda publ., pp. 5–236 (in Russ.).
22. Guseinov, A. A. (2014). Humanitarian Context of the Philosophy of Russian Sixties. In: *Problems and Discussions in Russian Philosophy in the Second Half of the 20th Century: A Modern View*. Moscow: ROSSPEN publ., pp. 7–22 (in Russ.).
23. Ilyenkov, E. V. (1968). Psyche and Brain (Reply to D. I. Dubrovsky). In: *Voprosy filosofii*, 11, 145–155 (in Russ.).
24. Ilyenkov, E. V. (1977). Formation of Personality: Towards the Results of a Scientific Experiment. In: *Kommunist*, 2, 68–79 (in Russ.).
25. Ilyenkov, E. V. (1991). What is Personality? In: Ilyenkov, E. V. *Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat publ., pp. 387–414 (in Russ.).
26. Shchedrovitsky, G. P. (2004). The System-Activity Approach and the Main Problems of Science and Man in the 20th Century. In: Shchedrovitsky, G. P. *Moscow Methodological Circle: Development of Ideas and Approaches. Vol. 8. Iss. 1. M.*: Put publ., pp. 11–239 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Лутовинов Сергей Борисович (г. Москва) – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: s.lutovinov@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Sergey B. Lutovinov (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: s.lutovinov@inbox.ru

Научная статья
УДК 211.2;130.2
DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-14-24

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ МИСТИКИ

Кравченко В. В.

*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: kravvic@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.02.2026

После доработки 22.02.2026

Принята к публикации 04.03.2026

Аннотация

Цель. Введение этнокультурного подхода к философскому исследованию мистики как социокультурного феномена.

Процедура и методы. Применялся системный метод с использованием историко-философской реконструкции и историко-религиозной компаративистики, а также контент-анализа, моделирования, абстрагирования, анализа и синтеза.

Результаты. Мистика была рассмотрена как факт прикосновения человека к принципиально непостижимой Тайне, которая в полной мере никогда не будет полностью постигнута, но приоткрывается при определённых условиях (в мистическом опыте). Были установлены основные этапы её исследования: на самых ранних этапах человеческой культуры мистика начала формироваться как особая сфера духовной жизни на основе мифов, а затем она осваивалась внутри мифо-магического комплекса как основа сакрального знания. Как показано на примерах реликтовых племён, мистика развивалась параллельно с магией, религией и философией. В древнегреческой культуре было сформировано первое «теоретическое» понятие «мистики» на фоне мистериальной практики. Специфическое понятие «мистика» было введено в философский оборот только в XIX в. Вл. Соловьёвым. В русской философии начала XX в. мистика осваивалась в русле «мистической философии» русскими мыслителями, непосредственно испытавшими мистический опыт.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в актуализации философского рассмотрения мистики и введении в научный оборот малоизученных пластов философско-религиозного знания, раскрывающих уникальные особенности русской философской мысли и духовной культуры.

Ключевые слова: мистика, этническая культура, миф, ритуал, магия, религия, философия, мистическая философия, просветление.

Для цитирования:

Кравченко В. В. Этнокультурный аспект рассмотрения мистики // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 14–24. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-14-24>.

Original research article

CONSIDERING "MYSTIKA" IN TERMS OF ETHNOCULTURAL ASPECT

V. Kravchenko

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
e-mail: kravvic@mail.ru*

Received by the editorial office 02.02.2026

Revised by the author 22.02.2026

Accepted for publication 04.03.2026

Abstract

Aim. To introduce an ethnocultural approach to the philosophical study of "mystika" (V. Solovyov's specific term for *mysticism*) as a sociocultural phenomenon.

Methodology. A systematic method was applied using historical and philosophical reconstruction and historical and religious comparative studies, as well as content analysis, modeling, abstraction, analysis and synthesis.

Results. "Mystika" was viewed as a fact of human contact with a fundamentally incomprehensible Mystery, which can never be fully comprehended, but is revealed under certain conditions (in mystical experience). The main stages of its research were established: in the earliest stages of human culture, "mystika" began to develop as a special sphere of spiritual life based on myths, and then it was assimilated within the myth-magical complex as the basis of sacred knowledge. As shown by the examples of relict tribes, "mystika" developed in parallel with magic, religion, and philosophy. In ancient Greek culture, the first "theoretical" concept of "mystika" was formed against the backdrop of mystery practice. The specific concept of mysticism was introduced into philosophical circulation only in the 19th century by V. Solovyov. In Russian philosophy of the early 20th century, "mystika" was mastered in the mainstream of "mystical philosophy" by Russian thinkers who had directly experienced mystical experiences.

Research implications lie in the actualisation of philosophical consideration of "mystika" and the introduction into scientific circulation of little-studied layers of philosophical and religious knowledge, revealing the unique features of Russian philosophical thought and spiritual culture.

Keywords: "mystika," ethnic culture, myth, ritual, magic, religion, philosophy, mystical philosophy, enlightenment

For citation:

Kravchenko, V. V. (2026). Considering "Mystika" in Terms of Ethnocultural Aspect. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 14–24. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-14-24>.

То, что мы знаем – ограничено, а то, чего мы не знаем, бесконечно.

Пьер-Симон Лаплас

Введение

Сегодня не существует как единого определения мистики, так и единой теоретической базы для формирования паллиативного определения столь уникального феномена.

Современный термин «мистика» связан с древнегреческой цивилизацией (и закрепился затем в средиземноморских / западноевропейских менталитетах)¹, но

¹ Этимологически термин «мистика» происходит от др. греч. глагола «μύω» – ‘закрывать’, ‘закмуриваться’ (о глазах); в расширительном смысле – ‘с закрытыми глазами’ (Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 988). Со времён Гераклита «μυστή» означает ‘посвящённый’ (в Элевсинские мистерии), возможно, это термин, происходящий от понятия «тот, кто закрывает глаза», в противовес «εποπτής» – ‘наблюдатель’: тот, кто достигает высшей степени посвящения в мистерии (Chantraine P. *Dictionnaire Etymologique de la Langue*

мистические явления существовали с глубочайшей древности в различных регионах и цивилизациях. Дотеоретическое представление о мистике как особом феномене формировалось, по существу, на самых ранних этапах зарождения и развития человеческой культуры. Как факт духовного озарения, «сверхчеловеческого» понимания мистика рассматривалась не

Grecque, *Histoire des Mots*. Tome III. Paris: Editions Klincksieck, 1974. P. 279–281). При этом «μυστικοῦ» – это ‘принадлежащий тайнам’ (μυσταί), а также ‘сокрытость, таинство’, «μυστηριον» – ‘тайнодействие’. (Frisk H. *Griechisches Etymologisches Wurterbuch*. B. I. Heidelberg: Carl Winter: Universitätsverlag, 1960. P. 728). В современном английском языке не существует понятия и термина «мистика», потому автор в данной статье вынуждена вводить английский неологизм “mystika”, по смыслу соответствующий в первую очередь определению этого понятия у Вл. Соловьёва (см. далее по тексту).

только как субъективное переживание, но и как нечто объективное, попавшее в сферу «естественного» из неизвестного источника.

Сегодня многие исследователи «родины» того, что в средиземноморском культурном ареале получило название «мистики», считают Индию. Скорее всего, именно в Древней Индии возникли своеобразные методы описания и разъяснения мистических явлений, а также были разработаны способы создания тех условий и человеческих состояний, при которых связь с подобными явлениями можно было возобновить. В древнейших преданиях сохранились образы «риши» – мистиков и мудрецов, обретавших и сохранявших священные знания, которые легли в основу развитой индийской цивилизации. Так, в ведической традиции в название одной из четырёх основных Вед – Атхарваведу – в древности не включался компонент «веда». «Это было “Атхарва” или “Атхарвангираса” (atharvangirasa) – название, состоящее из имён двух мифических родов: Атхарвана и Ангираса (angirasa – название полубожественных существ, мудрецов-риши, посредников между богами и людьми или angirasa “связанная с Ангирасами”») [1, с. 3].

Во всех древнейших цивилизациях обнаруживаются зачатки мистики, хотя не во всех исторических, культурологических и философских исследованиях учёные уделяют достаточное внимание этой проблеме.

Представление об изначальной и непостижимой Тайне, с которой человечество изредка и непредсказуемо сталкивается через своих редких представителей, всегда существовало и трактовалось по-разному. В древнейших этнических культурах подобные мистические представления были неотъемлемой частью **мифа**, если его рассматривать как сформированное этносом предельно целостное представление о действительности или её отдельных сторонах, позволяющее организовать жизнь этноса в сложных и непредсказуемых природных, социально-исторических и культурных обстоятельствах.

Истоки мистики в мифе и магии

Вслед за А. Ф. Лосевым мы считаем, что миф не является ни выдумкой, ни фикцией, ни фантастическим вымыслом, что он должен рассматриваться «с точки зрения самого мифического сознания», представляя как «...необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни; и в нём нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность» [2, с. 59].

Определяя становление культуры и всегда оставаясь в её «подоснове», миф отражает особое отношение к жизни: *иррационально-объединённое, эмоциональное принятие* вещей такими, какими они только и могут быть. При этом, как показали исследования древнейших культур, ощущение Тайны пронизывало все представления о мире, и в основе примитивного сознания лежит принятие двойственной природы вещей. Для древних людей реальность была полностью слита с «неизвестностью», и ощущение таинственного как непознаваемого пронизало все связи и отношения человека с миром, т. е. сама «удвоенная» реальность была насквозь таинственна. По сообщению Л. Леви-Брюля, например, игороты с Филиппинских островов убеждены в том, что «все предметы имеют невидимое существование так же, как и видимое» [3, с. 29]. Таинственное было неотъемлемо присуще природным и созданным самим человеком предметам, причём действие внешних объектов было неявным, но по своему значению считалось более существенным и жизненно-значимым, чем явные, так сказать, поверхностные связи и взаимодействия. Французский учёный подчёркивал, что всё мироощущение первобытных людей было пронизано убеждением в том, что существуют «...силы, влияния, действия, неприметные, неощутимые для чувств, но тем не менее реальные» [3, с. 29].

На этом убеждении формировалась и «первобытная магия», которая, как и «ми-

фическое мышление», носила действенный и вполне реальный характер для древнего человека, а иногда – более существенный и жизненно-значимый, поскольку воздействие предмета на человека составляло неотъемлемый элемент представления об этом предмете. Таинственное пронизывало древнейшую магию, но в ней уже проявлялось то разделение между «пра-мистическим» и собственно «магическим», что позволяет магию, как и миф, считать лишь «предысторией» мистики, но несколько её не исчерпывающей.

Первобытная магия в общем смысле – это признание возможности подчинения явлений, предметов и событий человеку, обладающему определёнными «знаниями» и «техниками» ритуализированного взаимодействия и с реальной, и с «Иной» действительностью. В отличие от мистики, магия не признаёт отдалённости Иного от обыденного, а также зачастую отрицает подчинённое положение человека относительно высших сил, претендуя на управление «духами», «стихиями», применение «законов высшего мира» в земной сфере.

Специальные исследования этнологов доказывают: с древнейших времён в племенах существовали два уровня магического знания и практик – сакральное и профанное. Сакральная магия была связана с глубинным пониманием того, что изначальная и великая Тайна существует вне человеческих сил и обыденных понятий, открываясь только некоторым подготовленным людям при определённых условиях; это тайное («жреческое») знание хранилось в узком кругу посвящённых. Профанная магия, практиковавшаяся всеми членами племени, была основана на обыденном представлении о том, что в любой вещи есть скрытая, «невидимая» сторона, потому магические ритуалы общедоступной магии позволяли более эффективно выживать в двойственной природе.

Итак, если рассматривать магию не только как ритуальную драматизацию мифов, но и как этническую «интерпретацию» и деятельное освоение Тайны, необходимо подчеркнуть, что уже в древности сама Тайна в племенной культуре рассма-

тривалась на двух уровнях: сакральном, как Непостижимость и неподвластное человеку Вечное Начало мира, и профанном, как некая «таинственность», неотъемлемая от обыденных вещей, с которой можно прямо вступать во «взаимодействия» на основе особых «знаний» и действий.

О сакральной и профанной магии

Яркий пример кардинального различия сакральных и профанных магических практик можно обнаружить в исследованиях древнего африканского племени догонов, сохраняющих свою этническую культуру до наших дней. Это племя было обнаружено в середине XX в. французскими антропологами Марселем Гриолем и Жерменой Дитерлен в отдалённой горной местности Бандиагара в Мали. Догоны, примитивное племя, до сих пор не имеющее развитых орудий труда и письменности, вначале привлекло исследователей необыкновенными ритуальными масками. Проникнувшись доверием к европейскому учёному Гриолю, впервые серьёзно заинтересовавшемуся культурой их племени, жрецы догонов оказали ему великую честь и посвятили в тайное «знание». Решение приняли верховные жрецы и патриархи родов, поставив условие, что Гриоль должен пройти предварительную подготовку, которая затем продолжалась больше месяца. Поскольку у догонов нет письменности, информация из поколения в поколение передаётся устно, с использованием тысячи вспомогательных знаков, с каждым из которых связаны образы, метафоры, сравнения. Зачастую слово в мифе имеет несколько иное значение, чем в обыденном языке. В рассказе нельзя менять ни единого слова, ни одного звука, поскольку это может нарушить цельность изложения и его смысл.

Вместе со своей ученицей Гриоль записывал понятую им фабулу мифа, который оказался чрезвычайно сложным и по содержанию, и по подаче информации. Этнографам, не искушённым в тонкостях современных естественных наук, в первую

очередь в астрономии, пришлось серьёзно потрудиться, чтобы сопоставить знания догонов с современными представлениями о мире. Догонский тайный миф о сотворении мира касается устройства звёздных систем, мироздания в целом, происхождения людей от неких «прародителей», похожих на земноводных, прибывших в ковчеге из системы звезды Сириус.

К сожалению, Гриоль успел опубликовать только одно краткое сообщение о догонской концепции мироздания [4]. Он не только не дождал до широкого признания своих исследований о догонах, но и унёс в могилу многие тайные сведения, полученные им во время жреческого посвящения. Ж. Дитерлен, ученица и спутница антрополога, подготовила к печати первый том собранных Гриолем этнографических материалов и опубликовала его под названием «Бледный лис» [5]. Работы Гриоля в среде антропологов не вызвали особого интереса. Информация о догонах долго оставалась незамеченной, пока статья М. Гриоля случайно не попала в руки английского астронома Мак-Гри. Учёный поразился тому факту, что примитивное африканское племя знает о звезде Сириус-В, открытой только в 1862 г.! Наиболее современную и научно обоснованную интерпретацию космологических мифов догонов дал профессиональный астроном Эрик Геррье [6].

Жреческие мифы, по утверждению старейшин догонов, были получены ими «в готовом виде» от «прародителей», и задача их тайных обществ с древности до наших дней – сохранить в неприкосновенности полученные знания. Как подчёркивала Ж. Дитерлен, мифы не только догонов, но и племени бамбара должно понимать как «знание», а не как ряд «этнологических» рассказов [7, с. 1]. Известный отечественный этнолог Е. Котляр также указывала на особенность мифов племени бамбара (близких к мифологии догонов): «Это “знание”, в полном объёме, – привилегия членов общества Коре, последнего в цепочке из шести тайных обществ бамбара, представляющего высшую стадию посвящения» [8, с. 124].

Остальные члены племени догонов интерпретируют (или им преподносят их жрецы) некоторые фрагменты тайных знаний в доступной форме, где и появляются вполне понятные обыденные сюжеты, а также фольклорные персонажи, в простонародном понимании являющиеся тотемами (например, «бледный лис» Йуругу, который прямо ассоциируется с реальной африканской лисицей).

В исследованиях многих западных и отечественных этнологов подобные различия между сакральной и профанной магией рассматриваются и в других племенных культурах. Именно в сакральной магии формируется и сохраняется веками представление о непостижимой Тайне, которая открывается чрезвычайно редко и, как правило, уникальным людям в традиции или в «мистическом опыте»; что отражено в позднейшем термине и понятии «мистика».

О мистике в эпоху формирования религий

Формирование религий, которое мы связываем в первую очередь с появлением древнейших цивилизаций, ещё в большей степени выявило специфику «мистики», символизирующую Тайну, которая открывается только отдельным людям, в то время как любая религия предполагает максимально широкое распространение своих догматов и практик. Само представление о том, что было названо «мистикой», предполагало достаточно развитое абстрактное мышление и формировалось на этапе высокого развития цивилизаций.

Для осмысления специфики мистики как исторического и социокультурного феномена необходимо подчеркнуть категорическое отличие мистики от религии. Так, например, по поводу уже упоминавшегося древнеиндийского сборника текстов Т. Я. Елизаренкова отмечала, что в индийской традиции Атхарваведа, непосредственно связанная с двумя родами – Атхарванами и Ангирасами, отражает двойную природу заговоров этого сборника: «белую магию» первого рода и «чёрную ма-

гию» второго. Таким образом, Атхарваведа противостоит трём каноническим ведам и по характеру названия, и по содержанию как текст магического предназначения текстам собственно религиозного культа. Исследователь подчёркивает: «В основе АВ (Атхарваведы. – В. К.) лежат магические народные обряды, уходящие корнями в глубокую древность. Некогда они пронизывали собой весь быт древних ведийских племён... Типологические параллели этому встречаются в ранней истории самых различных цивилизаций» [1, с. 4].

Не задерживаясь на длительном периоде зарождения пра-религий в мифо-магических практиках, обратимся к тому, что К. Ясперс назвал «осевым временем», когда формировались основные мировые религии, – к периоду смены мифологического мышления рациональным. Речь идёт о кардинальной смене мифологических традиций: мифо-магические комплексы поклонения древнейшим этническим первопредкам и культурным героям, по существу, революционным образом заменяются мифо-религиозными структурами мировых религий, в которых роль и значение мистики трансформировались.

В учениях Будды, Христа и Мухаммеда, испытавших мистический опыт, мистике можно считать «отправным пунктом» формирования религии и лишь одним из элементов религиозного сознания некоторых верующих, в конце концов, некой «подосновой» религиозного учения и практики, имея в виду исходное осознание непостижимости Бога и Его воздействия на природный мир и человека в нём. Но для любого рационально мыслящего человека очевидно, что Сиддхартха Гаутама не был буддистом, Иисус Христос не был христианином, а Мухаммед не был мусульманином. Для нас важен тот факт, что в эпоху «осевого времени» в мировых религиях полностью трансформировалось понимание взаимоотношения человека с Великой Тайной (Иным) по сравнению с мифом и магией.

Основной вопрос развитой религии – это вопрос *веры*, которая изначально ос-

нована на той предпосылке, что контакт с Иным в принципе возможен, но он исключительное явление и свершается только по высшей воле (благодати), а не так, как в профанной магии, когда у мага есть некие возможности принуждать высшие силы к действиям, необходимым смертным, когда сам маг того пожелает. Трансформация магии в примитивную религию – это в первую очередь переход от магического принятия Иного как неотъемлемой части здешнего мира и уверенности в возможности человека своей волей *влиять* на высших существ посредством ритуалов, переход к религиозному пониманию того, что Иной мир бесконечно далеко / высоко, но если правильно *просить* высших существ, то они могут услышать и помочь по их собственному желанию. В мировых религиях Иное изначально признаётся непознаваемым (нирвана в буддизме, непостижимый Бог в христианстве и Аллах в исламе), мистика «отодвигается» на периферию и религиозного учения, и религиозного культа. Даже если она признаётся, то часто вступает в противоречие с официальной догматикой и практикой конкретной религии, будь это чань / дзен в буддизме, исихазм в христианстве или суфизм в исламе.

Рассмотрение мистики в качестве некой разновидности религии или её полного аналога приводит к целому ряду недоразумений в теоретическом плане и к нецелесообразным трансформациям религиозно-социальной практики.

Мистика, в отличие от религии, связана с деятельностью и специфическим образом жизни уникальных представителей человечества, которые зачастую поневоле обретают возможность «соприкоснуться» с «трансцендентным» благодаря своим неординарным способностям. И ссылка на всеобщие «мистические способности» не выдерживает критики. Так, каждый человек так или иначе умеет петь и даже может пройти профессиональную подготовку, но выдающихся оперных певцов всегда единицы. Признавая те или иные мистические способности людей, нельзя призывать всех и каждого к обретению мистического опы-

та, тем более рассчитывать на его основе «здесь и сейчас» улучшать личную и социальную жизнь. При этом в рамках религиозного мышления те или иные представления о мистике могут формулироваться довольно чётко (при условии, что они не претендуют на окончательную истину).

Мистика и философия

В европейской философской традиции прослеживается целый ряд попыток дать теоретическое определение мистики, в отличие от религии, мифа и магии. В начале своего формирования древнегреческая философия была тесно связана с мистикой. Плутарх вкладывает соответствующую сентенцию в уста философа Аммония Саккоса: «... дорогой нам Аполлон излечивает и разрешает трудности, касающиеся жизненных обстоятельств, посредством прорицаний, которые он даёт людям, вопрошающим оракул; но трудности, разрешаемые только посредством размышления, он как будто бы сам посылает философу, возбуждая у него аппетит, зовущий того к поиску истины...» [9, с. 167]¹.

Далее Плутарх отмечал: «Относительно того, что бог не в меньшей степени является философом, чем прорицателем, всем показались правильными объяснения Аммония; он раскрыл значение каждого имени бога; “Пифиец” – бог для начинающих учиться и исследовать, “Делиец” и “Фанес” – для тех, перед кем уже частично раскрывается истина, “Исмений” – перед обладающим знанием и “Лесхинорий” – для людей, которые уже набрались опыта и извлекают пользу из споров и философских бесед друг с другом» [9, с. 167] («Пифиец» Аммония происходит от греч. ‘спрашивать’; «Делиец» от греч. ‘ясный’; «Фанес» от греч. ‘светить’; «Исмений» от греч. ‘знать’; «Лесхинорий» («покровительствующий беседе») от греч. ‘место бесед’).

Итак, начало философии для некоторых древнегреческих мыслителей божественно; она не наукоподобное знание, а данное свыше умение рассуждать по поводу данных от того же бога сложных заданий и толковать его послания. Аполлон привлекал к философии и начинающих, и обладающих знанием, и всех тех, кто стремится свой опыт применить и обменяться им в философских беседах (вспомним, что древнегреческое «филео» обозначает «стремление», а не «любовь» к мудрости!).

Прорицания и их толкования в Дельфийском храме Аполлона – важнейшая составляющая часть жизни древних греков, как отдельных граждан, так и целых полисов. Обнаружение истинности или ложности информации, заключённой в туманные определения действительно требовало значительных мыслительных усилий, игры воображения и развитой интуиции. Аммоний в сообщении Плутарха продолжал: «Так как начало философии, – сказал он, – это поиск истины, а начало поиска – удивление и затруднение, то естественно, что многое, касающееся божественных дел, кажется сплошными загадками и настоятельно требует вопроса “почему?” и исследования причины» [9, с. 167].

Мифологически-религиозный способ мышления позволил древнегреческим философам не только убедительно для своего менталитета представить основателя философии – бога Аполлона, но также признать важность его методов пробуждения и развития философского мышления у людей – *прорицания*, передаваемых пифиям (минимально растолковываемых жрецами оракулов), требующих рассуждений с применением логики и диалектики. Доводы древних греков с точки зрения их этнического менталитета действительно кажутся логичными: бог не может напрямую общаться с людьми – он иноприроден и, по существу, смертельно опасен для хрупкого человеческого организма (можно вспомнить знаменитый миф о Семеле, матери Диониса, которая вынудила Зевса предстать перед ней во всем своём божественном величии и сгорела в неземном огне).

¹ Заметим, что именно Аммоний Саккос (175–242) считается основателем александрийской школы неоплатонизма и одним из признанных мистиков древности.

Потому пифии выступали посредницами и вестницами бога, получая послания, которые необходимо истолковывать для обычных людей.

Существует предание о том, что на фронтоне Дельфийского храма было написано: «Познай самого себя – и ты познаешь Бога и Вселенную». Она отражала редко вспоминаемую доклассическую традицию древнегреческой философии, когда она была связана с аполлонической мистикой (через пифий и оракулов). Есть легенда о том, что золотой треножник пифий из храма Аполлона как символ мудрости древнего мира был передан Фалесу из Ионии, одному из первых философов и основателю Милетской философской школы [10, с. 135].

И если в древнегреческой культуре сформировалась философски обоснованная «теория» магии, которая получила название *теургии* [11, с. 4], то специфической теоретико-философской трактовки мистики в этой этнической культуре не появилось.

Мистика в европейской культуре Средневековья и Нового времени

Движение европейской философской мысли после падения древнегреческой цивилизации, как известно, пошло в другом направлении, опираясь на идеи аристотелизма [12]. Мистика была и оставалась несуществующим или в лучшем случае факультативным предметом рассмотрения для новоевропейских философов. Только к концу XVIII – началу XIX вв. мистика, мистические феномены и различные направления мистицизма привлекли интерес некоторых западных философов.

Хотя первое философское рассмотрение мистики как специфического социокультурного феномена ведёт своё начало со времён складывания древнегреческой философии, попытки рассмотрения или осмысления мистики в различных этнокультурных полях были специфическими. В европейской духовной истории можно отметить средневековую немецкую христианскую мистику (Я. Бёме,

Ангелус Силезиус, Майстер Экхарт, Фома Кемпийский, Иоганн Таулер, Валентин Вейгель), испанскую мистику XVI в. (Тереза Авильская, Хуан де ла Крус), средневековую итальянскую мистику (Иоахим Флорский, Блаженная Анджела из Фолиньо, Екатерина Сиенская). Вполне определённые особенности осмысления мистики можно проследить в английской ренессансной и просветительской мысли (Джон Ди, Роберт Фладд, Уильям Блейк), а также в немецком мистицизме XVI–XIX вв. (Г. Кунрат, Г. Терстеген, И. Г. Юнг-Штиллинг, Ф. К. фон Баадер), во французской мистике Нового времени (А. Фабр д'Оливе, мадам Гюйон).

Мистика в русской философии

По существу, русский философ Вл. С. Соловьёв был первым, кто ввёл понятие «мистики» в современный философский оборот. Он сам был прирождённым мистиком, в своих философских и художественных произведениях раскрывавшим результаты собственных мистических опытов [13]. В философском осмыслении мистики Соловьёв исходил из собственной «теософской» системы, которая несла на себе черты не только платоновского, неоплатонического, гностического и различных направлений христианского мистицизма, но также и разнообразных древневосточных мистических учений. Согласно взглядам Соловьёва, изложенным в одной из его ключевых работ, существует трансцендентный мир, «сверхприродный и сверхчеловеческий», «мир сам по себе», о котором он писал: «...выше человека и внешней природы другой безусловный божественный мир, бесконечно более действительный, богатый и живой, нежели этот мир кажущихся, поверхностных явлений. И такое признание тем естественнее, что сам человек, по своему вечному началу, принадлежит к тому трансцендентному миру и в высших степенях своей жизни и знания всегда сохранял с ним не только субстанциональную, но и актуальную связь» [14, с. 172]. По мысли

философа, человеческий дух, поскольку он глубинно связан с мировой душой и трансцендентным миром, может иметь к запредельному миру прямое, непосредственное отношение. Именно «...творческое отношение человеческого чувства к этому трансцендентному миру называется мистикой» [14, с. 152].

Вл. Соловьёв подчёркивал, что понятие мистики впервые было осознано в древнегреческой культуре. В качестве редактора отдела философии в издательстве Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Соловьёв написал обширную статью о мистике. В ней Соловьёв отмечал: «Кроме явного богослужения у греков, как и у других народов, существовали сокровенные обряды и поучения, связанные в Греции преимущественно с новыми божествами, носителями культуры – Деметрою и Дионисом. Всё сюда относившееся называлось та мистика»¹. Сам термин «мистика» он непосредственно увязывал с термином «мистерия» через общий корень «μυσ» – ‘держатъ закрытым ротъ’ – в значении ‘тщательно хранить (священную) Тайну’.

Вл. С. Соловьёв обозначил основные подходы к рассмотрению мистики: 1) исторический (от мистерий древних цивилизаций); 2) в переносном смысле («реальная или опытная мистика»); 3) в христианском смысле; 4) в аспекте религиозно-философской деятельности.

Русский философ подчёркивал различие между понятиями «мистика» и «мистицизм». По В. С. Соловьёву, мистицизм – это «исключительное направление мысли», признающее мистический опыт «...единственным или, по крайней мере, самым верным и достойным способом познания и осуществления истины»². По определению философа, мистицизм «... есть рефлексия нашего ума» на прямое и непосредственное отношение человеческого духа к трансцендентному миру и «... образует особое направление в филосо-

фии... Мистика и мистицизм так же относятся друг к другу, как, например, эмпирия и эмпиризм»³.

Иначе говоря, мистицизм – это та или иная форма осмысливания мистики и мистического опыта на практическом и/или теоретическом уровне, существующая в качестве более или менее оформленного учения. Мистицизм как особый духовный феномен в средиземноморском культурном ареале сложился в результате значительных трансформаций древних мифов и традиционной магии, на фоне оформления религиозных комплексов и древних философий как специфическая форма интеллектуальной деятельности в пределах того или иного этнического менталитета.

Хотя Соловьёв не создал своей философской школы, но он стал духовным основоположником целой эпохи «русского духовного возрождения», в русле которого начала формироваться специфическая линия русской «мистической философии» [15]. Духовно-творческими усилиями целой плеяды русских философов (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Е. Н. Трубецкого, Н. О. Лосского, П. А. Флоренского, В. Н. Лосского, А. Белого и др.) формировалась оригинальная русская мистическая философия. Мистический пласт в творчестве некоторых философов сегодня уже специально исследуется (так, недавно рассмотрена мистическая составляющая в творчестве Н. А. Бердяева [16], «мистический реализм» в творчестве Н. А. Бердяева и С. Л. Франка [17]), а также анализируется связь мистической и магической традиций в русской культуре и философии [18]. Сегодня очевидно, что русская мистическая философия имела собственные пути развития, свои методы и принципы исследований, свой категориальный аппарат, сложную систему взаимодействий с традиционными – западными и восточными – философскими школами, мистическими и религиозными течениями и естественно-научными исследованиями [19].

¹ Соловьёв В. С. Мистика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 37. СПб.: Типолиотография И. А. Ефрона, 1896. С. 454.

² Там же. С. 152.

³ Там же.

Заключение

В современной культуре можно признать, что мистика в этнокультурном и историко-философском развитии представляет собой особое явление, не тождественное ни мифу, ни магии, ни религии, ни философии, хотя активно взаимодействует с ними. Как многоаспектный и сложный феномен, она может осмысливаться философами, которые пережили непосредственный мистический опыт (что оказалось наиболее характерным для русской культуры); также мистика может из-

учаться психологами и нейробиологами (что превратилось в современный тренд североамериканской науки). В европейских культурах существуют многовековые тенденции непосредственного соединения мистики с эзотерикой и оккультизмом. В традиционных культурах Африки, Азии и Латинской Америки мистика и её аспекты, как правило, включены в сложные религиозные комплексы, сочетающие реликты племенных культов, концепты и практики мировых религий и современные вневероисповедные учения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елизаренкова Т. Я. Об Атарваведе // Атарваведа: Избранное. М.: Наука, 1989. С. 3–56.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: ЯСК: Гнозис, 2022. 696 с.
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
4. Griaule M., Dieterlen G. Un Systeme Soudanais de Sirius // Journal de la Societe des Africanistes. 1950. Vol. XX. Fasc. 1. P. 273–274.
5. Griaule M., Dieterlen G. Le renard pale: Le mythe cosmogonique. Paris: Institute d'Ethnologie, 1965. 544 p.
6. Guerrier E. La cosmogonie des Dogon. L'arche du Nommo. Paris: R. Laffont, 1975. 187 p.
7. Dieterlen G. Essai sur la religion Vambara. Paris, 1951. 240 p.
8. Котляр Е. С. Миф и сказка Африки. М.: Наука, 1975. 243 с.
9. Плутарх. О «Е» в Дельфах // Исида и Осирис: сборник. М.: ЭКСМО, 2006. С. 167–206.
10. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
11. Петров А. В. Феномен теургии: Философия и магия в античности. СПб.: РХГИ: СПбГУ, 2003. 416 с.
12. Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности: материалы Московской международной конференции по Аристотелю (г. Москва, 17–19 октября 2016 г.) / под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Аквилон, 2017. 707 с.
13. Кравченко В. В. Владимир Соловьёв и София. М.: Аграф, 2006. 384 с.
14. Соловьёв В. С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.
15. Кравченко В. В. Русский мистицизм: от личного опыта к мистической философии // Философия в полицентричном мире: VIII Российский философский конгресс. Секция 1: сборник научных статей. М.: РФО-ИФРАН-МГУ: Логос, 2020. С. 787–789.
16. Кравченко В. В. Н. А. Бердяев – русский мистический философ // Философский полилог. 2024. № 1–2 (15–16). С. 51–64. DOI: 10.31119/phlog.2024.1-2.219.
17. Хузиахметова И. А. Мистический реализм в русской философской мысли // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Т. 14. № 6А. С. 3–9.
18. Жиртуева Н. С., Козлов М. Н. Мистическая и магическая традиции в русской культуре // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 204–214. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-11-204-214.
19. Кравченко В. В. Русская мистическая философия как феномен всемирной культуры // Философский полилог. 2022. № 1 (11). С. 89–98. DOI: 10.31119/phlog.2022.1.167.

REFERENCES

1. Elizarenkova, T. Ya. (1989). On the Atharvaveda. In: *Atharvaveda: Selected Works*. Moscow: Nauka publ., pp. 3–56 (in Russ.).
2. Losev, A. F. (2022). *Dialectics of Myth. Supplement to "The Dialectics of Myth."* Moscow: YASK publ., Gnosis publ. (in Russ.).

3. Lévy-Bruhl, L. (1994). *Contributions to the Study of Primitive Mentality*. Moscow: Pedagogy-Press publ. (in Russ.).
4. Griaule, M. & Dieterlen, G. (1950). Un Systeme Soudanais de Sirius. In: *Journal de la Societe des Africanistes*, XX, Fasc. 1, 273–274.
5. Griaule, M. & Dieterlen, G. (1965). *Le renard pale: Le mytho cosmogonique*. Paris: Institute d'Etnologie.
6. Guerrier, E. (1975). *The cosmogonies of Dogon. L'arche du Nommo*. Paris: R. Laffont.
7. Dieterlen, G. (1951). *Essai sur la religion Bambara*. Paris.
8. Kotlyar, E. S. (1975). *Myth and Fairytale of Africa*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
9. Plutarch (2006). On the E at Delphi. In: *Isis and Osiris*. Moscow: EKSMO publ., pp. 167–206 (in Russ.).
10. Cassidy, F. H. (2003). *From Myth to Logos: The Development of Greek Philosophy*. St. Petersburg: Aletheia publ. (in Russ.).
11. Petrov, A. V. (2003). *The Phenomenon of Theurgy: Philosophy and Magic in Antiquity*. St. Petersburg: Russian Chemical Institute publ., St. Petersburg State University publ. (in Russ.).
12. Petrov, V. V., ed. (2017). *Aristotelian Heritage as a Constitutive Element of European Rationality: Proceedings of the Moscow International Conference on Aristotle (Moscow, October 17–19, 2016)*. Moscow: Akvilon publ. (in Russ.).
13. Kravchenko, V. V. (2006). *Vladimir Solovyov and Sofia*. Moscow: Agraf publ. (in Russ.).
14. Soloviev, V. S. (1988). Philosophical Principles of Integral Knowledge. In: Soloviev, V. S. *Works. Vol. 2*. Moscow: Mysl publ., pp. 139–288 (in Russ.).
15. Kravchenko, V. V. (2020). Russian Mysticism: From Personal Experience to Mystical Philosophy. In: *Philosophy in a Polycentric World: VIII Russian Philosophical Congress. Section 1*. Moscow: RFO-IFRAS-MSU publ., Logos publ., pp. 787–789 (in Russ.).
16. Kravchenko, V. V. (2024). N. A. Berdyaev – Russian Mystical Philosopher. In: *Philosophical Polylogue*, 1–2 (15–16), 51–64. DOI: 10.31119/phlog.2024.1-2.219 (in Russ.).
17. Khuziakhmetova, I. A. (2025). Mystical Realism in Russian Philosophical Thought. In: *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 14, 6A, 3–9 (in Russ.).
18. Zhirtueva, N. S. & Kozlov, M. N. (2023). Mystical and Magical Traditions in Russian Culture. In: *Voprosy Filosofii*, 11, 204–214. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-11-204-214 (in Russ.).
19. Kravchenko, V. V. (2022). Russian Mystical Philosophy as a Phenomenon of World Culture. In: *Philosophical Polylogue*, 1 (11), 89–98. DOI: 10.31119/phlog.2022.1.167 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: kravvic@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Theology, Moscow State Linguistic University;
e-mail: kravvic@mail.ru

Научная статья

УДК 168 +009

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-25-37

УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, УЧЁНЫЙ И ПЕДАГОГ Б. В. БИРЮКОВ: ЗАМЕТКИ НАКАНУНЕ 105-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ

Прядко И. П.

*Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
г. Москва, Российская Федерация*

e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.12.2025

После доработки 29.12.2025

Принята к публикации 14.01.2026

Аннотация

Цель. Анализ выводов выдающегося отечественного логика, историка и методолога науки, исследователя информационной культуры Б. В. Бирюкова, выявление вех научной биографии учёного, изучение его работ по истории логики, раскрытие малоизвестных сторон научной деятельности Б. В. Бирюкова.

Процедура и методы. Ретроспективный анализ источников по истории логики, биографический метод, сравнительно-исторический метод.

Результаты. В статье прослежено расширение предметного поля исследований у Б. В. Бирюкова на завершающем этапе его научной биографии, рассмотрен осуществлённый им поиск границ логической формализации, изучены результаты исследований профессора Бирюкова в области истории логики. Новаторскими автор настоящей статьи считает выводы, сделанные Бирюковым в отношении логико-философского наследия таких мыслителей, как Г. Фреге, Р. и Г. Грассманы. Учён вклад Б. В. Бирюкова в исследование культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа имеет теоретическую и практическую значимость, т. к. проливает свет на динамику отечественной философской и логической мысли в конце XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: генетический метод, индуктивно-рекурсивный подход, кибернетика, математическая логика, русская история и философия, семантика

Для цитирования:

Прядко И. П. Участник Великой Отечественной войны, учёный и педагог Б. В. Бирюков: заметки накануне 105-летнего юбилея // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 25–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-25-37>.

Original research article

PARTICIPANT IN THE GREAT PATRIOTIC WAR, SCHOLAR AND EDUCATOR – BORIS BIRYKOV: NOTES ON THE EVE OF HIS 105TH BIRTHDAY

I. Pryadko

*Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow,
Russian Federation*

e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

Received by the editorial office 03.12.2025

Revised by the author 29.12.2025

Accepted for publication 14.01.2026

Abstract

Aim. To analyse conclusions made by the outstanding Russian logician, historian and methodologist of science, researcher of information culture Boris Biryukov, to identify milestones in his academic biography, to study his research into the history of logic, and to unveil the understudied aspects of his scientific activity.

Methodology. The author offers retrospective analysis of sources on the history of logic made using biographical and comparative-historical methods.

Results. The article traces the expansion of Boris Biryukov's field of research at the final stage of his research biography, examines his search for the boundaries of logical formalisation, and reviews the results of his research in the history of logic. The author assumes that Biryukov's conclusions about the logical and philosophical heritage of such thinkers as F. L. G. Frege, H. Grassmann, and R. Grassmann are innovative. The author also addresses Biryukov's contribution to culture studies.

Research implications. The study has theoretical and practical value, as it sheds light on the development of Russian philosophical and logical thought in the late 20th and early 21st centuries.

Keywords: genetic method, inductive-recursive approach, cybernetics, mathematical logic, Russian history and philosophy, semantics

For citation:

Pryadko, I. V. (2026). Participant in the Great Patriotic War, Scholar and Educator – Boris Biryukov: Notes on the Eve of His 105th Birthday. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 25–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-25-37>.

Введение

Изучение логико-философского наследия XX в. остаётся актуальным в настоящее время. Именно поэтому автор обратился к научным достижениям известного логика прошлого столетия Бориса Владимировича Бирюкова накануне его 105-летнего юбилея. Важно подчеркнуть, что отдельные аспекты историко-философских и логико-математических изысканий профессора Б. В. Бирюкова до сих пор неизвестны широкой научной общественности. Именно о них, а также об обстоятельствах его научной биографии пойдёт речь в настоящей работе. Новизна предлагаемого исследования состоит в обращении к философско-историческим аспектам учения Г. Фреге, наследие которого находилось в центре внимания русского историка логики и математики. Другая особенность состоит в том, что различные стороны научного творчества Б. В. Бирюкова рассмотрены в комплексе как последовательные вехи его долгого и наполненного событиями жизненного пути.

В настоящий момент многие аспекты творчества российского логика оказались

прочно забыты, в силу чего мы вправе говорить о низкой степени разработанности тем, которые находились в центре внимания Бориса Владимировича. За последние пять лет вышли только две статьи, где рассмотрены отдельные вехи его научной биографии [1; 2].

Среди подходов, которые используются в нашей работе, отметим биографический, предполагающий выявление трансцендентального единства сознания учёного-творца и его биографии. Привлекаются также сравнительно-исторический метод, метод ретроспективного анализа текстов логико-философского и историко-философского содержания.

В настоящей работе автор ставит следующие задачи:

1) определить вехи жизненного пути Б. В. Бирюкова;

2) показать его вклад в изучение логико-математического наследия Роберта и Германа Грассманов, в определение масштаба достижений Г. Фреге в сфере логической семантики, формализации исчисления высказываний, логического обоснования арифметики и некоторых других разделов математики;

3) оценить масштаб и содержание заслуг Б. В. Бирюкова в области наук о культуре;

4) рассмотреть деятельность Бориса Владимировича как популяризатора логического и кибернетического знания, продемонстрировать его способность ставить в рамках научно-популярных работ по кибернетике и истории математической логики вопросы научно-методологического и философского содержания;

5) пролить свет на последние работы исследователя, направленные на раскрытие логики социальных процессов, а также на статьи, где даётся оценка недавнего прошлого, в частности тех процессов, в которые Б. В. Бирюков был вовлечён непосредственно.

Вехи биографии. Студенческие годы. Канун Великой Отечественной

Герой настоящего очерка – выдающийся отечественный учёный, логик, историк науки Борис Владимирович Бирюков – родился в Краснодаре 19 июня 1922 г., но основные этапы его научной биографии были связаны с Москвой. Сначала Б. В. Бирюков проходил обучение в МИФЛИ им. Н. Г. Чернышевского, а после того, как *лицей в Сокольниках* влился в МГУ (об этом подробнее см.: [3]), стал студентом философского факультета этого вуза. Великая Отечественная война заставила Бориса Владимировича освоить ещё одну профессию, на этот раз военную.

Трудно переоценить заслуги Бирюкова в таких областях научного исследования, как история логики (он изучал логическое наследие Г. Фреге, Р. и Г. Грассманов), кибернетика, развитие логической и информационной культуры. Будучи учеником С. А. Яновской, Б. В. Бирюков наряду со своими коллегами и единомышленниками немало сделал для популяризации математической логики в нашей стране. В год приближения 105-летнего юбилея российского учёного вспомним отдельные ступени его биографии, а также рассмотрим те стороны научного наследия, которые могут быть интересны не только историкам

отечественной науки, но и современным исследователям, занимающимся логико-философскими изысканиями.

Военные годы Бориса Владимировича Бирюкова

Именно со студенческой скамьи, во время учёбы на втором курсе философского факультета МГУ Борис Владимирович отправился на фронт. Обратим внимание на одну немаловажную деталь, отмечаемую Бирюковым как очевидцем событий. В своей научной автобиографии философ свидетельствует, что он не видел обыгрываемых в современных фильмах о войне очередей у военкоматов, да и сам он на фронт не стремился. Гражданское общество, московская улица встретили известие о гитлеровском нападении с тревогой и напряжённым ожиданием¹.

Службе в линейных частях, в действующей армии предшествовали курсы военных специалистов. Согласно воспоминаниям самого ветерана, военные курсы проходили на Большой Татарской улице, где курсанты овладевали секретами военной криптографии, изучали азбуку Морзе, знакомились с переносными радиостанциями. Военному делу Б. В. Бирюков обучался и в районе ст. Тайнинская недалеко от рабочего посёлка Мытищи. И только после прохождения службы в учебных подразделениях Бирюков был направлен в действующую армию.

Будучи курсантом радиошколы, Б. В. Бирюков досконально изучил радиотехнику. Как указывается в его воспоминаниях, в радиошколе он записывал лекции, знакомился с работой войсковых радиостанций. Лекторами военного учебного подразделения были инженеры радиозавода № 2 Народного комиссариата обороны. В период войны они получили воинские звания. Изучались принципы работы электронных ламп, виды радиоприёмных

¹ Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и послевоенные годы. М.: КомКнига, 2006. С. 94–96.

устройств, и эти знания, по свидетельству Бирюкова, оказались востребованы через много лет, в период работы в Научном Совете по кибернетике при АН СССР.

Говоря о монтаже радиосхем, нельзя не вспомнить более поздние работы Б. В. Бирюкова, в которых он обратился к наследию радиофизика и логика В. И. Шесткова, занимавшегося синтезом и анализом релейно-контактных схем, рассматриваемых в качестве моделей формул математической логики (булевой алгебры). Отстаивая приоритет Шестакова в создании логики релейно-контактных схем, Бирюков написал на данную тему ряд работ в соавторстве со своим учеником, тоже логиком и историком науки И. С. Верстиным [4; 5] (есть также работы современных авторов на близкие темы: см. [6; 7]).

Получив военную специальность «радиотехник» и воинское звание «младший вентехник», Борис Владимирович Бирюков был направлен в действующую армию. Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, затем проходил службу на Балтийском флоте. О своей службе, участии в военных операциях герой настоящего очерка в автобиографии пишет скупно, однако общую картину тяжёлых боёв за «город на Неве» по воспоминаниям Бирюкова получить можно.

Боевой путь

Бориса Владимировича Бирюкова

О боевом пути подразделений, где проходила служба будущего светила математической логики и кибернетики, рассказано на сайте «Подвиг народа». Артиллерийский полк резерва Главного командования, где служил Борис Владимирович (на сайте «Подвиг народа» указано, что это был 754-й гаубичный полк), имел задачу расширить территорию, которая должна была соединить находящийся в блокаде Ленинград с «большой землёй». Именно в этом подразделении Бирюков служил в должности радиотехника. Двумя железнодорожными эшелонами артиллерийский полк был доставлен на станцию Мга. Далее по льду

Ладожского озера (позже этот путь был назван «дорогой жизни») полк был переброшен в Шлиссельбург.

Следующим воинским подразделением, в котором служил Б. В. Бирюков, стал полк связи (группа ближней разведки). Этот полк обеспечивал связью снятие блокады Ленинграда и освобождение Эстонии. Осенью 1944 г. герой настоящего очерка становится радиотехником, а после – начальником военно-технического снабжения батальона связи дивизии морской пехоты. В конце Великой Отечественной войны Балтийское море находилось под полным контролем нашего Балтийского флота, который был поделён на Северный и Южный [8, с. 50–57]. Сам Б. В. Бирюков служил в 1 Мозырской Краснознаменной дивизии морской пехоты Северо-Балтийского флота. База Балтийского флота Порккала-Удд, где и проходила служба Б. В. Бирюкова, продолжала существовать до 1956 г. и была ликвидирована в период, когда Н. С. Хрущёв осуществлял политику односторонних уступок нейтральной на тот момент Финляндии [9; 10]. Появление упомянутой выше базы стало возможно после выхода Финляндии из войны в 1944 г. и заключения мирного договора с СССР и Великобританией. Маннергейм, передавая эту базу в пользование СССР, демонстрировал тем самым свою лояльность по отношению к победителям – союзникам по антигитлеровской коалиции.

Обратим внимание на то обстоятельство, что несмотря на тяготы воинской службы и участие в боевых операциях, Борис Владимирович тем не менее находил время для изучения иностранных языков, знакомства с научной литературой. Бирюков, в частности, в своих воспоминаниях отмечает, что в штабе Ленинградского фронта была неплохая библиотека, где он брал нужные для себя книги в тот краткий период, когда находился в офицерском резерве. Во время воинской службы Б. В. Бирюков был награждён орденом «Отечественной войны» II степени, а 21 июня 1946 г. состоялось его награждение медалью «За победу над

Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации, которая для Бориса Владимировича наступила лишь в 1946 г., герой настоящего очерка вернулся на философский факультет МГУ, а после получения диплома стал аспирантом того же вуза.

Мирные годы. Научно-исследовательская деятельность Б. В. Бирюкова

Борис Владимирович Бирюков прожил яркую, долгую, полную свершений жизнь. Но это была прежде всего жизнь учёного, жизнь исследователя, работавшего в области истории логики и философии математики. Этапами его плодотворной научной деятельности были написание кандидатской и докторской диссертаций, годы, связанные с работой в Научном совете по комплексной проблеме «Кибернетика» при президиуме АН СССР, подготовка статей логико-философской и логико-математической тематики для третьего издания «Большой Советской энциклопедии» (БСЭ), «Философской энциклопедии», ряда справочных изданий, вышедших в советское время. Его редакторский труд, незаурядные способности по составлению научных и научно-популярных текстов были востребованы в 70–80-е гг. XX в. Нельзя пройти мимо педагогической деятельности Бориса Владимировича. Ведь долгое время он был профессором МГУ им. М. В. Ломоносова, возглавлял кафедру Международного славянского университета, до последнего года своей жизни руководил центром изучения чтения и информационной культуры при МГЛУ.

Под редакцией Б. В. Бирюкова были изданы сборники серии «Номо Legens», посвящённые проблемам современной информационной культуры. В них публиковались статьи коллег Бориса Владимировича, иногда помещались работы его самого.

Работы по истории логики

Главной областью исследований Бориса Владимировича была история логики и философия математики. Казалось бы, обе указанные сферы знания не предполагают прорывных открытий, меняющих представление о том, как развивалось логико-математическое и логико-философское знание. Однако и в этой области Борисом Владимировичем были проведены чрезвычайно важные исследования, посвящённые развитию логико-математических идей. В частности, рассмотрены те стороны логико-математического учения Роберта Грассмана, которые впоследствии легли в основание конструктивистской логики. При изучении трудов Германа Грассмана Борису Владимировичу удалось пролить свет на сущность его методологии. Бирюковым было показано, что в основе данной методологии лежит рекурсивно-индуктивный подход [11].

На протяжении всей своей научной биографии Б. В. Бирюков занимался изучением логико-математического наследия Готлоба Фреге¹. Венцом его фрегеаны стала публикация переведённых им работ немецкого логика, сопровождающаяся предисловием, послесловием и комментариями самого автора перевода (объём всего справочного и сопроводительного аппарата в сумме превысил полторы сотни страниц). Эти обширные предисловие и послесловие, по сути, стали подведением тех итогов, к которым пришёл Б. В. Бирюков в результате многолетнего изучения работ иенского логика и математика.

Г. Фреге, по Бирюкову, был первым из исследователей, который решительно порвал с психологизмом, имевшим сильные позиции в гносеологии и философской логике в конце XIX – начале XX вв. Успехи психологии, которыми был ознаменован данный период (Бирюков называет здесь имена Г. Т. Фехнера и В. Вундта, но к ним

¹ Бирюков Б. В. Взгляды Г. Фреге на философские проблемы логики, математики и семантики: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1961. 15 с.; Birjukov B. Two Soviet Studies on Frege. Dordrecht: Redel, 1964. 101 p.

несомненно следует добавить Ф. Мажанди, О. Кюльпе и др.), не могли не повлиять на логику. Очищенная от психологизма логика рассматривалась Готтлобом Фреге как наука, предметом изучения которой выступают основные формы бытия истины [12, с. 287]. Разумеется, такую точку зрения на науку разделял сам Борис Владимирович.

Стоит обратить внимание на различие, о котором пишет Б. В. Бирюков, между логико-математическим учением Г. Фреге и алгеброй логики Дж. Буля – так называемой булевой алгеброй. Если иенский учёный ставил цель подвести твёрдый логический фундамент под большинство разделов математики (кроме геометрии, что особо оговорено в «Предисловии» Бирюкова), то Джордж Буль шёл противоположным путём и рассматривал алгебру в качестве средства организации логического материала.

Перечисляя заслуги Г. Фреге, Бирюков в числе первых называет создание им новой ветви современной логики, сегодня получившей название логической семантики. Следующим результатом деятельности Фреге стала разработка формализованного языка для записи расширенного исчисления предикатов с равенством. Иенским учёным была дана чёткая и исчерпывающая формулировка принципа абстракции. Его вкладом в науку можно считать изучение полной математической индукции. На основе созданного им языка Фреге построил самую раннюю дедуктивно-аксиоматическую систему исчисления высказываний и предикатов. И разумеется, одна из главных заслуг иенского логика состоит в том, что им была предпринята первая попытка формализации конкретной математики. А критические замечания, высказанные по поводу результатов данной формализации, стали плодотворными для динамики логико-математического знания в XX в.

Особое значение Бирюков придаёт, как уже было сказано, критике психологизма. Так, во «Введении» он приводит один из главных принципов иенского учёного: «надлежит резко отделять психологическое от логического, субъективное от объ-

ективного». Отметим в обсуждаемой связи, что разграничение субъективного и объективного в нашем знании стало отправной точкой для разработки концепции воображаемой логики Н. А. Васильева – одной из первых систем логической неклассичности.

Философское наследие Фреге, его вклад в развитие математической логики современные историки философии и математики обычно сводят к двум существенным моментам: к разработке проблем логической семантики, с одной стороны, и логического основания арифметики – с другой. Усилия в последней области не дали, как известно, положительных результатов, а многие фрегевские открытия, впоследствии получившие признание, не были даже оценены его соотечественниками. И действительно, перипетии логико-арифметических изысканий, описанные Бирюковым как биографом Фреге яркими красками, заслуживают особого внимания, подтверждая мысль, что отрицательный результат в науке – тоже результат.

Несмотря на то, что и предисловие, и справочный аппарат, как и сама публикация работ Фреге, рассчитаны на математиков и логиков, отдельные главы предисловия могут заинтересовать и неподготовленного читателя, имеющего склонность к изысканиям в области наук о культуре и в гуманитаристике. Так, например, Бирюков обращается к анализу политических взглядов позднего Фреге, разоблачая при этом стереотипы и мифы, созданные западными исследователями жизненного пути иенского математика. В своих выводах Б. В. опирается на данные «Политического дневника», опубликованного западными фрегеоведами. Последуем же за Б. В. Бирюковым. Драматические события Первой мировой, политические реалии Веймарской республики сильно повлияли на позицию Фреге по широкому спектру общественных вопросов. И если параллели между Веймарской Германией и современной посткоммунистической Россией просматриваются как вполне очевидные, то проделанный Бирюковым ана-

лиз политических взглядов одного из выдающихся деятелей немецкой науки тоже оценивается нами как в высшей степени своевременный. Так, будучи либералом и патриотом Германии в предвоенный период, Фреге после Революции 1919 г. переходит на позиции крайнего консерватизма и выступает с резкой критикой нового правительства страны. Внутренние пороки немецкой политической системы связывает с засильем социал-демократов в правящем классе и, в частности, в исполнительной ветви власти, на фоне чего деятельность всех левых партий Фреге рассматривает как подрывную.

Во введении Бирюков показал, каким трудным и «неспешным» оказался путь фрегевских логических идей к признанию. Хотя уже в конце 20 – начале 30-х гг. XX в. отдельные коллеги иенского логика считали его одним из создателей учения об основаниях математики, широкое признание логико-математических заслуг Фреге связано с 50–60-ми гг. этого столетия. И всё же труд, который взял на себя немецкий математик и логик, оказался неподъёмным, а многие его современники в области логики и философии математики шли путём, обратным фрегевскому. Сравнивая направления поиска Фреге с исследованиями Германа и Роберта Грассманов, легко заметить, что последние математику, рассматриваемую как «учение о величинах», положили в обоснование логики. Убедительным представляется произведённое Бирюковым разграничение подхода «позднего» Фреге и базовых принципов «аналитической философии». Ведь основополагающим тезисом этого, по словам Б. В. Бирюкова, «широкого и разношёрстного течения», выступает мысль, что логический анализ языка есть путь к решению философских проблем. В противоположность данному подходу немецкий «аналитик» полагал, что решение логико-гносеологических вопросов предшествует логико-лингвистическим построениям и их определяет. Отсюда задача, которую вслед за Фреге ставят исследователи философских проблем языка, – «бороться с не-

достатками естественного языка». Именно это «есть путь к решению философских проблем» [12, с. 62].

Логическое несовершенство языка, по убеждению Фреге, выступает причиной того, что вопрос о недоказуемости математических аксиом, априорности точного знания не теряет актуальности. Так, Фреге полагает, что глаголы-связки, используемые в речи, указывают на наличие умозаключений, но ничего не говорят о законе, на котором держится связь между суждениями естественного языка. Ведь эти логические связки могут иметь место даже в случаях, когда невозможно какое-либо оправданное умозаключение. К тому же речь, язык изобилуют психологическими уловками, которые на самом деле придают умозаключениям, нарушающим законы логики, некоторое подобие убедительности. Таким образом, выводы Фреге по философии языка, сделанные на основе анализа языковых конструкций, вписываются в его борьбу с психологизмом, которую он вёл в своих работах. Язык науки для того, чтобы стать орудием поиска истины, должен отказаться не только от двусмысленности и многозначности выражений, но и от тех схем, которые не верны, а только правдоподобны. Естественный язык не может быть надёжным инструментом поиска истины и доказательства потому (и это выражение Фреге), что «колея, по которой должно идти умозаключение, должна быть крепкой, а в естественных языках таковой нет». Наконец, ещё одна претензия Фреге к естественному языку как средству представления логической связи между трактуемыми посредством его вещами, – это невозможность компактной записи. При этом «длинноты словесного языка вместе с его логическим несовершенством составляют почти непреодолимые препятствия».

Такие штрихи к портрету философа, чьи математические идеи опередили время, находим мы в очерке Бирюкова. Отечественный исследователь подчёркивает, что морально-политические устои «великого иенца» резко контрастировали с левой ориентацией большинства за-

падных представителей «аналитической философии». И тем не менее исследования позднего Фреге послужили базисом для позднейших мыслителей, причисляемых к направлению логического позитивизма [12, с. 62]. Однако и это обстоятельство, согласно замечанию Б. В. Бирюкова, не позволяет отнести Г. Фреге к данному направлению, представленному такими именами, как Рассел, Витгенштейн и Карнап (современный взгляд на некоторые из затронутых выше проблем см. в работах [13; 14]).

Друзья и коллеги Б. В. Бирюкова. «Жар холодных числ...»

Б. В. Бирюков воспитал плеяду учёных-логиков, философов и историков науки, некоторые из них работают и поныне, а иных уже нет в живых. Его другом был математик и православный публицист, профессор В. П. Тростников. Совместно с ним была написана книга «Жар холодных числ и пафос бесстрастной логики»¹, посвящённая истории логики и математики и современным проблемам этих наук. Этот уникальный по жанру и стилю изложения труд выдержал несколько изданий. Совместная книга учёных касается разных сторон развития кибернетики и математической логики.

Авторы «Жара...» обращаются к истокам логико-математической мысли, к тому, как формировался механизм рассуждений, как античные философы учились распознавать особые мыслительно-языковые конструкции, как родилась и крепла идея автоматизации рассуждений. Через Средние века, через *великое искусство* схоласта Раймунда Луллия, Бирюков и Тростников подводят читателя к логическим идеям Нового времени, давая возможность оценить, например, научное творчество Лейбница под неожиданным даже для знатока истории логики углом зрения (развивается тема *Лейбниц как по-*

следователь Луллия). Следующие фрагменты книги посвящены алгебре Дж. Буля и её моделям (раздел 3 *Обретение письменности*), формированию теоретико-множественной математики и отражению теоретико-множественных установок в логике (раздел 4 *Переоценка ценностей*), усвоению математической логики неклассических идей (финитизма Гилберта, конструктивизма Брауэра; о них рассказывается в 5 и 6 разделах). Затем рассматриваются теоремы Геделя, соавторы рассказывают о становлении кибернетики как науки и практики, об алгоритмизации видов деятельности, оказавшихся в поле зрения данной дисциплины.

Таким образом, авторами была прослежена динамика становления логико-математического знания от сократических упражнений, выработки алгоритма рассуждений до появления машинного языка информатики. Обсуждается, например, устройство и функционирование машин Ч. Беббиджа и А. Шукарева, показано дальнейшее развитие математической логики в XX в. в связи с необходимостью разрешения математических парадоксов. Вместе с тем авторам в относительно небольшой монографии не удалось охватить все аспекты логико-математического знания. Достижения российских школ логики затрагиваются опосредованно, только в связи с рецепцией этими школами западноевропейских идей: упоминаются А. А. Марков, С. А. Яновская, В. И. Шестаков.

Здесь же отметим то, что в своей замечательной книге соавторы стремились показать не только возможности логической формализации, но и ограниченность её применения. В отдельных главах книги ставится вопрос о соотношении формально-логической доказуемости и содержательной истинности. Обсуждается связь между идеей возможных миров Лейбница и концепцией «вероятностной вселенной», которая была разработана Н. Винером в рамках созданной им кибернетики. Выводы западных мыслителей и авторов рецензируемой книги в известной мере отвечают интуициям представителей

¹ Бирюков Б. В., Тростников В. Н. Жар холодных числ и пафос бесстрастной логики: Формализация мышления от античных времён до эпохи кибернетики. 3-е изд. М.: УРСС, 2004. 232 с.

отечественной отвлечённой мысли XIX–XX вв. Например, философ Серебряного века В. В. Розанов в работе «О понимании» рассматривал наблюдаемую нами реальность в «окружении» бесконечного множества потенциальных миров. В письме Н. Н. Страхову Розанов писал, что свою работу (т. е. трактат «О понимании») он посвятил «изучению переходов из потенциального мира в реальный, законов этого перехода и условий этого перехода»¹.

На ниве культурологии

Есть ещё одно направление исследовательской деятельности Бориса Владимировича Бирюкова – культурологическое. Именно как культуролог выступает отечественный философ в «Предисловии» к изданному не без его активного участия русскому переводу книги французского социолога Абрахама Моля «Социодинамика культуры». Связь искусства как чувственной сферы культуры, различных областей гуманитаристики с точным знанием анализируется Борисом Владимировичем и его соавторами во вступительной статье к первому изданию на русском языке фундаментального сочинения Моля. Б. В. Бирюков, С. Н. Плотников и Р. Х. Зарипов рассуждают о проникновении науки и техники в самую ткань художественного творчества. В частности, они пишут: «Развивающаяся научно-техническая революция уже изменила и ещё больше изменит облик современной культуры. Могучие достижения науки и техники всё глубже проникают в такие, казалось бы, не очень близкие им сферы, как ... художественная культура»². Далее соавторами рассматривается динамика коммуникационных технологий, средств связи, то, что сегодня, по прошествии почти четырёх десятилетий после написания данного «Предисловия», определяется как информатизация, становление информационного глобального общества. Бирюков

и другие авторы «Предисловия» были убеждены, что процессы, происходящие в сфере информации, революционизируют интеллектуальный труд, становятся фактором творческого роста людей, воздействуют на общество и массовое сознание. Как методолог наук о культуре Б. В. Бирюков рассматривает образование концептов в разных областях гуманитарного знания.

В довольно обширном наследии Б. В. Бирюкова автор хотел бы обратить внимание на работу «Строгость терминологии и стиль мышления» [15]. В ней Бирюков решает проблему образования научных понятий, причём не только в области точных и естественных наук, но и в науках о культуре. Б. В. Бирюков начинает с тезиса, что общепринятые рекурсивные определения предикатов не производят в себе процесс образования концептов, как это должно происходить в рамках какой-либо системы рациональных знаний. Особенность человеческого мышления, как подчёркивает Б. В. Бирюков, состоит в том, что оно представляет собой не мышление в понятиях, а ситуативное мышление.

Что это означает? Определение понятий в практике науки не всегда происходит по установленным логикой правилам. Часто в теоретических работах они вводятся явным, но в основном неявным образом. Контекстуальные определения, как был убеждён Б. В. Бирюков, «важны в науке тем, что не засоряют её излишними новыми выражениями, так как для задания смыслов выражений в этом случае используется только контекст, а нестандартные языковые схемы и термины нуждаются в определении» [15, с. 262]. Одновременно Бирюков ставит вопрос об уместности использования естественнонаучных и технических терминов в гуманитарных дисциплинах. Процесс проникновения естественнонаучной и технической терминологии в гуманитарное познание сопровождается встречной тенденцией – использованием художественных и культурологических метафор для описания технических процессов. Последнее стало

¹ Розанов В.В. Литературные изгнанники. М.: Аграф, 2000. С. 87.

² Моль А. Социодинамика культуры / вступ. ст. Б. В. Бирюкова, Р. Х. Зарипова, С. Н. Плотникова. М.: Прогресс, 1973. С. 5.

характерной особенностью работ по искусственному интеллекту. Оценивая обе намечившиеся тенденции, Бирюков исходит из требования контекстуальной корректности, из необходимости учёта той степени строгости, которую может себе позволить наука, естественная или гуманитарная.

История нашей страны в оценке Б. В. Бирюкова

В работах серии «Трудные времена философии» прослеживается динамика философско-исторических, логико-лингвистических и философско-естественно-научных идей в 30–50-е гг. XX в. в МИФЛИ и МГУ. В книгах серии Б. В. Бирюков задействовал не только исторические источники, но и документы из личного архива. Получивший помимо философского ещё и историческое образование, проф. Бирюков затрагивает актуальные вопросы развития гуманитарной науки в нашей стране, останавливаясь на таких событиях, как разгром «исторической школы Покровского», обсуждение проблем прелогического мышления, кампания критики «яхфетической теории» Н. Я. Марра в послевоенный период. Ценными свидетельства Бориса Владимировича являются потому, что он сам был очевидцем и участником событий научной жизни пред- и послевоенного времени. Бирюков, например, высоко оценивает вклад З. Я. Белецкого в историю отвлечённого знания, признавая тем не менее его негативную роль в дискуссии вокруг третьего тома «Истории западной философии» (известно, что эта дискуссия привела к запрету издания).

Цикл Б. В. Бирюкова «Трудные времена философии» даёт масштабную картину исследований в области гуманитарных наук в пред- и послевоенный период нашей истории. Книги цикла показывают, что времена эти для философии хотя и были трудными, но при этом исследование подспудом официальной идеологии не прекращалось. Подробно Б. В. Бирюков рассказывает о создании кафедры логики в

послевоенные годы на философском факультете МГУ, о деятельности первого заведующего этой кафедрой П. С. Попова. Отражена научная деятельность таких корифеев, как В. Ф. Асмус, С. С. Чернышев, А. Ф. Лосев, А. С. Ахманов, рассказано об обстоятельствах вынужденного ухода Попова с заведования кафедрой, о приходе в МГУ С. А. Яновской, учеником и последователем которой был Борис Владимирович. Эти страницы воспоминаний учёного представляют особый интерес [16, с. 153–182].

Не только как крупный учёный, но и как свидетель ярких исторических событий XX–XXI вв. Б. В. Бирюков в своей многотомной автобиографии «Трудные времена философии» не мог пройти мимо темы Великой Отечественной войны. Будучи бескомпромиссным критиком советского периода нашей истории, Б. В. Бирюков высказал ряд идей, которые противоречат взгляду на прошлое страны, навязываемому российской олигархической властью. Так, Борис Владимирович давал высокую оценку книгам бывшего разведчика В. Резуна (Суворова), считая представленную в них аргументацию логически и методологически безупречной. Профессор Бирюков разделял убеждение упомянутого выше автора, что Сталин готовил нападение на нацистский Рейх [16, с. 146–148].

Высоко оценивая подвиги и моральный дух царской и белой армий, Борис Владимирович Красную Армию называл не иначе как «грабь-армия» и считал современную российскую армию прямым продолжением тех вооружённых сил, которые были в советский период нашей истории [17, с. 85]. И если оценка Борисом Владимировичем Красной Армии не может не вызвать возражений, то его выводы относительно современной российской армии вполне справедливы, и их подтверждает коррупционное «дело» министра Сердюкова. Среди героев белого движения он выделял генерала П. Н. Краснова, ценя его не только как военного, но и как публициста, политика и патриота России [17, с. 84–85]. Герой настоящего очер-

ка выражал уверенность, что рано или поздно памятник атаману Всевеликого Войска Донского украсят главные площади Новочеркасска и Ростова-на-Дону [17, с. 85] (современный взгляд на данную проблему см. в работе [18, с. 140–144]).

Заключение

Подведём итоги статьи.

1. В статье показаны отдельные вехи жизненного пути выдающегося отечественного логика и историка науки XX в. Бориса Владимировича Бирюкова. Отражены годы его учёбы и службы в рядах Красной Армии.

2. Будучи ограничен форматом статьи, автор затронул лишь отдельные стороны научной деятельности выбранного им исследователя. В частности, обращено внимание на выявленные Бирюковым конструктивистские начала в логико-философском учении Р. Грассмана, продемонстрировано своеобразие поздних работ и политической позиции Г. Фреге.

3. В статье показано, что Б. В. Бирюков с коллегами первым познакомил российскую научную общественность с выводами А. Моля, а в предисловии к русскому переводу книги французского культуролога он раскрыл содержание культуротворческого

процесса под углом зрения теории управления и информации.

4. Решая четвёртую задачу настоящей статьи, её автор сосредоточил внимание на отдельных работах, посвящённых методологии науки, но особо подробно раскрывается содержание научно-популярной книги Бирюкова и Тростникова «Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики». При этом показано, что отдельные выводы авторов этой книги ложатся в контекст метафизических учений русского Серебряного века.

5. В своих последних изысканиях герой настоящего очерка проявил себя как социолог науки и историограф школ советской логики и философии. Его пристрастные и порой субъективные оценки могут заинтересовать тех, кто изучает отечественную историю XX в.

В настоящей статье её автор раскрыл вехи жизненного пути незаурядного учёного, выдающегося логика и историка науки. Многие из научного наследия Б. В. Бирюкова остаётся востребованным в настоящее время. Его оценки, обусловленные историческим моментом, могут сегодня показаться неожиданными, но они позволяют взглянуть на события прошлого под другим непривычным углом зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левин В. И. Б. В. Бирюков, философ и историк науки. К 100-летию со дня рождения // Ректор вуза. 2022. № 12. С. 50–56.
2. Прядко И. П. Б. В. Бирюков – учёный и организатор науки: заметки к прошедшему юбилею // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 133–142.
3. Андреев А. Ю. Первый университет России: его изменения и преемственность сквозь века // Природа. 2025. № 1 (1313). С. 6–22.
4. Бирюков Б. В., Верстин И. С., Левин В. И. Жизненный и научный путь Виктора Ивановича Шестакова, создателя логической теории релейно-контактных схем // Логические исследования. 2007. № 14. С. 27–72.
5. Бирюков Б. В., Верстин И. С., Баранова Т. В. Коллизии жизненного и научного пути В. И. Шестакова // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: материалы VIII Общероссийской конференции (Санкт-Петербург, июнь 2006 г.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. С. 214–216.
6. Сяпина Т. В., Лигенчук Д. Д. Приложение алгебры логики к релейно-контактным схемам // ТОГУ-старт: фундаментальные и прикладные исследования: материалы региональной научно-практической конференции (Хабаровск, 12–16 апреля 2022 г.) / ред. Е. Г. Агапова. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2025. С. 74–79.
7. Овчеренко А. Ю. Дискретная математика: булева алгебра. Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2023. 21 с.

8. Федотенков А. Н. Участие Военно-морского Флота СССР в разгроме немецко-фашистских захватчиков в войне на море // ВОЕНМЕХ. Вестник Балтийского технического университета. 2025. № S2 (21). С. 50–57.
9. Виноградова Е. В., Данилевская-Урбанова И. Л. Суверенитет и территориальная целостность. К дискурсу о российском влиянии на финскую государственность // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2 (64). С. 217–238. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-64-217-238.
10. Курков В. В., Тимонина И. Е. Военное противостояние СССР и Финляндии в 1939–1944 гг. // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 1. С. 92–99. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-92-99.
11. Бирюков Б. В., Бирюкова Л. Г. Учение о формах (величинах) Германа и Роберта Грассманов как предвосхищение конструктивного направления в математике // Вопросы кибернетики. Вып. 78. Кибернетика и логическая формализация. Аспекты истории и методологии. М.: Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» при АН СССР, 1982. С. 36–92.
12. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
13. Бурьян В. В. Проблема абстрактных объектов в онтологии и семантике неофрегеанцев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 55–63.
14. Богданов В. В., Польшинский В. В. Концептуальные Основания когнитивных исследований в концепции Б. Рассела // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 110. № 3. С. 2–8. DOI: 10.18522/2070-1403-2025-110-3-2-8.
15. Бирюков Б. В. Строгость терминологии и стиль мышления // Психология процессов художественного творчества. Л.: Наука, 1980. С. 261–264.
16. Бирюков Б. В. Опыт приложения логики и теории аргументации к историческим текстам // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: сборник тезисов VII Общероссийской конференции (Санкт-Петербург, 20–22 июня 2002 г.). СПб.: СПбГУ, 2002. С. 146–148.
17. Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Отечественная историческая, философская и логическая мысль в последние сталинские годы. Кн. 2. М.: Либроком, 2009. 192 с.
18. Данилевский А. А. Казачий коллаборационизм в годы Второй мировой войны // Проблемы минерально-сырьевого комплекса глазами молодых учёных: сборник статей III Научного семинара (Санкт-Петербург, 21 марта 2025 г.). СПб.: Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, 2025. С. 140–144.

REFERENCES

1. Levin, V. I. (2022). B. V. Biryukov, Philosopher and Historian of Science. On the 100th Anniversary of His Birth. In: *Rector of the University*, 12, 50–56 (in Russ.).
2. Pryadko, I. P. (2023). B. V. Biryukov, Scientist and Organizer of Science: Notes on the Past Anniversary. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, 133–142 (in Russ.).
3. Andreev, A. Yu. (2025). The First University of Russia: Its Changes and Continuity Through the Centuries. In: *Priroda*, 1 (1313), 6–22 (in Russ.).
4. Biryukov, B. V., Verstin, I. S. & Levin, V. I. (2007). The Life and Scientific Path of Viktor Ivanovich Shestakov, Creator of the Logical Theory of Relay-Contact Circuits. In: *Logical Investigations*, 14, 27–72 (in Russ.).
5. Biryukov, B. V., Verstin, I. S. & Baranova, T. V. (2006). Collisions in the Life and Scientific Path of V. I. Shestakov. In: *Modern Logic: Problems of Theory, History, and Application in Science: Proceedings of the VIII All-Russian Conference (St. Petersburg, June 2006)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University publ., pp. 214–216 (in Russ.).
6. Syasina, T. V. & Ligenchuk, D. D. (2022). Application of Boolean Algebra to Relay-Contact Circuits. In: *TOGU-Start: Fundamental and Applied Research: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference (Khabarovsk, April 12–16, 2022)*. Khabarovsk: Pacific State University publ., pp. 74–79 (in Russ.).
7. Ovcherenko, A. Yu. (2023). *Discrete Mathematics: Boolean Algebra*. Novosibirsk: Siberian State University of Telecommunications and Informatics publ. (in Russ.).
8. Fedotenkov, A. N. (2025). Participation of the USSR Navy in the Defeat of the Nazi Invaders in the War at Sea. In: *VOENMEH. Bulletin of BSTU*, S2 (21), 50–57 (in Russ.).
9. Vinogradova, E. V. & Danilevskaya-Urbanova, I. L. (2024). Sovereignty and Territorial Integrity. Toward

- a Discourse on Russian Influence on Finnish Statehood. In: *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2 (64), 217–238. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-64-217-238 (in Russ.).
10. Kurkov, V. V. & Timonina, I. E. (2025). Military Confrontation between the USSR and Finland in 1939–1944. In: *Historical Bulletin*, 8 (1), 92–99. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-92-99 (in Russ.).
 11. Biryukov, B. V. & Biryukova, L. G. (1982). The Doctrine of Forms (Quantities) of Hermann and Robert Grassmann as an Anticipation of the Constructive Direction in Mathematics. In: *Questions of Cybernetics. Iss. 78. Cybernetics and Logical Formalization. Aspects of History and Methodology*. Moscow: Scientific Council for the Complex Problem of Cybernetics at the USSR Academy of Sciences, pp. 36–92 (in Russ.).
 12. Frege, G. (2000). *Logical Excavations*. Moscow: Aspect Press publ. (in Russ.).
 13. Buryan, V. V. (2025). The Problem of Abstract Objects in the Ontology and Semantics of Neo-Fregeans. In: *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 84, 55–63 (in Russ.).
 14. Bogdanov, V. V. & Polshinsky, V. V. (2025). Conceptual Foundations of Cognitive Research in B. Russell's Concept. In: *Humanities and Social Sciences*, 110 (3), 2–8. DOI: 10.18522/2070-1403-2025-110-3-2-8 (in Russ.).
 15. Biryukov, B. V. (1980). Strictness of Terminology and Style of Thinking. In: *Psychology of the Processes of Artistic Creativity*. Leningrad: Nauka publ., pp. 261–264 (in Russ.).
 16. Biryukov, B. V. (2002). An Experience of Applying Logic and Theory of Argumentation to Historical Texts. In: *Modern Logic: Problems of Theory, History, and Application in Science: Collection of Abstracts of the VII All-Russian Conference (St. Petersburg, June 20–22, 2002)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University publ., pp. 146–148 (in Russ.).
 17. Biryukov, B. V. (2009). *Hard Times for Philosophy. Domestic Historical, Philosophical, and Logical Thought in the Last Stalin Years. Vol. 2*. Moscow: Librokom publ. (in Russ.).
 18. Danilevsky, A. A. (2025). Cossack Collaborationism during the Second World War. In: *Problems of the Mineral Resource Complex Through the Eyes of Young Scientists: A Collection of Articles from the Iii Scientific Seminar (St. Petersburg, March 21, 2025)*. St. Petersburg: St. Petersburg Mining University publ., pp. 140–144 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прядко Игорь Петрович (г. Москва) – кандидат культурологии, профессор кафедры Социально-гуманитарных наук и технологий Национального исследовательского Московского государственного строительного университета;

ORCID: 0000-0002-8570-6533; e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor P. Pryadko (Moscow) – Cand. Sci. (Culturology), Senior Lecturer, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University);

ORCID: 0000-0002-8570-6533; e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

Научная статья
УДК 172.12(045)
DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-38-48

ИДЕЯ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Тумин А. Ю.

*Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени
В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: tumin-msk@mail.ru*

Поступила в редакцию 16.02.2026

После доработки 03.03.2026

Принята к публикации 14.03.2026

Аннотация

Цель. Работа направлена на онтологическое и историко-философское переосмысление категории служения как формы участия личности в политическом, культурном и духовном целостном бытии общества. В центре внимания – выявление того, каким образом трансформация идентичности, биополитические процессы XXI в. и кризис институтов требуют нового понимания служения, выходящего за рамки нормативного долга и функциональной лояльности.

Процедура и методы. В основе исследования лежит междисциплинарный подход, включающий историко-философский анализ, концептуальную реконструкцию, герменевтическую интерпретацию текстов классических и современных мыслителей, а также критику идеологием служения, разработанную в теориях биополитики и политической онтологии. Используются методология сравнительного анализа, деконструктивный подход к власти и субъектации, а также концепции признания и идентичности.

Результаты. Показано, что идея служения обладает многоуровневой структурой и значительной исторической глубиной, восходящей к античной политической добродетели, христианской антропологии и модерной концепции автономии субъекта. Выявляется специфика российской философской традиции, в рамках которой служение осмысляется через категории соборности, духовной ответственности и исторической судьбы. Обосновано, что в условиях биополитической реальности XXI в. служение утрачивает преимущественно институциональный характер и приобретает статус экзистенциального выбора, предполагающего ответственность перед общим будущим, коллективной памятью и уязвимыми структурами социального мира.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в формировании онтологически расширенной концепции служения как способа бытия личности в культурно-историческом целом. Предлагается интерпретация служения не как механизма подчинения или функции государства, а как экзистенциальной и этической формы участия человека в становлении общего мира. Тем самым работа вносит вклад в современную философию идентичности, политическую онтологию и этику ответственности, создавая концептуальные основания для нового осмысления служения в условиях глобальной нестабильности и трансформации общественных институтов.

Ключевые слова: служение, Отечество, долг, идентичность, ответственность, соборность, биополитика, власть, политическая онтология, экзистенциальный выбор

Для цитирования:

Тумин А. Ю. Идея служения Отечеству в фокусе современной философии // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 38–48. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-38-48>.

Original research article

THE IDEA OF SERVING THE FATHERLAND IN THE FOCUS OF MODERN PHILOSOPHY

A. Tumin

Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russian Federation
e-mail: tumin-msk@mail.ru

Received by the editorial office 16.02.2026

Revised by the author 03.03.2026

Accepted for publication 14.03.2026

Abstract

Aim. To provide an ontological and historical-philosophical rethinking of the category of service as a form of individual participation in the political, cultural, and spiritual holistic existence of society. It focuses on how identity transformation, 21st century biopolitical processes, and the crisis of institutions require a new understanding of service that goes beyond normative duty and functional loyalty.

Methodology. The study is based on an interdisciplinary approach, including historical-philosophical analysis, conceptual reconstruction, and hermeneutic interpretation of texts by classical and contemporary thinkers, as well as a critique of service ideologemes developed in theories of biopolitics and political ontology. Comparative analysis, a deconstructive approach to power and subjectivity, and concepts of recognition and identity are utilized.

Results. It is demonstrated that the idea of service possesses a multi-layered structure and significant historical depth, dating back to ancient political virtue, Christian anthropology, and the modern concept of subject autonomy. The specificity of the Russian philosophical tradition is revealed, within which service is conceptualized through the categories of conciliarity, spiritual responsibility, and historical destiny. It is substantiated that in the biopolitical reality of the 21st century, service is losing its predominantly institutional character and acquiring the status of an existential choice, implying responsibility to a common future, collective memory, and the vulnerable structures of the social world.

Research implications. The theoretical significance lies in the development of an ontologically expanded concept of service as a form of individual existence within a cultural-historical whole. It is proposed to interpret service not as a mechanism of subordination or a function of the state, but as an existential and ethical form of human participation in the development of a common world. The work thus contributes to contemporary philosophy of identity, political ontology, and the ethics of responsibility, creating conceptual foundations for a new understanding of service in the context of global instability and the transformation of social institutions.

Keywords: service, Fatherland, duty, identity, responsibility, conciliarity, biopolitics, power, political ontology, existential choice

For citation:

Tumin, A. Yu. (2026). The Idea of Serving the Fatherland in the Focus of Modern Philosophy. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 38–48. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-38-48>.

Введение

Идея служения Отечеству на протяжении всей истории мысли обладала особым онтологическим статусом: она всегда выходила за пределы политического или юридического дискурса, затрагивая глубинные структуры человеческого бытия, его включённость в историческое и ценностное целое. В современности эта идея

приобретает новый характер, поскольку сама структура социального и политического мира, в котором действует субъект, претерпевает радикальные изменения. Служение перестаёт быть только внешним обязанностным актом и всё более становится вопросом идентичности, ответственности и экзистенциального выбора.

Уже в классической философии категория служения мыслится в тесной свя-

зи с онтологией политического целого. Аристотель подчёркивал исходное превосходство общего над частным: «Государство по природе предшествует каждой отдельной личности» [1, с. 120]. Эта мысль формирует парадигму, в рамках которой служение Отечеству выступает не просто как нормативное требование, а как способ участия личности в бытии целого, предшествующего её индивидуальному существованию, однако в условиях современного мира, описанного Зигмунтом Бауманом как «жидкая современность», основание такой целостности оказывается под вопросом, социальные связи теряют стабильность, а идентичность становится подвижной и множественной.

Современная философия пересматривает категории долга и лояльности ввиду утраты самоочевидности форм политического и культурного единства. Макс Вебер в работе «Политика как призвание и профессия» определял современное государство как «организованный по типу учреждения союз господства», добившийся монополии на легитимное физическое насилие. Государство централизует ресурсы и вытесняет сословных функционеров, занимая высшие позиции управления [2, с. 41], что подчёркивает суть модерного государства, которое функционирует как рациональная управленческая машина, и власть опирается на безличные правила, а не на личную преданность или сакральный авторитет. Соответственно, служение направлено не на личность или Отечество в эмоциональном смысле, а на абстрактный порядок рациональной организации. Однако такая рационализация чревата отчуждением, и человек становится «винтиком» системы, функция вытесняет личное участие, а формальные предписания заменяют ценностные ориентиры.

Критика XX в., особенно связанная с анализом власти, показала, что служение может быть преобразовано в форму подчинения. Ханна Арендт отмечала: «Тоталитаризм стремится привести бесконечное множество весьма разных человеческих существ к одному знаменателю, разрушая индивиду-

альность» [3, с. 144]. У Мишеля Фуко служение вписывается в более широкий контекст дисциплинарных практик и биополитических стратегий. М. Фуко писал: «Надо раз и навсегда перестать описывать проявления власти в отрицательных терминах: она, мол, “исключает”, “подавляет”, “цензурирует”, “извлекает”, “маскирует”, “скрывает”. На самом деле власть производит. Она производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и знание, которое можно получить об индивиде, принадлежат к её продукции» [4, с. 196]. Указанная мысль означает, что служение становится элементом формирования субъектности, а не только её проявлением.

Однако, как показывает современный социально-философский анализ, идея служения не исчезает, несмотря на критику и деконструкцию, а напротив, в ситуации распада коллективных ориентиров, глобальной турбулентности и кризиса доверия к институтам возникает новая потребность в основаниях общности.

В этом контексте особенно значимы размышления Чарльза Тейлора о природе идентичности. Ч. Тейлор писал: «Мы определяем свою идентичность всегда в диалоге, иногда в борьбе с тем, что наши значимые другие хотят видеть в нас. Даже после того, как мы перерастаем некоторых из этих других – например, наших родителей, – и они исчезают из нашей жизни, разговор с ними продолжается внутри нас, пока мы живём» [5, р. 25]. Идея Тейлора позволяет глубже осмыслить трансформацию идеи служения. В горизонте поиска идентичности служение Отечеству приобретает значение не внешней обязанности, а формы самоопределения в условиях исторической неопределённости – способа включения в коллективную судьбу через непрерывный диалог с традицией, ценностями и ожиданиями сообщества.

Российская философская традиция придаёт проблеме служения экзистенциальную глубину, раскрывая её не как формальный долг, а как онтологическое измерение человеческого бытия и общности. В этом контексте показательны размышления

Н. А. Бердяева. В статье «О любви к России» он подчёркивает безусловный, внеутилитарный характер подлинного патриотизма: «Нельзя любить Россию лишь за её качества и за её достижения, нельзя любить на условиях и с торгом. Само достижение высшей жизни для России, само повышение качеств её существования возможно лишь в том случае, если мы будем любить её до этих достижений и до этих качеств» [6, с. 180]. Для философа служение Отечеству – это не прагматическая обязанность, а экзистенциальный выбор, основанный на любви до свершений и достижений. Такая любовь сама становится условием преображения страны, поскольку задаёт высший нравственный горизонт, не сводимый к политическим или социальным схемам.

Схожую онтологическую перспективу развивает Л. П. Карсавин в работе «О личности». Он рассматривает служение как проявление соборной природы человека, включённого во «всеединство»: «Любые субъекты действия в истории, социальной жизни и культуре включены в единое целое, во “всеединство”, где каждая отдельно взятая человеческая личность понимается как органическая часть всеединства» [7, с. 33]. Здесь служение предстаёт как способ бытия личности, осознающей свою причастность к целому. Л. П. Карсавин подчёркивает, что индивидуальность обретает полноту лишь в единстве с другими, а её действия всегда имеют смысл в контексте общей судьбы. Оба мыслителя с разных сторон раскрывают глубинную природу служения в российской традиции: Н. А. Бердяев акцентирует экзистенциально-нравственный аспект (безусловная любовь как основа служения), Л. П. Карсавин – онтологически-соборный (служение как реализация личности во всеединстве). Их идеи позволяют увидеть служение как форму самоосуществления человека в сообществе, в котором личная идентичность и общая судьба взаимно обуславливают друг друга.

Современная философия сталкивается с парадоксом: при том, что многие классические основания служения подверглись деконструкции, сама потребность в служении

остаётся, но требует нового философского обоснования. Служение становится вызовом для мысли: как возможно служение в эпоху индивидуализма, множественной идентичности и биополитического контроля? какие формы оно может принимать в условиях кризиса больших нарративов? как соединить личную свободу и ответственность перед целым?

Историко-философская эволюция идеи служения Отечеству: от античной политической добродетели до современного долга

Историческая линия развития идеи служения демонстрирует удивительную устойчивость и одновременно непрерывную трансформацию этого понятия. Служение никогда не являлось лишь функцией политического механизма, оно всегда имело антропологический, этический и онтологический смысл. Проследить его эволюцию значит раскрыть, как в разные эпохи понимались отношения человека и политического целого, как менялось представление о долге, общности и ответственности.

Античная философия положила фундамент для всей последующей традиции. В греческом полисе служение Отечеству было формой проявления *areté* (от др.-греч. ἀρετή) – гражданской добродетели, выражением согласия индивида с порядком космоса и закона. Аристотель подчёркивал: «Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живёт вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [8, с. 379]. Эта мысль указывает, что служение не внешнее предписание, а онтологическое условие человеческого существования, невозможность жить вне общности.

В римской традиции идея служения получает нормативно-этическую форму через категорию *officium*. Цицерон стремился соединить личную добродетель и общественный долг, утверждая, что стремление к личной выгоде за счёт других противоречит природе

и закону, а истинная добродетель связана с заботой об общем благе [9]. Здесь рождается принцип, который станет центральным для всей европейской этико-политической традиции: служение должно быть соразмерно справедливости, иначе оно превращается в инструмент принуждения.

Средневековая христианская мысль превращает служение в форму духовно-онтологической включённости личности в сотворённый порядок. Августин вводит принцип *ordo amoris* (в переводе с латыни – «порядок любви»), в рамках которого всякая форма любви, включая любовь к Отечеству, обретает своё надлежащее место лишь в структуре «правильной любви». Согласно его взгляду, все явления и поступки должны быть соотнесены с высшим божественным порядком, где каждый из них получает осмысленную роль. Как отмечал Августин, «...принадлежность великого порядка и божественного распорядка, которое, поскольку охраняет единство всего в самой противоположности, приводит к тому, что и самое зло является необходимым»¹. Служение Отечеству осмысляется как участие в даруемом Богом всеобщем порядке, когда даже противоположности и зло встраиваются в целостную гармонию высшего замысла.

Фома Аквинский интегрирует античную добродетель и христианскую мораль, связывая служение с добродетелью справедливости: «Акт справедливости заключается в исполнении того, что должно. Но Бог никому ничего не должен. Следовательно, справедливость не принадлежит Богу» [10, с. 327]. Эта мысль философа закладывает основу для представления о служении как о соединении земного и духовного порядка.

В арабской средневековой философии идея служения получает дальнейшее концептуальное развитие. Авверроэс, интерпретируя аристотелевскую традицию, подчёркивает, что разумная природа человека реализуется лишь в соотнесённости с общим благом и в участии в коллективной форме

жизни [1]. Совершенная человеческая деятельность, следовательно, мыслится как служение общественному целому. Эта линия расширяет античное и христианское понимание служения, демонстрируя универсальность данной проблемы в интеллектуальном пространстве средневекового мира.

В эпоху модерна происходит фундаментальная трансформация понимания служения. Под влиянием процессов секуляризации, формирования национальных государств и распространения индивидуализма существенно переосмысливается характер связи между личностью и политическим сообществом. В рамках теории общественного договора, разработанной Жан-Жаком Руссо, служение перестаёт трактоваться как подчинение отдельной воле и переопределяется как участие в формировании общей воли. Согласно его концепции, индивид отдаёт себя целому, а не другому человеку, что обеспечивает легитимность политического порядка через коллективное волеизъявление. Источник легитимности становится внутренним, коллективным и имманентным.

Иммануил Кант развивает эту линию рассуждений, акцентируя внимание на автономии морального долга. В его этике служение Отечеству приобретает смысл лишь в контексте следования моральному закону, а не подчинения эмпирической власти. Для философа долг перед государством носит вторичный характер по отношению к категорическому императиву, требующему относиться к человечеству как к цели, а не как к средству.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель предлагает иную перспективу, восстанавливая ценность государства как сферы действительной свободы. В его философии служение перестаёт быть внешней необходимостью и превращается в способ реализации свободы в рамках объективного духа. Государство интерпретируется как действительность моральной идеи, что придаёт служению онтологический статус и связывает его с реализацией объективных начал нравственной жизни.

¹ Аврелий А. О порядке [Электронный ресурс] // Викитека: свободная библиотека: [сайт]. URL: clck.ru/3Rb6TB (дата обращения: 26.01.2026).

Историко-философская эволюция идеи служения Отечеству выявляет две ключевые линии. Первая – линия интеграции личности в целое, где служение есть способ реализации высшего порядка (Античность – христианство – Г. В. Ф. Гегель). Вторая – линия критической автономии, в рамках которой служение возможно только через свободу и моральный закон (Ж.-Ж. Руссо – И. Кант). Линии находятся в диалоге, задавая напряжение, которое определяет философскую судьбу идеи служения вплоть до современности.

Российская философская традиция служения Отечеству: от соборности до духовного долга личности перед историей

Идея служения Отечеству в российской философии приобретает особую метафизическую насыщенность, недоступную западной традиции, где служение чаще было связано с гражданской добродетелью или моральной автономией. В отечественной мысли служение раскрывается как экзистенциальная форма сопричастности личности историческому целому, как духовная структура, соединяющая человека не только с обществом, но и с трансцендентным порядком бытия. Именно поэтому русская философия (от В. С. Соловьёва до Н. А. Бердяева и Л. П. Карсавина) вырабатывает уникальную категориальную модель, в которой служение оказывается не внешним долгом, а внутренним актом онтологического самоопределения.

В. С. Соловьёв закладывает фундаментальные основания философского осмысления служения в рамках своей этики всеединства. В работе «Оправдание добра» В. С. Соловьёв подчёркивает, что нравственное совершенствование личности не может быть замкнуто в пределах индивидуального существования: «Признавая за собою безусловное значение, человек по справедливости должен признать то же самое и за всеми другими и свою обязанность совершенствования понимать не только как задачу личной жизни, но и как нераз-

дельную часть всемирно-исторического делания» [11, с. 172]. Тем самым служение мыслится у Соловьёва не как внешняя обязанность или политическая лояльность, а как форма участия личности во всеединстве – органической общности, в которой индивидуальное и универсальное взаимно раскрываются. В этом контексте служение Отечеству приобретает характер духовной причастности к исторически развёртывающемуся Божественному замыслу.

И. А. Ильин, развивая идею духовного национального самоопределения, подчёркивает, что служение Отечеству невозможно без внутренней дисциплины духа и нравственного самообладания. И. А. Ильин отмечает: «Служение Родине есть прежде всего служение духу, её историческому и нравственному предназначению, а не внешним формам государственной власти» [12, с. 45]. Согласно мысли философа, Отечество представляет собой политическую и духовную реальность, объединяющую историческую память, культуру и нравственное предание. В этом различении государственности и Отечества служение осмысливается как экзистенциальная верность духовной целостности народа, а не как административное подчинение.

Н. А. Бердяев радикализирует тему служения, вводя её в контекст философии свободы и персонализма. Размышляя о патриотизме, он пишет: «Патриотизм может жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, которая живым опытом испытала безусловное достоинство этого священного и узнала его в святых своего народа» [13, с. 93]. В его перспективе служение возможно лишь как свободный и творческий акт личности, способной к ответственной встрече с историей. Россия осмысливается им как метафизическая судьба, требующая не внешнего подчинения, а внутренней духовной сопричастности. Служение здесь становится формой творения истории, а не следования установленному политическому порядку.

Особое значение в российской философской традиции приобретает категория соборности. Соборность обозначает органическое единство свободных личностей,

связанных духовной взаимностью и общим историческим смыслом. Именно через эту категорию раскрывается специфическая российская модель служения – не индивидуалистическая и не государственническая, а экзистенциально-общинная.

Российская философская традиция развивает идею служения в направлении духовной ответственности личности перед историей, где служение понимается как акт онтологического соединения с общим судьбоносным движением народа. Формируется сложная концептуальная топология, в рамках которой служение выступает метафизической формой существования личности, укоренённой в истории, соборности и свободе.

Философия XX в. радикально переосмысливает понятие служения, переводя его из сферы этико-политической добродетели в поле критики власти, тоталитаризма и биополитики. Ханна Арендт показывает, что тоталитаризм разрушает саму структуру политического действия, превращая служение в безличное исполнение предписаний. Х. Арендт подчёркивает: «Идеальный субъект тоталитарного господства – это не убеждённый нацист или убеждённый коммунист, а человек, для которого различие между фактом и вымыслом, истинным и ложным перестало существовать» [3, с. 474]. В этих условиях служение утрачивает телос свободы и превращается в механизм обезличенного участия в структуре насилия.

Анализируя формы власти современного и позднего общества, М. Фуко радикализирует критику служения как социальной добродетели. По мнению французского философа, дисциплинарная власть действует посредством производства субъекта, добровольно включающегося в отношения повиновения. Дисциплинарная власть «производит индивидуумов; она наделяет их реальностью, заставляет их действовать и говорить» [4, с. 194]. В этом смысле служение в биополитическом режиме предстаёт как эффект тех властных устройств, которые формируют саму структуру субъективности, превращая по-

виновение в «нормальный» модус существования.

К. Шмитт, напротив, вскрывает политико-теологическое измерение служения, показывая, что служение государству легко трансформируется в служение суверену, чья власть основана на решении об исключении. Его тезис о том, что сувереном является тот, «кто принимает решение о чрезвычайном положении» [14, с. 13], позволяет понять, каким образом апелляция к служению может быть мобилизована для легитимации насилия. В этой логике служение Отечеству утрачивает экзистенциальное измерение и становится зависимым от суверенного решения, а гражданин – носителем функции, ценность которой определяется политической целесообразностью.

В. Беньямин развивает эту линию критики, анализируя связь служения и насилия. В эссе «К критике насилия» он вводит различие между «мифическим» и «божественным» насилием, показывая, что первое закрепляет власть через вину и подчинение, превращая служение в форму включённости в легитимированный, но разрушительный порядок. В этой перспективе служение утрачивает статус безусловной добродетели и обнаруживает свою амбивалентность как возможный механизм воспроизводства господства.

Исследуя психологию масс, Э. Канетти показывает, что в условиях массового общества структура служения претерпевает радикальную трансформацию. Растворяясь в массе, индивид отказывается от личной ответственности и тем самым становится уязвимым для манипуляции. Служение здесь перестаёт быть актом осознанной воли и превращается в следствие аффективной динамики коллективного поведения, где подчинение переживается как освобождение.

Жан-Поль Сартр радикализирует эту проблематику в рамках экзистенциальной философии, вводя понятие «дурной веры» как формы бегства от свободы. Его тезис о том, что человек «осуждён быть свободным» [15, с. 34], означает, что любое служение, принимаемое как необходимость или

судьба, может выступать формой самообмана. В этом контексте служение оказывается оправданием отказа от ответственности за собственный выбор и способом маскировки свободы под социальную или историческую неизбежность.

Философия XX в. вскрывает внутреннюю амбивалентность служения, которое может выступать актом свободы и ответственности и одновременно формой дисциплинарного подчинения, механизмом политического исключения, структурой мифического насилия или способом экзистенциального бегства от свободы. Критика М. Фуко, К. Шмитта, В. Беньямина, Э. Канетти и Ж.-П. Сартра формирует концептуальный горизонт, в котором служение перестаёт быть однозначной добродетелью и требует онтологического и политического переосмысления.

Идея служения Отечеству в горизонте современной философии идентичности

Современная философия идентичности радикально трансформирует понимание служения, смещая акцент с внешних форм долга на внутренние процессы субъективации, признания и принадлежности. Если классические модели служения опирались на устойчивые формы коллективной идентичности (гражданство, народ, религиозную общину), то в условиях постнационального и посттрадиционного мира служение оказывается включённым в подвижную и конфликтную динамику идентичностей. В этом контексте служение перестаёт быть самодостаточной нормативной категорией и всё в большей степени зависит от тех символических и социальных структур, которые задают горизонты легитимности, распределяют роли и формируют пространство моральной рефлексии.

В рамках сложной динамики признания, которую описывают А. Хоннет, Дж. Батлер, Э. Лаклау и З. Бауман, служение мыслится как практика, невозможная без устойчивой идентичности, поддержанной социальным признанием. Отсутствие признания подрывает способность субъекта

к моральному действию, превращая служение в формальное или отчуждённое поведение, однако множественность и фрагментация идентичностей в современных обществах ставят под вопрос саму возможность такого служения: субъект оказывается включённым в несколько конкурирующих режимов принадлежности, ни один из которых не обладает окончательной легитимностью. В результате служение утрачивает статус очевидного долга и требует постоянного обоснования.

Диалогические концепции идентичности подчёркивают, что принадлежность и самоопределение формируются в процессе взаимодействия, а не выводятся из заранее заданной сущности. В этом горизонте служение приобретает процессуальный характер, перестаёт быть выражением уже сложившейся идентичности и превращается в практику её формирования. В условиях культурной фрагментации и ценностного плюрализма служение становится формой постоянной работы по самоопределению, а не реализацией устойчивого образа «мы».

Перформативные подходы к идентичности радикализируют это понимание, рассматривая субъект как эффект нормативных практик, которые он одновременно воспроизводит и трансформирует. С этой точки зрения служение не закрепляет идентичность, а производит её в самом акте действия. Служение Отечеству, общине или идеалу предстаёт не следствием предзаданной сущности, а практикой, формирующей субъекта. Вместе с тем такое понимание выявляет уязвимость служения: если нормы, в рамках которых оно осуществляется, являются социальными конструкциями, то они подвержены деконструкции, утрате легитимности и необходимости постоянного пересогласования.

Политические теории идентичности дополняют этот анализ, показывая, что коллективы не предшествуют служению, а конституируются в процессе символической и политической артикуляции. Коллективная идентичность не является завершённой или устойчивой, она всегда контингентна и открыта пересборке. Следовательно, слу-

жение Отечеству в современном мире не может опираться на фиксированное коллективное тело, но требует постоянного воспроизводства самого основания коллективности. Служение становится не следствием уже существующего «мы», а условием его временной стабилизации.

Анализ «текучей современности» фиксирует дальнейшее ослабление устойчивых форм принадлежности. Размывание социальных связей и нестабильность жизненных траекторий превращают идентичность в задачу, а не в наследие. В таких условиях служение утрачивает характер долговременного обязательства и всё чаще выступает как временная стратегия ориентации в нестабильном социальном пространстве или как попытка обрести устойчивость через добровольную самофиксацию.

Современная философия идентичности демонстрирует глубокую трансформацию понятия служения, которое больше не может быть понято как вывод из неизменной сущности или прочной коллективной принадлежности. В условиях размытых и множественных идентичностей служение предстаёт как перформативный, диалогический и контингентный акт, требующий признания, артикуляции и постоянного пересогласования. В этом горизонте служение становится не только этико-политической практикой, но и способом поддержания хрупкого единства субъекта и коллективности в мире, где идентичности больше не заданы заранее.

Реальность XXI в. радикально трансформирует горизонты служения, погружая субъекта в пространство биополитических режимов, цифровой медиальности и институциональной хрупкости. Если в индустриальную эпоху служение преимущественно понималось как нормативно закреплённое отношение индивида к государству, то сегодня оно формируется внутри пересекающихся кризисов – глобальных конфликтов, транснациональных миграций, эпидемиологических угроз и алгоритмизации повседневных практик. Эти процессы создают зону напряжения между ответственностью и уязвимостью, в кото-

рой служение перестаёт быть актом однозначной лояльности и приобретает характер этической солидарности перед лицом непредсказуемых вызовов.

Биополитическая парадигма, разработанная в современной социальной философии, выявляет качественно новый тип власти, ориентированной на управление жизнью, риском и уязвимостью. Введение биополитического измерения радикально изменяет само понимание служения: оно становится не столько политическим долгом, сколько формой включённости в режимы регуляции телесного и социального существования. В этом контексте государство формирует новые ожидания служения, связанные не с символическими идеалами, а с поддержанием безопасности, устойчивости и управляемости жизни – от участия в медицинских и санитарных практиках до следования цифровым и алгоритмическим предписаниям.

В условиях расширяющегося режима исключения служение приобретает двойственный характер. С одной стороны, оно выступает формой солидарности в ситуации неопределённости, а с другой – может превращаться в инструмент политической инструментализации субъекта. Уязвимость человеческого существования становится ресурсом мобилизации, а служение – ответом на состояние постоянной неопределённости, которое одновременно защищает и подчиняет.

Цифровизация усиливает эти процессы, формируя новые формы ответственности и долга. В цифровой среде служение всё реже является исключительно результатом осознанного выбора и становится включённостью в алгоритмические экосистемы, которые структурируют поведение, предпочтения и формы коллективной солидарности. Гражданская ответственность приобретает новые измерения – поддержание цифровой безопасности, противодействие дезинформации, участие в обеспечении устойчивости информационных и коммуникационных пространств. Таким образом, служение всё в большей степени выступает как практика поддержания хрупких сетевых общностей.

Современные глобальные конфликты и гибридные угрозы – кибератаки, информационные войны, децентрализованные формы насилия – формируют новое пространство ответственности. В условиях, когда источник угрозы не локализован и не имеет чётко определённого субъекта, служение приобретает характер постоянной готовности защищать не только территориальные, но и цифровые, культурные и символические формы коллективного существования.

В этой ситуации категория служения возвращается к своим онтологическим основаниям и всё чаще осмысливается как форма бытия-в-ответственности. В этом смысле показательно замечание Поля Рикёра о том, что ответственность означает способность отвечать за действия, последствия которых невозможно полностью предвидеть. В XXI в. служение Отечеству всё в большей степени становится практикой удержания целостности в условиях радикальной неопределённости, будь то эпидемии, экологические кризисы или распадающиеся институциональные структуры.

Одним из главных факторов трансформации служения является кризис доверия к социальным и политическим институтам. В условиях ослабления институциональной легитимности служение перестаёт быть выражением уверенности в установленном порядке и всё чаще принимает форму этического выбора, опирающегося не на иерархию власти, а на горизонтальные связи ответственности и солидарности. И именно в этом контексте возникают новые формы служения, выходящие за пределы государственного долга, – волонтерские движения, экологические инициативы, цифровые сообщества взаимопомощи.

Служение Отечеству в эпоху биополитической и цифровой реальности всё более явно соотносится с тремя взаимосвязанными уязвимостями: уязвимостью тела, уязвимостью информации и уязвимостью институциональных структур. Оно перестаёт быть исключительно политической обязанностью и приобретает статус этического отношения к миру, в котором ответственность предшествует формальному долгу.

Заключение

Историко-философский анализ показывает, что идея служения никогда не сводилась лишь к внешнему исполнению предписаний или институциональной лояльности. Античная традиция осмысливала служение как участие в жизни полиса и взаимную добродетель. Христианская мысль вводила в него измерение духовной ответственности личности. Модерн связывал служение с автономией разума и универсальными нормами. Философия XX в. подвергла служение радикальной критике, обнаружив его способность превращаться в механизм подчинения, тогда как современная философия идентичности раскрывает служение как практику, зависящую от признания, уязвимости и диалогической структуры принадлежности.

Особое место в этом контексте занимает российская философская традиция, в которой служение интерпретируется через категории соборности, духовной ответственности и исторической судьбы. Здесь служение понимается не как растворение личности в коллективе, а как форма её раскрытия в общем историческом и духовном целостном бытии.

В условиях цифровизации, гибридных угроз и массовой уязвимости служение требует онтологического поворота – перехода от понимания его как набора функций и предписаний к осмыслению его как способа бытия. Служение предстаёт как экзистенциальная открытость миру, как способность быть ради другого, одновременно сохраняя личностную свободу и участвуя в становлении общего исторического целого.

Такое понимание служения Отечеству может стать основанием для новой этики общественного участия – этики, ориентированной на ответственность, взаимное признание и заботу о будущем, а не на принуждение или иерархическую лояльность. В этом смысле служение предстаёт не только философской категорией, но и практикой ответственного присутствия человека в мире, переживающем глубокий исторический перелом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Политика. Риторика. М.: Эксмо, 2024. 382 с.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия / пер. с нем., вступ. ст. А. Ф. Филиппова. М.: Рипол-классик, 2025. 292 с.
3. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 383 с.
5. Taylor C. *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 144 p.
6. Бердяев Н. А. О любви к России // Великая война в образах и картинах. 1917. № 13. С. 180–182.
7. Карсавин Л. П. О личности / пер. с рус. С. Танасић. Подгорица: ЦИД, 2004. 313 с.
8. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с греч.; общ. ред. В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1983. 832 с.
9. Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / сост. Г. С. Кнабе. М.: Мысль, 1999. 782 с.
10. Аквинский Ф. Сумма теологии / пер. К. Бандуровского. М.: АСТ, 2019. 319 с.
11. Соловьёв В. С. Оправдание добра. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 770 с.
12. Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 366 с.
13. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: АСТ, 2006. 414 с.
14. Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 333 с.
15. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. М.: АСТ, 2024. 1068 с.

REFERENCES

1. Aristotle (2024). *Politics. Rhetoric*. Moscow: Eksmo publ. (in Russ.).
2. Weber, M. (2025). *Politics as a Vocation*. Moscow: Ripol Classic publ. (in Russ.).
3. Arendt, H. (1996). *The Origins of Totalitarianism*. Moscow: CenterCom publ. (in Russ.).
4. Foucault, M. (2021). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem Press publ. (in Russ.).
5. Taylor, C. (1992). *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, MA: Harvard University Press publ.
6. Berdyaev, N. A. (1917). On Love for Russia. In: *The Great War in Images and Pictures*, 13, 180–182 (in Russ.).
7. Karsavin, L. P. (2004). *On the Personality*. Podgorica: CID publ. (in Russ.).
8. Aristotle. *Works. Vol. 4*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
9. Cicero, M. T. (1999). *On the State. On Laws. On Old Age. On Friendship. On Duties. Speeches. Letters*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
10. Aquinas, T. (2019). *Summa Theologica*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
11. Solovyov, V. S. (2021). *Justification of the Good*. St. Petersburg: Azbuka-Atticus publ. (in Russ.).
12. Plyin, I. A. (1993). *About the Coming Russia: Selected Articles*. Moscow: Voenizdat publ. (in Russ.).
13. Berdyaev, N. A. (2006). *Philosophy of the Free Spirit*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
14. Schmitt, C. (2000). *Political Theology*. Moscow: Kanon-press-C publ., Kuchkovo pole publ. (in Russ.).
15. Sartre, J.-P. (2024). *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology*. Moscow: AST publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумин Александр Юрьевич (г. Москва) – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры философии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя;

ORCID: 0000-0002-9420-8149; e-mail: tumin-msk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Yu. Tumin (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the Department, Department of Philosophy, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia;

e-mail: tumin-msk@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9420-8149

Научная статья

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-49-55

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ КИТАЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НА ФИЛОСОФИЮ ОПЫТА

У Ян

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: wy990119@gmail.com

Поступила в редакцию 24.11.2025

После доработки 19.12.2025

Принята к публикации 28.12.2025

Аннотация

Цель. Проанализировать и сравнить взгляды китайских и западных учёных на природу опыта и метафору в языке.

Процедура и методы. Использован сравнительный метод, исследованы труды Г. Лакоффа, М. Джонсона и древнекитайских философов.

Результаты. Установлено, что идеи философии опыта интуитивно перекликаются с древнекитайской философской традицией.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показана актуальность интеграции западной когнитивной лингвистики и китайской философии для дальнейших исследований языка и мышления.

Ключевые слова: опыт, когнитивная лингвистика, метафора, восприятие, язык, философия, мышление

Для цитирования:

У Ян. Сравнительный анализ взглядов китайских и западных мыслителей на философию опыта // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 49–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-49-55>.

Original research article

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VIEWS OF CHINESE AND WESTERN PHILOSOPHERS ON THE PHILOSOPHY OF EXPERIENCE

Yang Wu

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: wy990119@gmail.com

Abstract

Aim. To analyze and compare the views of Chinese and Western philosophers on the nature of experience and metaphor in language.

Methodology. The comparative method was used, and the works of G. Lakoff, M. Johnson and ancient Chinese philosophers were studied.

Results. It is revealed that the ideas of experiential philosophy resonate with classical Chinese thought.

Research implications. The study highlights the relevance of integrating Western cognitive linguistics and Chinese philosophy for further research in language and cognition.

Keywords: experience, cognitive linguistics, metaphor, perception, language, philosophy, cognition

For citation:

Yang Wu. (2026). A Comparative Analysis of the Views of Chinese and Western Philosophers on the Philosophy of Experience. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 49–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-49-55>.

Введение

Философия опыта выдвигает три основных принципа: опытность разума, метафоричность понятий и бессознательность познания. При этом первые два принципа являются наиболее важными. Настоящая статья представляет собой предварительное сравнительное исследование взглядов китайских и западных учёных на эти два принципа.

В последние годы обсуждаемая нами философия опыта и когнитивная лингвистика активно развиваются на Западе, однако следует отметить, что многие из их базовых идей ещё в древности находили отражение у китайских мыслителей. Этот факт нельзя игнорировать. «Камень с чужой горы» может заострить наш инструмент, но и «камень с нашей горы» может послужить тому же.

С момента появления размышлений о происхождении языка люди постоянно задавались вопросом, откуда возник человеческий язык? Когнитивная лингвистика даёт следующий ответ: язык формируется постепенно на основе опыта взаимодействия человека с реальным миром через его органы чувств и последующую когнитивную обработку. Это результат взаимодействия субъективного и объективного.

С одной стороны, когнитивная лингвистика утверждает, что человеческое познание и язык имеют опытную природу, с другой – подчёркивает взаимодействие субъекта и объекта, т. е. когниция и язык обладают определённой субъективностью. Метафоричность понятий как раз и отражает этот смысл. Данное исследование сосредотачивается на предварительном сравнительном анализе взглядов китайских и западных исследователей на природу опыта и метафоричность.

Сравнительный анализ взглядов китайских и западных учёных на природу опыта

1. *Взгляды западных учёных.* Г. Лакофф, М. Джонсон выдвинули идею о философии опыта и рассматривали её как теоретическую основу когнитивной лингвистики. Их основная идея состоит в том, что категории, концепции, рассуждения, разум и значение формируются на основе телесного опыта. Их наиболее базовая форма в значительной степени зависит от восприятия частей тела, пространственных отношений и движений сил, что является фундаментальной характеристикой опыта. Благодаря основным принципам философии опыта и когнитивной лингвистики можно установить, что опыт является одной из его главных составляющих языка.

Согласно Г. Лакоффу и М. Джонсону, философия опыта важна для познания, т. к. она формируется из трёх компонентов: «с широкой точки зрения, разум – это опыт, значение – это опыт, мышление – это опыт. Это ядро философии опыта» [1, р. 3]. Они и другие когнитивные лингвисты с помощью принципа опыта анализировали формирование концептуальных структур и языковых конструкций, что постепенно привело к осознанию важнейшей особенности языка – его опытности.

2. *Взгляды китайских учёных.* Некоторые идеи, упомянутые в философии опыта и когнитивной лингвистике, а также отношение между реальностью, познанием и языком были уже обсуждены древними китайскими философами. Концепция «ближе к телу, дальше от вещей» отражает основную мысль наших предков о познании и описании явлений, что имеет общие черты с западной концепцией языкового опыта.

Гунсунь Лун (около 325–250 гг. до н. э.) в своей работе «Трактат о соотношении

имён и вещей» призывал «изучать соответствие имён и сущностей, осторожно обращаясь с наименованиями» [2], требуя от людей внимательного подхода к соотношению *имени* и *сущности*, т. е. к обозначениям. Он считал важной правильность обозначения; для установления соответствия имени и сущности эпистемологической основой выступало познание. Только глубоко понимая сущность вещей и проверяя, соответствует ли имя сущности, можно достичь правильного наименования, что способствует различению объектов в самом процессе именования. Гунсунь Лун здесь подчёркивает, что понимание соотношения имён и сущностей должно опираться на познание сущности вещей, а это означает, что вещи должны быть восприняты и поняты через познание, что в когнитивной лингвистике является междисциплинарным медиатором между вещами и их наименованиями.

Лу Цзунда и Ван Нинь (1994) также утверждали: «Лексика, особенно её значение, является языковым элементом, тесно связанным с жизнью народа, его психикой и культурой» [3, р. 9]. «Расширение значений слов закономерно и сильно зависит от этнических особенностей, что проявляется в привычках каждого народа. Это происходит, потому что люди, говорящие на разных языках, видят, слышат и сталкиваются с разными вещами, а их способы наблюдения и психология различаются, что приводит к различию в восприятии особенностей вещей» [3, р. 113].

Примером может служить китайское слово, означающее очки, «яньцзин» (眼 ǎn 'глаз', 镜 jìng 'зеркало' / 'стекло'), которое отражает опыт и восприятие китайцев, сосредоточившихся на месте использования этого объекта, т. е. на стекле, которое размещается перед глазами. В английском языке существуют два варианта понимания: акцент на материале, из которого сделаны очки, – “glasses” (англ. *glass* 'стекло'), и акцент на функции – “spectacles” (от лат. *spectare* 'смотреть'), и это служит основанием для наименования. Один и тот же объект благодаря различному под-

ходу к концептуализации вызывает разные когнитивные результаты, что приводит к различным принципам и результатам наименования в китайском и английском языках.

Дай Хао-и [4] в 1985 г. предложил использовать принципы временной последовательности (влияние временной последовательности на порядок слов в китайском языке), отношения целого и части (в китайском языке целое часто ставится перед частью) и метафорического использования пространственных слов (значения слов, обозначающих пространство, могут быть расширены для обозначения других понятий) для объяснения структуры китайской грамматики. В 1987 г. на научной конференции, организованной кафедрой восточноазиатских исследований в Государственном университете штата Огайо, он впервые представил концепцию китайской функциональной грамматики, основанной на когнитивных принципах, исследуя, как китайская грамматика отражает восприятие реального мира китайцами и формирует уникальные особенности китайского языка. В статье он решительно отстаивал отказ от объективистской философии и предложил не использовать объективистскую философию (т. е. философию опыта), основываясь на базовых когнитивных способностях человека, таких как восприятие времени и пространства, и, сочетая это с общими принципами коммуникации, утверждал, что структура китайского языка является символическим выражением восприятия реальности. Он считал, что поверхностная структура языка напрямую исходит из структуры, выражающей семантику, при этом семантическая структура равна структуре концептов, а концептуальная структура, в свою очередь, происходит от человеческого телесного опыта и базовых методов восприятия времени и пространства, которые тесно связаны с физиологией человека и его взаимодействием с внешним миром. В своей статье он отметил: «человек, исходя из своей физиологической конструкции, использует особые, устойчи-

вые способы восприятия объектов, людей, пространства, времени и их взаимосвязи. Материальный мир, в котором живёт человек, и его физиологическая структура накладывают определённые ограничения на восприятие человека и его язык» [4, р. 4]. Таким образом, он предложил основывать объяснение структуры китайской грамматики на базовых когнитивных способностях человека, особенно в области восприятия времени и пространства. Грамматика, по его мнению, не является произвольной, самостоятельной и самодостаточной системой, а представляет собой символическое выражение концептуализированной реальности, непосредственно управляемое семантикой и отражающее восприятие людьми реального мира. Он попытался предложить объяснительный анализ китайской грамматики с точки зрения опыта и когниции.

Таким образом, говоря о «переживании», прежде всего необходимо ответить на три вопроса: посредством чего мы чувствуем, что мы чувствуем в первую очередь, как мы чувствуем. Ответив на эти три вопроса, можно в целом понять проблему переживания и опыта в когнитивной лингвистике и языке.

1. Посредством чего мы чувствуем? Конечно, мы чувствуем с помощью нашего тела (различных органов чувств). На этот счёт как китайские, так и западные учёные имеют чёткую позицию, особенно в контексте конкретного переживания через пять органов чувств, а также различий и сходств в языке, основанных на этих переживаниях. В этом отношении рассуждения Сюньцзы более конкретны и ярки, чем у западных учёных.

2. Что мы чувствуем в первую очередь? В первую очередь мы переживаем пространство, включая местоположение, направление, движение и т. д. К. Бюлер изложил важность пространства для формирования человеческих концепций [5], Дж. Лайонс [6] придерживался аналогичной точки зрения. Р. Джакендофф [7] на основе этой гипотезы выдвинул гипотезу тематических отношений (Thematic Relations Hypothesis,

TRH). Дж. Лакофф [1] предложил гипотезу формальной пространственности. Китайские учёные, такие как Дай Хао-и, также хорошо осветили эту тему. Кроме того, мысль о «ближнем восприятии от тела и дальнем восприятии от объектов», помимо идеи «переживания», включает в себя ещё и концепцию «обращения к объектам», чего нет у западных учёных.

3. Как мы чувствуем? Мы переживаем в основном посредством взаимодействия.

На основе наших наблюдений можно заключить, что эти три аспекта являются истоками человеческих концепций и языка, а также представляют собой основное резюме высказываний вышеупомянутых учёных. Человеческое познание развивается на основе понимания самого себя и пространства, начиная с близкого и конкретного, переходя к абстрактному, от тела и пространства к другим семантическим областям, постепенно развиваясь через взаимодействие и другие способы.

Сравнение взглядов китайских и западных учёных на метафору

1. Теории западных учёных. Эти теории пытаются объяснить метафору с разных точек зрения, используя различные методы, и их можно разделить на две основные категории: 1) теории языка – они акцентируют внимание на изучении метафоры через различные уровни языка, включая риторическую теорию, теорию замены, теорию переноса, семантическую теорию и прагматическую теорию; 2) когнитивные теории – они подчёркивают важность анализа когнитивных функций метафоры с точки зрения человеческого мышления. Эта тема была широко обсуждена как в Китае, так и за рубежом.

2. Теории китайских учёных. Факт, что древние мыслители смогли ещё 2500 лет назад обсудить познавательную роль метафоры, действительно является замечательным достижением. Однако, к сожалению, эта идея не была продолжена и развита, и большинство древних и современных китайских учёных по-прежнему рассма-

тривают метафору как средство риторики в языке. Особенно в современном китайском языке многие учёные часто видят метафору лишь с точки зрения её риторической функции. Это действительно вызывает определённое разочарование, потому что философия и когнитивная лингвистика считают, что метафора не только риторическое явление в языке, но и инструмент и результат человеческой познавательной деятельности. Метафора по своей сути является феноменом мышления, обладающим важной познавательной функцией, и является незаменимой когнитивной стратегией для восприятия новых явлений, построения концептуальных систем и формирования различных дисциплин.

Некоторые китайские учёные уже обратили внимание на это. Китайский учёный Чжан Минган [8] рассматривал познавательную функцию метафоры. Он указал, что у метафоры есть две основные функции: познавательная и риторическая. Он сказал, что через сопоставление известных и неизвестных объектов метафора помогает людям двигаться от известного к неизвестному, расширяя круг знаний. Он также отметил, что некоторые считают метафору «образом образа», потому что все характеристики образа особенно ярко проявляются в метафоре. В любом художественном произведении за его буквальным значением всегда скрыт глубокий смысл. Эти основные характеристики, которые никогда не ограничиваются только буквальным значением, в полной мере раскрываются в метафоре. Для художника и воспринимающего его произведение метафора является особым путём мысли и методом мышления. Метафорное мышление помогает искусству стать знанием о жизни, целостным и комплексным.

Чжан Минган был первым в китайском языке, кто в условиях преобладания риторического подхода к метафоре обозначил её познавательную функцию, причём поставил её на первое место перед риторической. Это действительно достойно уважения. Однако его подход имеет свои недостатки, т. к. он ограничился только

признанием того, что метафора основывается на сходстве, и не признал, что метафора может также создавать это сходство. В то же время Г. Лакофф и М. Джонсон подчёркивают только последний аспект. Мы предлагаем объединить оба подхода, утверждая, что метафора одновременно и основана на сходстве, и может создавать это сходство. Например, когда мы говорим «брак – это тюрьма», с одной стороны, мы указываем на сходство между браком и тюрьмой, оба из которых подразумевают «ограничение». С другой стороны, когда мы ставим «брак» и «тюрьму» рядом, мы фактически снова категоризируем эти явления, заново определяя концептуальные категории, создавая связь между этими двумя явлениями. Поэтому мы утверждаем, что метафору можно рассматривать с двух точек зрения при исследовании механизмов её работы.

Заключение

Основываясь на постулатах эмпирической философии, можно утверждать, что концепции и разум в основном формируются на основе телесного опыта, и смысл не может существовать независимо от интеллектуальных способностей тела, что является критикой идеализма и дуализма. Теория эмпирической философии также утверждает, что язык возникает из практики и тесно связан с концептуальной структурой и когнитивными способами человека, что делает невозможным его автономию и таким образом критикует представления о врождённости и автономности языка. Формы языка и концептуальный смысл взаимозависимы и обладают большой степенью аналогичности, что ставит под сомнение произвольное толкование значений [9].

Эмпирическая философия, теория когнитивного языка и исследования метафор, как и семантические теории, вовсе не являются эксклюзивным достоянием западных учёных. Сравнение взглядов китайских и западных исследователей показывает, что китайские философы древности уже осоз-

навали взаимосвязь между языком и опытом, а также между метафорой и мышлением, и некоторые из этих теорий на 2000 лет опережают западные исследования (см. табл. 1 и рис. 1). Поэтому учёные англоязычных стран не должны ограничиваться

только западными теориями и трудами, но также должны следить за исследованиями других исследователей. Сравнительное исследование языковых теорий Китая и Запада – это большая тема, для работы над которой необходимы совместные усилия.

Таблица 1 / Table 1

**Сопоставление аспектов философии опыта китайских и западных учёных /
Comparison of aspects of the philosophy of experience of Chinese and Western scientists**

Аспект	Китайские учёные	Западные учёные
Происхождение языка	от телесного и чувственного опыта	результат взаимодействия опыта и когниции
Роль метафоры	метафора как основа мышления и выражения	метафора как структурный элемент мышления (Г. Лакофф и М. Джонсон)
Функция языка	образное описание мира	инструмент концептуализации опыта

Источник: составлено автором на основе анализа философских и лингвистических трудов.

Рис. 1 / Fig. 1. Ключевые элементы философии опыта / Key elements of philosophy of experience

Источник: составлено автором.

REFERENCES

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 245 p.
2. 王洪印. 公孙龙子白话解. 西安: 三秦出版社, 1997. 94 p.
3. 卢遵达、王宁. 训诂与训诂学. 太原: 山西教育出版社, 1994. 113 p.
4. 戴浩一. 汉语功能语法的认知研究 // 页. 外国语言学. 1991年第1页.
5. Pütz M., Dirven R. *The Construal of Space in Language and Thought*. Berlin: Walter de Gruyter, 1996. 704 p.
6. Lyons J. *Semantics*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 897 p.

7. Johnson, M., Lakoff, G. Why Cognitive Linguistics Requires Embodied Realism // Cognitive Linguistics. 2002. № 13 (3). P. 245–263.
8. 张明刚. 隐喻通论. 北京: 北京出版社, 1985. 147 p.
9. 许国璋. 语言符号任意性问题 // 外语教学与研究. 1988. 39 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

У Ян (г. Москва) – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;
ORCID: 0009-0009-9940-6011; e-mail: wy990119@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yang Wu (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
ORCID: 0009-0009-9940-6011; e-mail: wy990119@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 32.019.5; 004.056

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-56-63

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИБОБОРСТВО КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Беркут В. П.^{1*}, Дмитриева Т. В.², Сморгчова В. П.³

¹Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого
Министерства обороны Российской Федерации, г. Балашиха, Российская Федерация

²Институт прикладной геофизики имени академика Е. К. Федорова, г. Москва, Российская
Федерация

³Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор; e-mail: v_berkut@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2026

После доработки 22.02.2026

Принята к публикации 04.03.2026

Аннотация

Цель. Исследовать информационное противоборство как фактор объективной реальности.

Процедура и методы. Рассмотрена сложившаяся система сфер общественной жизни. В исследовании использовались системный подход, социально-философский анализ, контент-анализ, синтез, сравнение, обобщение, проектирование.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод об институционализации информационной сферы жизни современного социума. Показано, что информационное противоборство представляет собой форму соперничества социальных субъектов с использованием информационных ресурсов, средств и технологий для достижения поставленных целей. Представлены направления информационного противоборства во всех сферах жизнедеятельности российского общества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Уточнена структура современного социума. Введена авторская редакция понятий «информационная сфера», «информационное противоборство». Практическое значение представляет возможность лучшего понимания социальных процессов и явлений, обусловленных влиянием информационных технологий.

Ключевые слова: информационная сфера, информационное противоборство, информация, свойства инфосферы, средства коммуникации, структура общества

Для цитирования:

Беркут В. П., Дмитриева Т. В., Сморгчова В. П. Информационное противоборство как объективный фактор современной реальности // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. ??–??. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-56-63>

Original research article

INFORMATIONAL CONFRONTATION AS AN OBJECTIVE FACTOR OF MODERN REALITY

V. Berkut^{1*}, T. Dmitrieva², V. Smorchkova³

¹Peter the Great Military Strategic Missile Forces Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Balashikha, Russian Federation *Corresponding author

²Fedorov Institute of Applied Geophysics, Moscow, Russian Federation

³Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

Received by the editorial office 02.02.2026

Revised by the author 22.02.2026

Accepted for publication 04.03.2026

Aim. To study information warfare as a factor of objective reality.

Methodology. The existing system of spheres of public life has been reviewed. The study used a systematic approach, socio-philosophical analysis, content analysis, synthesis, comparison, generalization, and design.

Results. The study concluded that the information sphere of modern society has been institutionalized. It is shown that information warfare is a form of competition between social actors using information resources, tools, and technologies to achieve their goals. The article presents the directions of information warfare in all areas of Russian society.

Research implications. The structure of modern society has been clarified. The authors' interpretation of the concepts "information sphere" and "information warfare" has been introduced. The practical significance lies in the ability to better understand social processes and phenomena influenced by information technology.

Keywords: information sphere, information warfare, information, properties of the information sphere, means of communication, and the structure of society

For citation:

Berkut, V. P., Dmitrieva, T. V. & Smorchkova, V. P. (2026). Informational Confrontation as an Objective Factor of Modern Reality. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 56–63. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-56-63>.

Введение

Традиционная структура общества, включающая материально-экономическую, социальную, духовную и политическую сферы [1, с. 6], на современном этапе его развития дополнена сферой информационной (далее – инфосфера), которая проникла во все отрасли знаний и жизнедеятельности личности, общества и государства.

Информационная сфера жизни общества

Информационная сфера общественной жизни представляет совокупность информации, знаний и коммуникаций, в том числе правовых, а также предметов, соци-

альных процессов и явлений, созданных и преобразованных при помощи информационных технологий и создающих новые. К свойствам информационной сферы относятся «неисчерпаемость и восполняемость информационных ресурсов, возможность их быстрого копирования, перемещения практически без потерь на огромные расстояния с высокой скоростью и степенью достоверности, компактность источников и носителей информации, мгновенная, но бескровная реакция инфосферы на трудно идентифицируемое в отношении источников воздействия»¹.

¹ Сулейманова Ш. С., Назарова Е. А. Информационные войны: история и современность: учебное пособие. М.: Этносоциум, 2017. С. 72.

Данные свойства могут быть дополнены характеристиками цифровизации как современного этапа развития инфосферы: большая открытость и доступность информации для познающих субъектов, свобода их самовыражения, возможности развития творческого мышления; увеличение объёма и скорости поступления новой информации, обработать которую человек не в состоянии, что способствует социальной и духовной дезориентированности личности; инструментализация ценностей, исключающая неостребованные компоненты гуманитарного знания; подмена истинного знания цифровым аналогом; рост цифрового неравенства и др. [2, с. 12–13].

Подтверждением сказанного может служить активное использование GPT-чатов студентами и школьниками-старшеклассниками, которые теряют навык грамотно формулировать свои мысли в устной и письменной формах, самостоятельной методической работы с массивами информации, не умеют выделить главное в тексте.

Субъектами инфосферы, формулирующими смыслы жизнедеятельности современного социума и формирующими направления её развития, выступают индивиды, профессиональные социальные группы и социальные институты (прежде всего, государство), заинтересованные в трансляции произведённых смыслов во все сферы жизни общества посредством созданной информационной инфраструктуры и медиaproстранства, где «с помощью средств массовой информации и коммуникации формируется, распространяется и воспроизводится культура информационного общества» [3].

По характеру воздействия на субъект можно выделить типы инфосферы: активизирующая деятельность субъекта за счёт достаточного количества информации нужного качества – высокой степени удовлетворения потребности в информации; тормозящая избыточное количество «информационного мусора» – низкой степени удовлетворения потребности в информации; нейтральная, не оказывающая существенного воздействия на деятельность субъекта [4, с. 29].

Объектами инфосферы выступают (управляемые) индивиды, социальные группы и социальные институты, потребляющие и использующие произведённые смыслы и цифровые технологии в повседневной и профессиональной деятельности, у которых формируется медиареальность, выгодная социально-политическим субъектам.

Основными *средствами коммуникации* между субъектами и объектами инфосферы выступают интернет, цифровые технологии, собственно корпоративные и индивидуальные компьютеры и гаджеты.

Информационное противоборство

Современный уровень развития социума характеризуется качественным расширением влияния инфосферы, что влечёт увеличение соответствующих угроз и усиление *информационного противоборства*.

Ещё в Античности Аристотель определил, что «чувство, ум, стремление... составляют психику человека» [5, с. 173]. Не удивительно, что именно они до сих пор выступают главными объектами информационно-психологического воздействия со стороны потенциального противника.

Примерно тогда же (VI–V вв. до н. э.) Сунь Цзы определил основные направления информационного воздействия на противника: «Вызывай разногласия [в стране противника]. Засылай провокаторов, чтобы посеять раздор. Разрушай согласие враждебного правителя и его советников. Провоцируй споры и затем нападай» [6, с. 72].

В XIII в. Фома Аквинский указал, что «важнейшим для укрепления духовенства и государства правом церкви является формирование идеологии и контроль публицистики»¹. В XVII в. Томас Гоббс подчеркнул необходимость активной борьбы государства с учениями, которые ослабляют или ведут государство к распаду [7].

Таким образом, вопросы информационного (информационно-психологического) противоборства были предметом внима-

¹ Осиночкина Е. В. История учений о государстве и праве: учебное пособие. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. 143 с.

ния мыслителей и властителей на протяжении всей многовековой истории человечества.

Информационное противоборство представляет собой форму взаимодействия социальных субъектов (государств, их коалиций, социальных групп), при которой они используют информационные ресурсы, специальные средства и технологии для «воздействия на инфосферу противника и достижения поставленных целей»¹ (прежде всего, политических и военных), а также для защиты собственной информационной сферы.

Целью защиты отечественной инфосферы выступает нейтрализация негативного информационного воздействия стран коллективного Запада для «изменения в свою пользу соотношения морально-психологической устойчивости сторон, поддержание её на уровне, обеспечивающем успешное функционирование»².

Проведённый анализ научных источников и специальных исследований подтверждает опережающее развитие средств, форм и методов информационного противоборства.

Одним из принципов информационного противоборства выступает невозможность для сложных человекоразмерных организационных систем функционировать вне потока разнонаправленной информации через их структуры.

Создание глобальной инфосферы провоцирует развитие информационного оружия, владение которым становится важнейшей предпосылкой достижения национального суверенитета.

В *структуре инфосферы объектами воздействия* выступают наиболее уязвимые элементы средств коммуникаций: сети связи и информационно-вычислительные сети, используемые государственными организациями при выполнении управленческих функций; информационные инфраструктуры, решающие задачи управления силовыми структурами; информационные

и управленческие структуры транспортно-логистических систем, промышленных предприятий, в том числе оборонно-промышленного комплекса, банков; средства массовой информации, в том числе электронные; корпоративные и персональные компьютеры и гаджеты [8, с. 182–183].

Как и в других сферах общественной жизни, в инфосфере разработаны специфические информационные методы воздействия: аналитические (сбор и анализ информации, её верификация), программно-технические, радиоэлектронные.

В качестве информационного оружия выступают «логические бомбы» – программные устройства, которые заранее внедряют в информационно-управляющие центры военной или гражданской инфраструктуры, приводимые в действие по сигналу или в установленное время; компьютерные вирусы, способные размножаться, внедряться в программы, передаваться по линиям связи, сетям передачи данных, выводить из строя системы управления; средства подавления информационного обмена в телекоммуникационных сетях, фальсификации информации в каналах государственного управления; средства нейтрализации тестовых программ; различного рода ошибки, сознательно вводимые противником в программное обеспечение объекта» [9, с. 162–163].

Такие «достижения» инфосферы, как Facebook³, WhatsApp, Viber, а также виртуальные голосовые помощники на основе нейросетей – «Алиса AI» от Яндекса, «Маруся» от VK, Google Assistant для Android, Amazon Alexa от Amazon и проч. – «непрерывно передают информацию об их пользователях, которая обрабатывается всей мощью систем искусственного интеллекта и формирует карту для целеуказаний от субъектов инфосферы к объектам в режиме реального времени»⁴.

³ Соцсеть запрещена в РФ как экстремистская.

⁴ Генерал-лейтенант Леонид Решетников: украинская армия – это дистанционно управляемый зомби-организм [Электронный ресурс]. URL: <https://argumenti.ru/army/2022/04/766887> (дата обращения: 02.03.2026).

¹ Социальные сети и психологическая безопасность: учебное пособие / под ред. Д. А. Новикова. М.: Горячая линия-Телеком, 2022. С. 6–7.

² Там же. С. 21.

Основные направления информационного противоборства представлены во всех сферах современной жизнедеятельности российского общества: а) экономической (преодоление цифрового неравенства, противодействие идеологии и культуре потребительского общества, отказ от избыточного уровня потребления информации; оптимизация экономических отношений в стране и мире; создание рабочих мест в цифровой экономике и переподготовка специалистов для них; отказ от перепроизводства (сокращение) одноразовых товаров); б) политической (формирование политического и исторического сознания; воспитание гражданских ответственности и позиции с раннего возраста (ныне линия здорового патриотизма стремится пройти сквозь всю систему образования), привлечение молодежи к политическому участию в жизни региона или страны в целом; повышение роли и ответственности органов власти всех уровней, контрольных и надзорных органов за состояние инфосферы, а СМИ – за подбор и интерпретацию информации); в) социальной (создание равных возможностей для всех граждан, независимо от их места проживания, национальной или конфессиональной принадлежности, образования, отнесения к социальной группе); г) духовной (пропаганда отечественных морально-нравственных ценностей посредством современных цифровых технологий; создание медиаконтента, направленного на формирование патриотизма, разработка соответствующих развивающих, развлекательных программ); д) информационной (контроль принятия решений искусственным интеллектом, формирование виртуальной реальности определённой ценностной направленности).

Ныне активно используется термин «цифровой суверенитет», означающий способность государства контролировать свою цифровую инфраструктуру, данные и информационные потоки на своей территории. Он включает защиту национальных информационных ресурсов и данных граждан, стратегически важной инфраструктуры от кибератак, регулирование

интернета, управление потоками информации, создание независимых технологических решений и платформ, разработку собственных правил регулирования цифрового пространства¹.

Однако цифровой суверенитет остаётся неким идеальным образом, поскольку реальность говорит об ином. Так, в 2023 г. число утёкших российских учётных записей превысило 78 миллионов, что стало вторым показателем после США; при этом, большинство утечек было связано с потерей личной информации².

Обеспечить абсолютный цифровой суверенитет в современных реалиях невозможно, как бы ни стремилось к этому государство. Примером служат социальные сети, такие как Facebook, Instagram³, которыми в 2024 г. пользовалось около 7 млн россиян⁴, несмотря на запрет. Важно не запрещать тот или иной продукт инфосферы, но заменять его более качественным собственным аналогом. Отечественной цифровой платформе МАХ здесь открывается большой простор для количественного и, самое главное, качественного роста. Это позволит избежать таких ситуаций, когда «русская армия громит русских же зомби, с переформатированным за 30 лет целенаправленного информационного воздействия сознанием»⁵. При этом важно понимать, что объектом воздействия системы информационно-психологического террора, работающей на Запад, является наша

¹ Цифровой суверенитет как залог глобальной безопасности [Электронный ресурс] // Фонд Росконгресс: [сайт]. URL: <https://roscongress.ru/materials/tsifrovoy-suverenitet-kak-zalog-globalnoy-bezopasnosti> (дата обращения 05.04.2026).

² Там же.

³ Принадлежат Meta, признанной в России экстремистской организацией и запрещённой.

⁴ Батыров Т. Аудитория запрещённых соцсетей в России сократилась в шесть раз [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/508387-auditoria-zapreshennyh-socsetej-v-rossii-sokratilas-v-sest-raz> (дата обращения: 15.11.2025).

⁵ Цифровой суверенитет как залог глобальной безопасности [Электронный ресурс] // Фонд Росконгресс: [сайт]. URL: <https://roscongress.ru/materials/tsifrovoy-suverenitet-kak-zalog-globalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 05.04.2026).

молодёжь, из которой стремятся воспитать нацистских зомби.

Безусловно, не стоит демонизировать современные технологии, они во многом облегчают человеческую жизнь и позволяют защитить собственное население. Так, нейросеть встроили в систему «Безопасный город» в Санкт-Петербурге, теперь ИИ следит за людьми через тысячи камер в городе. Первоначально ИИ начал охранять детские площадки: если на них будут хулиганы, система автоматически вызовет Росгвардию.

При помощи социальных сетей мгновенно происходит распространение информации о возможных провокациях (примером является подрыв ребёнка на детской площадке в Красногорске в ноябре 2025 г. Ещё до того, как эта информация попала на федеральные каналы, учителя всех школ Подмосковья провели дополнительные уроки на тему безопасности).

Цифровое общество характеризуется радикальным увеличением роли информации и знания, повсеместным внедрением наукоёмких и информационных технологий во все сферы деятельности. Так, их применение к производственным и коммерческим процессам за последние десятилетия утвердилось как цель и драйвер мирового экономического развития. В политической сфере идут процессы создания электронных правительств, утверждается «электронная демократия». Оцифровываются информация и процессы в культурной сфере, сфере отдыха и туризма. В соответствии с информационными технологиями меняются методики и содержание знаний в образовании, кардинальный характер носят трансформации в медицине, в указанном ключе преобразуется военное дело и т. д. Цифровые технологии становятся частью повседневной жизни людей» [10, с. 29; 11, с. 384]. Сегодня утрата мобильного телефона ведёт многих к утрате чуть ли не части личности: исчезают тексты, контакты, фото и видео, архивы, собранные за много лет, а с ними не только информация и знания, но воспоминания, мечты, надежды, чувства, эмоции и т. д.

Смартфоны стали новой зависимостью XXI в., которая не лучше существующих – алкоголизма, наркомании, игромании. У людей с зависимостью от смартфона учёные фиксируют эмоциональное выгорание, потерю интереса к обычной жизни, трудности с концентрацией внимания, нарушение сна, снижение физической активности, а также повышенную тревожность и раздражительность во время отсутствия телефона в руках¹.

Руководители государства считают жизненно необходимой задачей активное внедрение во все сферы жизни общества современных технологий, принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». «Принятие этого документа означает выбор направления развития страны на среднесрочную перспективу. Оно соответствует глобальной тенденции мирового развития. Главная цель – создание условий для формирования в России общества знаний. Помимо развития экономики, повышения эффективности государственного управления и социальной сферы, в документе подчёркивается необходимость содействия при опоре на соответствующие технологии развитию человеческого потенциала, повышению роли России в мировом гуманитарном и культурном (значит, информационном) пространстве, духовно-нравственному воспитанию и сохранению общероссийской идентичности народов РФ, обеспечению безопасности граждан и государства»². Как видим, заявленные цели, соответствующие постиндустриальным показателям, в то же время, во-первых, вписываются в поле гуманистического развития, во-вторых, касаются всех сфер общественной жизни, «“цифра” меняет не только экономику, но социум в целом» [12, с. 59–60].

¹ Зависимость от смартфона сравнили с тяжёлым наркотиком [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27694.5/5083203> (дата обращения: 12.03.2026).

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 " О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы" [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения 03.12.2025).

Заключение

В условиях институционализации новой сферы социального бытия – информационной – возникла иная социокультурная идентичность человека, которая характеризуется новыми формами коммуникации.

Информационная сфера общественной жизни представляет совокупность информации, знаний и коммуникаций, в том числе правовых, а также предметов, социальных процессов и явлений, созданных и

преобразованных при помощи информационных технологий и создающих новые.

Информационное противоборство, протекающее в инфосфере и воплощённое в коммуникативных практиках насильственного и ненасильственного противоборства [13, с. 6–9; 14–16], выступает объективно существующим фактором общественно-политической, материально-экономической, социальной и духовной сфер жизни современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Предисловие «К критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. Т. 13. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1959. С. 5–9.
2. Дмитриева Т. В. Сущностные признаки цифровизации // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 6. С. 222–227. DOI: 10.34823/SGZ.2021.6.51720.
3. Кузьмин А. М. Категория «медиа среда» и её содержание на современном этапе развития общества [Электронный ресурс] // Медиаскоп: [сайт]. 2011. № 1. URL: <https://www.mediascope.ru/issues/304> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Галкина М. Н. Информационная среда: сущность и классификация // Банковская система: устойчивость и перспективы развития: сборник научных статей XIII международной научно-практической конференции по вопросам финансовой и банковской экономики (Пинск, 28 октября 2022 г.): в 2 ч. Ч. 2. Пинск: ПолесГУ, 2022. С. 26–31.
5. Аристотель. О душе. М.: Рипол Классик, 2021. 260 с.
6. Сунь Цзы. Искусство войны. М.: София, 2021. 224 с.
7. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).
8. Морозов А. В., Майбуров Д. Г., Чуляев И. И. Информационное оружие: теория и практика применения // Проблемы безопасности российского общества. 2004. № 2. С. 177–183.
9. Новиков В. К. Средства, технологии и вещества информационно-психологических воздействий и их применение в информационных войнах современности. М.: Горячая линия-Телеком, 2023. 316 с.
10. Чернавин Ю. А., Барина Г. В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 29–39. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-29-39>.
11. Чернавин Ю. А. Современное российское общество: от индустриального до цифрового // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов IV Международной научной конференции (Москва, 20 ноября 2020 г.) / под общ. ред. Г. В. Барина, С. Н. Климова. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2020. С. 384–391.
12. Чернавин Ю. А. Цифровизация общества как риск его дегуманизации // Человеческий капитал. 2020. № S4 (136). С. 59–66.
13. Кафтан В. В. Теории и технологии современной информационной войны. М.: Кнорус, 2022. 288 с.
14. Бондарев В. Л. Личная безопасность в системе высшего образования // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2023. № 4 (34). С. 152–156.
15. Бондарев В. Л. Личная безопасность как ценность // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов VI Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2022 г.). М.: Сам Полиграфист, 2022. С. 48–55.
16. Бондарев В. Л., Леонов А. В. Идея государственного суверенитета в философии неоевразийства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 168–176.

REFERENCES

1. Marx, K. (1959). Preface to the Critique of Political Economy. In: Marx, K. & Engels, F. *Works*. Vol. 13. Moscow: IPL publ., pp. 5–9 (in Russ.).
2. Dmitrieva, T. V. (2021). Essential Features of Digitalization. In: *Social and Humanitarian Knowledge*, 6, 222–227. DOI: 10.34823/SGZ.2021.6.51720 (in Russ.).

3. Kuzmin, A. M. (2011). The Category of “Media Environment” and Its Content at the Current Stage of Social Development. In: *Mediascope*, 1. URL: <https://www.mediascope.ru/issues/304> (accessed: 12.12.2025)
4. Galkina, M. N. (2022). Information Environment: Essence and Classification. In: *Banking System: Stability and Development Prospects: Collection of Scientific Articles of the XIII International Scientific and Practical Conference on Financial and Banking Economics (Pinsk, October 28, 2022). Pt. 2*. Pinsk: PolesGU publ., pp. 26–31 (in Russ.).
5. Aristotle (2021). *On the Soul*. Moscow: Ripol Classic publ. (in Russ.).
6. Sun Tzu (2021). *The Art of War*. Moscow: Sofia publ. (in Russ.).
7. Hobbes, T. (2025). *Leviathan; or, the Matter, Forme, & Power of a Common-wealth, Ecclesiastical and Civil*. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (accessed 12.12.2025) (in Russ.).
8. Morozov, A. V., Maiburov, D. G. & Chuklyayev, I. I. (2004). Information Weapons: Theory and Practice of Application. In: *Problems of Security of Russian Society*, 2, 177–183 (in Russ.).
9. Novikov, V. K. (2023). *Means, Technologies, and Substances of Information-psychological Influences and Their Application in Modern Information Wars*. Moscow: Goryachaya liniya-Telecom publ. (in Russ.).
10. Chernavin, Yu. A. & Barinova, G. V. (2023). Man in the Space of Digital Culture. In: *Voprosy Filosofii*, 4, 29–39. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-29-39> (in Russ.).
11. Chernavin, Yu. A. (2020). Modern Russian Society: From Industrial to Digital. In: *Philosophical and Methodological Problems of Studying Russian Society: Proceedings of the IV International Scientific Conference (Moscow, November 20, 2020)*. Moscow: Russian University of Transport publ., pp. 384–391 (in Russ.).
12. Chernavin, Yu. A. (2020). Digitalization of Society as a Risk of Its Dehumanization. In: *Human Capital*, S4 (136), 59–66 (in Russ.).
13. Kaftan, V. V. (2022). *Theories and Technologies of Modern Information Warfare*. Moscow: Knourus publ. (in Russ.).
14. Bondarev, V. L. (2023). Personal Security in the Higher Education System. In: *Humanitarian Bulletin of the Military Academy of the Strategic Missile Forces*, 4 (34), 152–156 (in Russ.).
15. Bondarev, V. L. (2022). Personal Security as a Value. In: *Philosophical and Methodological Problems of Studying Russian Society: Proceedings of the VI International Scientific Conference (Moscow, November 25, 2022)*. Moscow: Sam polygraphist publ., pp. 48–55 (in Russ.).
16. Bondarev, V. L. & Leonov, A. V. (2026). The Idea of State Sovereignty in the Philosophy of Neo-Eurasianism. In: *Economic and Social Research*, 13 (1), 168–176 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беркут Виктор Петрович (г. Балашиха) – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры военно-политической работы Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;
ORCID: 0009-0000-2759-4732; e-mail: v_berkut@mail.ru

Татьяна Викторовна Дмитриева (г. Москва) – кандидат философских наук, специалист, Институт прикладной геофизики имени академика Е. К. Федорова;
ORCID: 0009-0008-5578-9180; e-mail: tanusha_ber@mail.ru

Сморчкова Валентина Петровна (г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности Государственного университета просвещения;
ORCID: 0000-0002-6123-9168; e-mail: valenta-sm@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor P. Berkut (Balashikha) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Military-Political Work of the Peter the Great Military Academy of Strategic Missile Forces of the Ministry of Defense of the Russian Federation; ORCID: 0009-0000-2759-4732; e-mail: v_berkut@mail.ru

Tatyana V. Dmitrieva (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Specialist, Institute of Applied Geophysics named after Academician E. K. Fedorov;
ORCID: 0009-0008-5578-9180; e-mail: tanusha_ber@mail.ru

Smorchkova V. Petrovna (Moscow) – Dr. Sci. (Education), Assoc. Prof., Prof., Department of Life Safety, Federal State University of Education.
ORCID: 0000-0002-6123-9168; e-mail: valenta-sm@rambler.ru

Научная статья

УДК 130.3

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-64-70

АНАЛИТИКА ЛОГОСА В ИСТОРИИ-СУДЬБЕ РУСИ-РОССИИ

Курабцев В. Л.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kurabtsev@mail.ru

Поступила в редакцию 11.02.2026

После доработки 28.02.2026

Принята к публикации 05.03.2026

Аннотация

Цель. Проведение социально-философского и аналитического исследования для выявления логосцентричной специфики исторического (историософского) пути России. Аналитика Логоса выявляет сущностные акценты судьбы России как цивилизации спасения человечества, как симфонии священства и царства, как цивилизации русского духа и «русскости».

Процедура и методы. Используются метод герменевтики, историко-логический метод и метод философской аналитики. Для реализации поставленной цели проанализирован в соответствии с заявленной проблемой ряд трудов А. С. Панарина, И. А. Ильина, Зб. Бжезинского, Д. М. Володихина и других авторов.

Результаты. Достигнута новизна исследования, определяющаяся новым видением, через приближение к логосу России, наиболее важной специфики пути русской (Российской) цивилизации. Это цивилизация спасения человечества, не уступающая своего христианского метафизического предпочтения, а также преодолевающая регулярные «манихейские» страсти в своей истории, характерная проведением только мягкой колонизации новых территорий, вдохновляющаяся гармонизацией на человеческих началах межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных и межцивилизационных отношений во всём мире. Заявлено также понимание России как прошедшей шесть катастроф в своей истории и сохранявшей идентичность в опоре на народ, веру, мессианизм и избранничество.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование продолжает православную и национально-патриотическую традицию понимания русской цивилизации и народа. В современных условиях противостояния с националистической Украиной и западными странами данная работа способствует осознанию национально-исторического Логоса, сущности народа и цивилизации, укреплению национальных ценностей.

Ключевые слова: цивилизация спасения человечества, исторический логос России, русский дух, русскость, «манихейские» страсти, мягкая колонизация, метафизика Иисуса Христа

Для цитирования:

Курабцев В. Л. Аналитика Логоса в истории-судьбе Руси-России // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 64–70. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-64-70>.

Original research article

THE ANALYSIS OF LOGOS IN THE HISTORY AND FATE OF RUS'-RUSSIA

V. Kurabtsev

¹Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: kurabtsev@mail.ru

© CC BY Курабцев В. Л., 2026.

Received by the editorial office 11.02.2026

Revised by the author 28.02.2026

Accepted for publication 05.03.2026

Abstract

Aim. To conduct socio-philosophical and analytical analysis, identifying the logocentric specifics of Russia's historical (historical-philosophical) path. The analysis of Logos reveals the essential accents of Russia's destiny as a civilization of humanity's salvation, as a symphony of the priesthood and the kingdom, and as a civilization of the Russian spirit and "Russianness."

Methodology. The study employs the method of hermeneutics, the historical-logical method, and the method of philosophical analytics. To achieve the goal, several works written by A. S. Panarin, I. A. Ilyin, Z. Brzezinski, D. M. Volodikhin, and other authors have been analyzed in accordance with the stated problem.

Results. The novelty of the research has been achieved, defined by a new vision, through the approach to the Logos of Russia, of the most important specifics of the path of the Russian (Russian Federation) civilization. This is a civilization of the salvation of humanity, not conceding its Christian metaphysical preference, and overcoming the regular "Manichean" passions in its history, characterized by carrying out only a soft colonization of new territories, inspired by the harmonization on human principles of interethnic, interconfessional, interstate and inter-civilizational relations around the world. It also states that Russia has experienced six catastrophes in its history and has maintained its identity through its people, faith, messianism, and chosenness.

Research implications. The study continues the Orthodox and national-patriotic tradition of understanding Russian civilization and the Russian people. In the current context of confrontation with nationalist Ukraine and Western countries, this work contributes to the understanding of the national-historical Logos, the essence of the people and civilization, and the strengthening of national values.

Keywords: civilization of the salvation of humanity, the historical Logos of Russia, the Russian spirit, Russianness, "Manichaeism" passions, soft colonization, the metaphysics of Christ

For citation:

Kurabtsev, V. L. (2026). The Analysis of Logos in the History and Fate of Rus'-Russia. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 64–70. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-64-70>.

Введение

Огромная, с непростой судьбой страна на крайнем Востоке Европы и на крайнем Севере Азии – страна весьма необычная, по сути, особая цивилизация, *русская цивилизация*, но и разно-народная и разно-религиозная, глубинно не вполне понятная самим её обитателям. Всемирно признана её культура и история, очевидны её русское православие, тюркский ислам и другие религии. Страна, почти постоянно воюющая, страна, проходившая через революции и «социализм», страна, терявшая в войнах и регулярных катастрофах миллионы человек. Но её Логос чётко и очевиден для любящих её – *это цивилизация спасения человечества, духовно-нравственного*

спасения (прежде всего, на основе православия и русско-российского добра).

Она периодически впадала в тяжкие бифуркации, слишком часто «догоняла». Но её главный оппонент – Европа, а в последние сто лет Запад (бывшие христианские Европа и англосаксонские страны), потерял главное – Бога Живаго Иисуса Христа, его неземные заповеди – и остался всего лишь с «остаточной духовностью» (Бжезинский). Кроме того, Европа, вероятно, имеет качество «незавершённости» [1, с. 202]. Так, Збигнев Бжезинский полагал, что Европа без Российской Федерации и Турции незавершённая. Разумеется, это всего лишь одно из видений, но достаточно конструктивное.

Логос Руси-России

Реально же Россия остаётся одиноким северным гигантом со своей уникальной судьбой. Как заметил А. С. Панарин, прежде всего «речь идёт об одиночестве Святой Руси во враждебном мире» [2, с. 65]. Остаётся не совсем разгаданной, но сильной русской цивилизацией с исторической симфонией «Царства» и «Священства». Историк Д. М. Володихин увидел историю России так: «Только симфония Священства и Царства даёт России благое состояние» [3, с. 311]. А православие и русское Государство всегда опирались на особый народ, о котором В. О. Ключевский написал: «В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого» [4, с. 312].

А. С. Панарин дополняет эту особую характеристику: русский народ в обычных делах «заведомо не был по-настоящему талантлив: он ориентирован либо на Большую традицию, либо на Большую идею, в мещанском городе он не находил ни того, ни другого»¹. Его «Большая традиция» и «Большая идея» – многолетнее православие, а также в некоторой мере провалившаяся идеология и практика коммунизма. Имеет ли последнее отношение к Логосу России? Вероятно, да, но здесь больше речь о провале, обусловленном максимализмом, радикальным нетерпением и частичной анти-буржуазностью народа. Видится высокая метафизическая точность мысли А. С. Панарина, касающаяся «провала» российских коммунистов: «Ни в каком другом месте планеты безбожный нигилизм не нанёс такого урона, как в России»².

Таков в главном наш противоречивый Логос. И национальная идея. И логическая суть прошлого, настоящего и будущего России. «Без идентификации с православием русский народ не состоялся бы как великая суперэтническая общность, со-

храняющая себя, несмотря на все разломы пространства и времени»³.

Православие скрепляло восточных славян и позволяло формировать чёткую этноконфессиональную идентичность с включением ряда финно-угорских (меря, весь и т. д.), тюркских (чуваши) и других народов России в единый православный «русский народ». «Тайна русского народа состоит в том, что он связан духовно-религиозно, т. е. образует, как и евреи, *теократический феномен в истории* (выделено нами. – В. К.)»⁴. Отсюда, кстати, и слабость его этнического национализма.

В жёсткой геополитической среде русские сохраняли идентичность, опираясь на веру, мессианизм и избранничество. Хотя в истории народа бывали искажения идентичности: в домонгольской иррациональной княжеской междоусобице; в 240 лет монголо-татарского ига; частично, в годы правления «Европейца» Петра Великого; в годы дальнейших нашествий; частично, в 74 года правления советских коммунистов; в 4 года нашествия Гитлера; в 9–10 лет правления либералов. С 2000 г., вероятно, страна выходит к своему Логосу. Можно говорить о четырёх «катастрофах российской истории» (по версии А. Ахиезера, И. Клямкина и И. Яковенко): это последовательная гибель киевской, московской, романовской и советской государственности [5]. После каждого из этих крушений Россия возрождалась, начинала заново, воспроизводя прежние ментальные и культурные стереотипы.

Можно также говорить и о шести катастрофах нашей истории: катастрофе языческой Руси (в связи с христианизацией 988 г.), катастрофе Киевской Руси (нашествие Батыя в середине XIII в.), катастрофе Смутного времени (со сменой династии Рюриковичей на династию Романовых), катастрофе 1917 г. (уничтожение всей сути и всего мира православно-русской империи), катастрофе СССР (уничтожение коммунистической идеологии и советской сверхдержавы), катастрофе 2000-х гг. (по-

¹ Философия истории: учебное пособие / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. С. 125.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 124.

⁴ Там же.

степенное умаление вестернизированной либерально-демократической России и её идеологии).

Государственности Руси-России – 1164 года. И в основном это путь *страны-тяжеловеса и страны-героя*. Её формирование – это православное (с точки зрения Запада «ортодоксальное») христианство и государственно-патерналистский патриотизм, это одарённый и коллективистский русский народ и обрусевшие российские (и советские) народы в почти состоявшейся «дружбе народов». Зачатки этой дружбы уходят к VIII–IX вв., когда в Ладоге (ныне г. Старая Ладога) возникло союзное государство двух славянских (ильменские словене и кривичи) и трёх финноугорских племён (весь, емь и меря). В летописи «Повесть временных лет» сказано, что в 862 г. эти славянские и финно-угорские племена призвали править «варягов-русь» во главе с князем Рюриком¹.

При этом необходимо сделать принципиальное замечание: Логос России омрачён тягой к «*манихейским страстям*», в том числе и по причине русского максимализма. Для «манихея» мир представляет собой арену вечной борьбы двух космических сил: добра и зла. Бжезинский, сравнивая Россию и Турцию, утверждает: «В отличие от России Турция никогда не впадала ни в манихейские страсти по истреблению собственного народа, ни в тоталитаризм» [1, с. 205]. А в Руси-России эти страсти бушевали уже с раннефеодальных времён, начиная с аристократии Рюрика. Для манихея жизнь есть вечная и бескомпромиссная война на уничтожение с соперниками, идейными противниками, иноверцами, «классовыми врагами».

Например, В. О. Ключевский отметил, что «у Соловьёва, впрочем, самое чувство тяжести, выносимое историком из изучения скудных и бесцветных памятников XIII и XIV вв., облеклось в коротенькую, но яркую характеристику периода. Действующие лица действуют молча, во-

юют, мирятся, но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся (выделено нами. – В. К.); в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, всё тихо; все сидят, запершись» [4, с. 351].

Бесконечные братоубийственные войны, подпитанные реальными и надуманными страстями, торжествовали в раздробленных славянских княжествах. Тем более, что дробление территорий происходило зачастую бурно: «Суздальская земля, распадавшаяся при детях Всеволода на 5 частей, при внуках его раздробилась на 12. В подобной прогрессии шло удельное дробление» [4, с. 353].

Однако Карамзин, тоже подтверждая «бессмысленные драки княжеские», замечает в князьях «так много удали», стремления «любо налезти себе славу, а любо голову свою сложить за землю Русскую» [4, с. 211]. Он «диагностирует» *русский дух*, присущий не только князьям, но и русскому народу и российским народам. Это патриотизм, бесстрашие перед смертью и самопожертвование, удаль и отвага. А в полноте русский дух – это ещё и православная вера, а также стойкость, выносливость, долготерпение и доброта. Существует большая тайна патриотизма, о которой гениально пишет А. С. Панарин: патриот России «предвосхищает ещё недоказанные и недемонстрированные смыслы и возможности существования» [2, с. 40]. Об этом же упоминает В. Франкл: любовь видит невидные «возможности» любимого [2, с. 40].

И этот дух, эта установка была, есть (СВО) и будет у русских и россиян. А поскольку периодически добавлялись войны с сильными внешними врагами, то в Руси-России, не защищённой с трёх сторон, русский дух только укреплялся с веками, даже в советское время с его «светской» религиозностью. И помогала народу побеждать также сильная единоличная власть: самодержавная «форма высшей власти *обязана* была родиться. Наличие её впоследствии неоднократно оказывалось спасительным для России» [3, с. 311]. Парадоксально (или

¹ Основы российской государственности: учебное пособие для студентов / под ред. С. В. Перевезенцева. М.: ДЕЛО, 2023. С. 24.

закономерно?) демократическая власть, например, Керенского или Горбачёва и Ельцина, действовала на народ и общество чересчур негативно. Возникали «смута», криминальные «революции» и хаос, экономическое и демографическое падение, усиливались и расцветали социальные, межэтнические и межрелигиозные конфликты. Как заметил А. С. Панарин, «чрезмерный либерализм... всегда незадачлив в России» [2, с. 50–52].

Ещё одна особенность России, прямо связанная с её Логосом, – это её *устойчивая Ориентация на Европу и учёба у неё* (реже у США), что способствовало её прогрессу и привело в конце концов к тому, что *Россия стала почти Европой*, и даже *лучше* Европы: она сохранила великую ценностную традицию, особенно христианскую. Никогда не было нашей ориентации на лимитрофные исламские страны, Китай, Японию или Индию. Высокая универсальная одарённость русского народа привела к тому, что Россия часто, в каких-то отношениях *стала превосходить своих учителей*. Например, во всемирно-исторических свершениях России: 1380–1480 гг. – *самостоятельное* освобождение от монголо-татарского порабощения; успешное принятие духовно-цивилизационной эстафеты от погибшей Восточной Римской империи (Византии) в XV–XVI вв. при Иване Великом и Иване Грозном (отражённое в идеологеме «Москва – Третий Рим»); великая и крайне важная европеизация Петра Великого и т. д.

О суровой необходимости европеизации уверенно писал И. А. Ильин: в русском народе до Петра Великого «крепло иррациональное самочувствие, согласно которому русский народ, наставляемый святой, соборной и апостольской церковью и водимый своими благоверными царями, хранит *единственную правую веру*, определяя ею своё *сознание* и свой *быт*: это есть некое национальное стояние в правде, от которого невозможно ни отступить, ни что-либо уступить, так, что перенимать у других нам *ничего* нельзя, смешиваться с другими грешно, и изменяться нам не в

чем. Ни у басурманов, ни у еретиков нам не следует учиться, ибо от ложной веры может произойти только ложная наука и ложное уменье. Это воззренье к XVII веку формулировалось так: «богомерзок пред Богом всякий, кто любит геометрию: а се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам»... И ещё: «если спросит тебя знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очимах видех, учуся книгам благодатного закона» [6, с. 368–369]. Эти слова обнаруживают жуткий русский обскурантизм феодальных времён; великую *трагедию излишнего и иррационального акцента на православной вере* вопреки прогрессирующему в Европе разуму и наукам!

При Петре «*национальное* отделилось от *вероисповедно-церковного*. Русское самочувствие проснулось, и началась эпоха *русского национального самосознания*, незаконченная и донныне» [6, с. 370]. А верно воспринятое христианство не имеет связи с обскурантизмом (от лат. *obscurans* «затемняющий» – враждебное отношение к просвещению, науке и прогрессу) и с неправильно понятой православно-национальной «кротостью».

Как учит А. С. Панарин, «главным механизмом тектонических сдвигов истории является политика – производство власти». «Люди, заполучившие власть, способны менять облик общества и катастрофически ломать привычное течение жизни» [7, с. 31]. В России такой была жизнедеятельность целого ряда великих князей, царей, императоров, генсеков и президентов – от Рюрика и св. князя Владимира Святославовича до нынешнего Президента.

Ещё одно проявление Логоса в судьбе России – это *мягкая колонизация* необъятных просторов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Можно, конечно, увидеть её и таким образом: «Стремление доминировать, прибирать к рукам ресурсы и территории ослабевших противников, перекраивать пространство в свою пользу – в

этой установке, по сути дела, нет ничего нового: она соответствует традиционному национальному эгоизму всякой, и в особенности большой, страны, обладающей имперской традицией» [8, с. 24]. Но этот процесс в России происходил без геноцида коренных народов, без отчуждения их в резервации, без презрения к «инородцам» и расовой гордости русских из Европейской части России. А наоборот – с добрым отношением, с мирной православизацией, с европеизирующей ненасильственной русификацией, с мирным соседством и межэтническими браками, с сохранением национальных языков и культур. Русская «Реконкиста» XVI в. – единственная, по сути, крупная военная операция в формировании Московского царства (покорение Казанского, Астраханского и Сибирского ханств).

Русский дух непосредственно определяет качество «русскости», в частности специфичное воинским духом. Но, прежде всего, «русскость» – это доброта, дружелюбие и *помощь*. И она «есть общее направление нации, *внутреннее её стремление*, ...аттестат на особую роль в мире»¹. А в XXI в. она способна постепенно перейти на всё человечество, которое сейчас «не чувствует духовности и не ищет её. Оно не видит Бога» [9, с. 111]. Человечество отошло от главного – от *наивысшей метафизики*: Христа, а также Платона, Достоевского. И соблазнилось низшей, часто языческой метафизикой: *идолами* доллара, антиценностями Ницше, апофеозом недуховной силы. Это *утрата главного* в жизнедеятельности людей и стран.

А. С. Панарин объясняет, почему только два народа не отошли от высшего: большой русский и маленький еврейский народы «чувствовали себя изгоями мировой цивилизации, которая пошла по языческому пути преуспевающего сильных». Они чувствовали себя избранными, поскольку их путь – путь неудач и падений: «Судьба оберегала их от соблазнов банальной истории

и от преждевременного, профанированного успеха». «Оба народа ощущали присутствие таинственного, высшего смысла истории, скрытого от господ мира сего»².

Но если Израиль мал, регионален и самозамкнут, то Россия, пока не потерявшая своего «*внутреннего стремления*», не отошедшая от Главного, оказалась единственной настоящей надеждой человечества. В России, как полагал Панарин, «заложен механизм восстановления единства мировой истории»³. «Открытие *качественно иного будущего* тем самым выпадает на долю пасынков прогресса, не нашедших себе место в настоящем» [7, с. 7].

Заключение

Согласно В. Е. Лепскому, «наш цивилизационный потенциал даёт основания утверждать, что Россия может стать духовным лидером мирового сообщества» [10, с. 59]. Или больше того: культурным, технологическим и духовным лидером, вдохновляющим *гармонизацию на человеческих началах* межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных и межцивилизационных отношений. Попутно, вероятно, будет происходить *трансформация мирового мировоззрения – с вестернизированного на более духовно-нравственное*. Общемировые противоречия и греховность вряд ли нам позволят достичь этого полностью, но и *частичный, устойчивый успех* тоже немаловажен, учитывая альтернативу всемирного самоуничтожения.

Прометеева наука Запада с её моралью успеха и обогащения больше не годится для спасения человечества – *спасения* религиозной веры, подлинной природы, подлинной культуры, народов и отдельного человека. «Ценности спасения выше ценностей обогащения» [8, с. 48].

¹ Распутин В. Ближний свет издалека // Преподобный Сергей Радонежский: сборник / сост. Т. А. Соколова. М.: Новатор, 1996. С. 342.

² Философия истории: учебное пособие / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. С. 125.

³ Там же. С. 55–56.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012. 285 с.
2. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. 392 с.
3. Володихин Д. М. Иван IV Грозный: Царь-сирота. М.: Молодая гвардия, 2020. 341 с.
4. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. I. М.: Мысль, 1987. 430 с.
5. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. 708 с.
6. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. 496 с.
7. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000. 352 с.
8. Панарин А. С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.
9. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Русская книга, 1993. 480 с.
10. Лепский В. Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. 130 с.

REFERENCES

1. Brzezinski, Z. (2012). *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*. Moscow: Astrel publ. (in Russ.).
2. Panarin, A. S. (1998). *Revenge of History: Russian Strategic Initiative in the 21st Century*. Moscow: Logos publ. (in Russ.).
3. Volodikhin, D. M. (2020). *Ivan IV the Terrible: The Orphan Tsar*. Moscow: Molodaya gvardiya publ. (in Russ.).
4. Klyuchevsky, V. O. (1987). *Works. Vol. 1: Course of Russian History. Pt. I*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
5. Akhiezer, A., Klyamkin, I. & Yakovenko, I. (2005). *History of Russia: End or New Beginning?* Moscow: Novoye izdatelstvo publ. (in Russ.).
6. Plyn, I. A. (1993). *Collected Works. Vol. 2. Bk. 1*. Moscow: Russkaya kniga publ. (in Russ.).
7. Panarin, A. S. (2000). *Global Political Forecasting*. Moscow: Algorithm publ. (in Russ.).
8. Panarin, A. S. (2006). *The Truth of the Iron Curtain*. Moscow: Algorithm publ. (in Russ.).
9. Plyn, I. A. (1993). *Collected Works. Vol. 2. Bk. 2*. Moscow: Russkaya kniga publ. (in Russ.).
10. Lepsky, V. E. (2016). *Analytics of the Assembly of Development Subjects*. Moscow: Cogito-Center publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курабцев Василий Леонидович (г. Москва) – доктор философских наук, доцент, специалист Технопарка «Кванториум» Государственного университета просвещения;
e-mail: kurabtsev@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4757-731X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vasily L. Kurabtsev (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Specialist, Quantorium Technopark, Federal State University of Education;
e-mail: kurabtsev@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4757-731X

Научная статья
УДК: 101.1; 316.46
DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-71-80

ЭКОСИСТЕМНОЕ ЛИДЕРСТВО КАК НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Мамедова А. Н.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: Amelmam26@gmail.com

Поступила в редакцию 02.02.2026

После доработки 22.02.2026

Принята к публикации 04.03.2026

Аннотация

Цель. Исследовать феномен экосистемного лидерства как ответ на цивилизационные вызовы XXI в., обосновать тезис о том, что трансформация управленческих практик требует не просто смены инструментария, а глубокой философской рефлексии оснований власти, субъектности и социального взаимодействия.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов классификации и сравнительного анализа.

Результаты. В работе осуществлён анализ кризиса классической парадигмы лидерства, основанной на принципах иерархии, линейности и антропоцентризма. Через призму социальной философии, теории сложности и постнеклассической рациональности раскрывается содержание экосистемного подхода, где лидерство понимается как имманентное свойство самоорганизующейся социальной среды. Особое внимание уделяется онтологии сетевого взаимодействия, распределённой субъектности и этике заботы. Делается вывод, что экосистемное лидерство знаменует переход от парадигмы «власти над» к парадигме «власти для», от управления как контроля – к управлению как фасилитации жизненного потенциала сложных социальных организмов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании методологических компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: социальная философия, философия управления, экосистемное лидерство, самоорганизация, распределённое лидерство, сетевое общество, постнеклассическая рациональность, онтология, субъектность

Для цитирования:

Мамедова А. Н. Экосистемное лидерство как новая философия управления // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 71–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-71-80>.

Original research article

ECOSYSTEM LEADERSHIP AS A NEW PHILOSOPHY OF MANAGEMENT

A. Mamedova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation
e-mail: Amelmam26@gmail.com

Received by the editorial office 02.02.2026

Revised by the author 22.02.2026

Accepted for publication 04.03.2026

Abstract

Aim. To explore the phenomenon of ecosystem leadership as a response to the civilizational challenges of the 21st century, and to substantiate the thesis that the transformation of management practices requires not simply a change in instrumentation, but a profound philosophical reflection on the foundations of power, subjectivity, and social interaction.

Methodology. The work was carried out based on a systematic approach using methods of classification and comparative analysis.

Results. The paper analyses the crisis of the classical leadership paradigm based on the principles of hierarchy, linearity, and anthropocentrism. Through the lens of social philosophy, complexity theory, and post-non-classical rationality, the content of the ecosystem approach is revealed, where leadership is understood as an immanent property of a self-organizing social environment. Special attention is paid to the ontology of network interaction, distributed subjectivity, and the ethics of care. It is concluded that ecosystem leadership marks a transition from the paradigm of “power over someone” to the paradigm of “power for someone”, from management as control to management as facilitating the vital potential of complex social organisms.

Research implications. The results of the study can be used to improve the methodological competencies of both teachers of philosophical disciplines and students.

Keywords: social philosophy, philosophy of management, ecosystem leadership, self-organization, distributed leadership, network society, post-nonclassical rationality, ontology, subjectivity

For citation:

Mamedova, A. N. (2026). Ecosystem Leadership as a New Philosophy of Management. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 71–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-71-80>.

Введение

Современный этап развития общества, характеризуемый такими определениями, как «текущая современность» [1], «общество риска» [2] и «сетевое общество» [3], ставит перед управленческой мыслью принципиально новые вызовы. Скорость социальных изменений, рост взаимозависимости глобального и локального уровней, размывание традиционных институциональных границ и кризис репрезентативной демократии – все эти процессы свидетельствуют о том, что классические модели управления и лидерства, сложившиеся в индустриальную эпоху, утрачивают свою объяснительную и регулятивную силу.

В этой ситуации возникает потребность в выработке новой философии управления, способной не просто адаптировать организации к изменяющимся условиям, но и переосмыслить саму природу социальной организации, власти и человеческого взаимодействия. Одним из наиболее перспективных направлений такого пере-

осмысления становится концепция экосистемного лидерства. Термин «экосистема», заимствованный из биологии, сегодня активно используется в экономике, социологии и менеджменте для описания сложных, саморегулирующихся сообществ, участники которых находятся в отношениях взаимозависимости и коэволюции.

Однако большинство современных исследований сосредоточены на прикладных, инструментальных аспектах экосистемного подхода, а именно на способах создания бизнес-экосистемы, управления платформой, обеспечения конкурентоспособности сети [4]. Философские же основания этого феномена недостаточно проработаны. Остаётся открытым вопрос, является ли экосистемное лидерство лишь очередной модной управленческой технологией, или же оно знаменует собой глубинный сдвиг в социальной онтологии, в понимании того, что такое «быть вместе» и «быть управляемым» в XXI в.?

Целью данной работы является проведение социально-философского анализа

феномена экосистемного лидерства, выявление как его онтологических, антропологических и этических оснований, так и его значения как новой парадигмы управления, адекватной сложности современного мира.

Научная новизна исследования заключается в попытке концептуализировать экосистемное лидерство не как набор компетенций индивида, а как качество социальной среды, как имманентный принцип самоорганизации сложных систем, требующий пересмотра классических категорий субъекта, объекта и цели управления.

Кризис классической парадигмы лидерства, её философские истоки и пределы

Классическая парадигма лидерства уходит корнями в античную философию и формируется под влиянием метафизики бытия, где мир мыслится как стройная иерархическая структура. Так, у Платона в диалоге «Государство» образ правителя-философа, созерцающего мир идей и управляющего невежественной массой, закладывает фундамент элитарного понимания лидерства. Лидером здесь обозначен тот, кто обладает привилегированным доступом к истине (эйдосам, знанию), а его власть легитимируется в силу этой причастности к высшему порядку.

Аристотель хотя и более эмпиричен, также утверждает естественность иерархии, в рамках которой одни рождены повелевать, другие же – подчиняться. Эта онтологизация неравенства находит своё продолжение в средневековой христианской мысли, где земная иерархия есть отражение иерархии небесной (Августин «О Граде Божием»). Новоевропейская философия, совершив антропологический поворот, заменяет Бога Разумом, когда декартовский мыслящий субъект становится центром и основанием мира. Это создаёт предпосылки для формирования классического субъект-объектного отношения, которое затем ляжет в основу всей западной управленческой мысли. Лидер (субъект) противосто-

ит организации или последователям (объекту), в его задачу включается познание законов функционирования этого объекта и, подобно инженеру, воздействие на него для достижения цели.

В XIX–XX вв. эти философские установки кристаллизуются в теориях «научного управления», где организация понимается как механизм, машина, а лидерство трактуется как функция «главного инженера», который проектирует, стандартизирует и контролирует все процессы. Бюрократическая теория М. Вебера [5] с её идеальным типом легального господства также утверждает иерархию как наиболее рациональную форму управления, а эффективность достигается за счёт предсказуемости, единоначалия и жёсткой регламентации.

Параллельно с «инженерной» линией развивается так называемая «героическая» традиция лидерства, уходящая корнями в традиции романтизма и культа великих личностей. Лидер здесь рисуется харизматической фигурой, обладающей особыми качествами (как врождёнными, так и приобретёнными), она ведёт за собой массы, преодолевая инерцию среды. Теории «великого человека», а позже и ситуационные теории по-прежнему центрированы на индивиде, лидерство мыслится как свойство личности, а не системы. Вполне очевидно, что такая антропология базируется на либеральной концепции автономного субъекта, который свободен в своём выборе и несёт ответственность за свою судьбу и судьбу организации. В экономике эта модель находит отражение в образе успешного предпринимателя, обладающего прогностическими компетенциями, который своим управленческим гением преобразует реальность.

В методологическом плане и иерархическая, и «героическая» модели объединены общей философской предпосылкой, основанной на вере в линейность и предсказуемость мира, где он мыслится как детерминированная система, где причина и следствие связаны прямой связью, а бу-

дущее может быть просчитано на основе прошлого опыта.

Однако социальная реальность XXI в. демонстрирует принципиально иные свойства, которые описываются как «фундаментальная нестабильность», при которой скорость изменений многократно возросла, привычные циклы сжались. Нестабильность дополняется неопределённостью, при которой связи между действием и результатом становятся неочевидными, а прошлый опыт часто не работает. Кроме того, социальная реальность характеризуется системно-структурной усложнённостью, т. к. она вбирает в себя огромное число взаимосвязанных элементов, образуя сложные сети обратных связей, где эффекты отнюдь не аддитивны. А неоднозначность трактовки социальных феноменов ведёт к ситуации, когда одни и те же события могут интерпретироваться по-разному в зависимости от контекста и точки зрения.

Становится понятным, что в такой реальности иерархическая машина оказывается слишком медленной и неповоротливой, поскольку любое директивное воздействие на сложную систему чревато непредсказуемыми, часто катастрофическими последствиями. Таким образом, кризис классической парадигмы является не просто технологическим, а глубинным философским кризисом, кризисом онтологии простого мира, кризисом антропологии автономного субъекта и кризисом эпистемологии линейного детерминизма. Для преодоления этого кризиса необходим переход к иным моделям мышления, основанным на признании сложности, нелинейности и распределённости.

Философские основания экосистемного подхода

Переход к экосистемному мышлению знаменует собой фундаментальный сдвиг в социальной онтологии, в осознании того, что же такое социальная реальность. На смену доминировавшей несколько столетий метафоре «машины» (в рамках пара-

дигмы механицизма), приходит метафора «организма» или, точнее, «экосистемы» (в рамках парадигмы холизма). Если машина собирается извне по заданному проекту и служит для выполнения конкретной функции, то экосистема возникает спонтанно в процессе самоорганизации, развивается и эволюционирует. У неё нет единого центра управления и жёстко закреплённых границ, её элементы (в живой природе – виды) находятся в сложных отношениях симбиоза и кооперации, образуя единое целое, которое больше суммы своих частей.

Перенос этой метафоры на социальные системы позволяет по-новому взглянуть на социальную организацию. Компания, город, сообщество перестают мыслиться как иерархическая структура, поддающаяся тотальному контролю. Они предстают как живые, дышащие организмы, встроенные в более широкий контекст – в рыночную, социальную, природную среду.

Философское осмысление экосистемного подхода невозможно без опоры на теорию сложности и синергетику, а работы И. Пригожина, Н. Лумана [6; 7] позволяют сформулировать ключевые онтологические принципы, лежащие в основе новой парадигмы.

Во-первых, речь идёт о принципе самоорганизации, на методологическом базисе которого сложные системы наделяются способностью спонтанно порождать порядок из хаоса. Это означает, что управленческие воздействия должны не подавлять естественных процессов саморегуляции, а «подталкивать» систему к желаемым аттракторам (или точкам притяжения).

Во-вторых, следует отметить принцип нелинейности, фиксирующий ситуацию, при которой в сложных системах малые воздействия могут приводить к большим последствиям, а большие усилия, напротив, к нулевому результату. Это требует от лидера чувствительности к «точкам бифуркации», моментам, когда система становится наиболее чувствительной к внешнему влиянию. Исследователями отмечено, что «нелинейность экосистемы проявляется в том, что эффекты часто

носят экспоненциальный характер – небольшие изменения могут приводить к значительным результатам на уровне всей системы» [8, с. 99].

В-третьих, отметим принцип эмерджентности, в рамках которого свойства системы оказываются несводимыми к сумме свойств её элементов, а целое уже обладает новыми качествами, которые возникают в процессе взаимодействия частей. Лидерство в таком контексте представляет собой эмерджентное свойство, возникающее из взаимодействия множества агентов.

И, наконец, в-четвёртых, следует отметить принцип коэволюции, означающий развитие элементов системы не изолированно, а в органичной связи не только друг с другом, но и с окружающей средой. Иными словами, успех одного участника экосистемы невозможен без успеха других.

Ещё в конце 1990-х гг. М. Кастельс в своей фундаментальной работе «Информационная эпоха» [3] показал, что современное общество имеет сетевую структуру. Власть больше не локализована в институтах, она «течёт» по сетям, и экосистемное лидерство онтологически укоренено именно в этой сетевой реальности. С точки зрения автора, сеть онтологически противостоит иерархии, она децентрализована, её узловые элементы равнозначны, а связи между ними могут быть множественными и разнонаправленными. В такой онтологии проблема границ становится принципиально иной. Если иерархическая организация имеет чёткие границы (например, штатное расписание, устав, юридический адрес и др.), то экосистема таких границ не имеет, становясь открытой для новых участников и взаимодействуя с другими экосистемами, определяя свои границы не формальными документами, а интенсивностью и характером связей.

Это ставит перед философией управления сложный вопрос: как управлять тем, что не имеет границ и центра? Ответ экосистемного подхода заключается в том, что управление смещается с контроля над структурой на управление связями, потоками и средой.

Концептуализация понятия экосистемного лидерства

Ключевое отличие экосистемного подхода от классических теорий заключается в том, что сегодня получило название «децентрации» субъекта. Лидерство перестаёт быть атрибутом конкретного человека (или группы лиц) и становится имманентным свойством самой социальной системы, что знаменует переход от лидера как персоны к лидерству как феномену. В такой парадигме функция формального руководителя претерпевает кардинальные изменения. Он перестаёт быть управленческой единицей, принимающей единоличные решения, в его задачи включается создание условий для того, чтобы лидерство как системное свойство могло проявиться в любой точке сети в любой момент времени в зависимости от ситуации и компетенций.

В связи с этим следует особо отметить концепцию распределённой субъектности, ставшей одним из важнейших философских достижений постструктурализма [9; 10]. На его платформе субъект больше не мыслится как автономная монада, но трактуется органично встроенным в сети дискурсов, практик и социальных отношений. В такой социально-управленческой парадигме субъектность распределена между множеством агентов, а в целом в контексте управления это означает признание того, что все участники экосистемы становятся носителями субъектности. Они не являются пассивными объектами управления или простыми исполнителями, но каждый из них обладает знанием, волей и способностью к действию. Более того, в современном мире «актерами» становятся не только люди. Технологии (алгоритмы, искусственный интеллект), социальные институты, дискурсы также обладают определённой степенью агентности, поскольку сегодня они обладают способностью формировать среду, задавать правила и оказывать значимое влияние на поведение.

Экосистемное лидерство, таким образом, представляет собой искусство координации этой множественности, поиск

баланса между автономией отдельных субъектов и целостностью всей системы, подтверждая тезис о власти как «циркулирующей», а не «принадлежащей».

Смена онтологии и антропологии неизбежно влечёт за собой трансформацию ценностно-целевой структуры управления. Если организация в рамках старой, «машинной» управленческой парадигмы создавалась для производства продукта и максимизации прибыли, то организация-экосистема существует для поддержания собственной жизнеспособности и развития. Целью экосистемного лидерства становится, таким образом, не достижение конкретного измеримого показателя (впрочем, это не исключается), а обеспечение устойчивости системы и её способности к адаптации и эволюции. В телеологическом разрезе такое положение означает переход от целеполагания к целеформированию, когда цели рождаются в процессе взаимодействия участников, отражая их общие интересы и ценности.

В аксиологическом плане экосистемное лидерство выводит на первый план такие ценности, как разнообразие (вариативность), взаимность как основу кооперации и синергии, прозрачность и доверие, заботу как этический принцип отношения к участникам экосистемы и к среде обитания. Следует отметить, что прибыль или эффективность в этой системе ценностей выступают не как конечная цель, а как необходимое условие для продолжения жизнедеятельности как своего рода «метаболизм» экосистемы, поскольку «поведение человека зависит не только от внешних обстоятельств и требований к нему, но и от внутренних регуляторов – системы ценностей. Сложившаяся у человека система ценностных ориентаций предопределяет в содержательном плане направленность его личности, лежит в основе её связей и взаимоотношений с окружающей действительностью и другими людьми, детерминирует видение человеком себя самого, выступает ядром свойственного ему мировоззрения, стимулирует его экзистенциальную активность и мотивацию» [11, с. 132].

Этика и практики экосистемного лидерства

Переход к экосистемному лидерству требует и новой этики, адекватной сложности рассматриваемого феномена. Классическая этика (известная деонтология И. Канта, утилитаризм И. Бентама и К. Гельвеция) часто исходит из универсальных принципов или расчёта последствий в простых, линейных ситуациях. Этика ответственности в столкновении со сложной реальностью требует иного, а именно – признания того, что любое наше действие в сложной системе имеет множественные, отсроченные и часто непредсказуемые последствия. Используя терминологию античных классиков, отметим, что главной «добродетелью» лидера становится не решительность и напор, а осторожность, рефлексивность и чувствительность к обратным связям.

Как же выглядит управление в парадигме экосистемного лидерства на практическом уровне? Инструменты прямого административного воздействия (приказы, контроль) уступают место более мягким, но не менее сложным практикам. Первым и наиболее значимым из них следует назвать фасилитацию, при которой лидер выступает не как дирижёр, а как человек, который помогает группе эффективно взаимодействовать, находить общие решения и достигать синергии. Его основной задачей является создание безопасного пространства для диалога, устранение барьеров, организация и структурирование обсуждения.

Вторым инструментом экосистемного лидерства является создание возможностей, при котором задача лидера заключается не в выработке готовых решений, а в создании условий для того, чтобы участники экосистемы могли сами находить решения. Такое положение вещей способствует развитию компетенций, поиску и предоставлению ресурсов, созданию платформ для взаимодействия.

Третий инструмент – дизайн среды – представляет собой новое прочтение объ-

екта управления: вместо управления людьми лидер управляет средой, в которой эти люди действуют. Он формирует корпоративную культуру, ценности, ритуалы, физическое и цифровое пространство так, чтобы они стимулировали желательные формы поведения и взаимодействия. В связи с этим исследователи отмечают, что «использование ИИ зависит от социальных отношений и, соответственно, от того, какие качества человеческой личности они формируют. Чтобы ИИ стал не оружием, а помощником человека, необходимы два условия: социальные отношения, основанные на общности целей людей, и развитая человеческая личность, которая сможет предвидеть даже отдалённые последствия применения ИИ и не допустить отчуждения мыслительной деятельности от человека» [12 с. 16].

И, наконец, четвёртый инструмент – управление нарративами, поскольку в сложной системе тотальный контроль членов коллектива с помощью инструкций и предписаний представляется невозможным. Более эффективным инструментом становится управление смыслами, где лидер формирует и транслирует нарративы, которые объединяют участников, задают общее видение и направление движения.

С учётом таких инструментов с необходимостью встаёт один из самых острых вопросов экосистемного подхода: возможно ли в таких условиях сохранение власти как таковой? Очевидно, что при отсутствии иерархии и всеобщем равенстве возникает проблема адресности и персонализации ответственности. В сложившейся ситуации важно различать разные типы власти: классическую («власть над», основанную на доминировании, принуждении, которая в описанной ситуации сводится до минимума) и неклассическую («власть для» и «власть с» как способность совершать действия сообща, способность к коллективной мобилизации ресурсов). Исходя из этого, следует отметить, что в экосистеме власть не исчезает, а меняет форму, приобретая черты диффузности и ситуативности. В каждый конкретный момент ли-

дерский мандат получает тот, кто обладает наибольшей компетенцией для решения конкретной задачи. Такое лидерство называется ротационным или ситуативным.

Впрочем, экосистемность вовсе не отменяет необходимости в институтах и формальных ролях. Речь идёт о востребованности своего рода «центра тяжести», т. е. людей или команд, отвечающих за поддержание целостности экосистемы, за её связь с внешним миром, за разрешение трудно разрешимых конфликтов. В функции такого центра входит не сколько руководство, сколько модерирование, обеспечение соблюдения базовой структуры экосистемы, а также сохранения её базовых ценностей.

Социально-антропологический ракурс феномена экосистемного лидерства

Распространение экосистемной логики за пределы бизнеса ставит важные вопросы о будущем политической организации общества. Может ли экосистемное лидерство стать основой для новых форм организации общества, более адекватных XXI в.? Ответ остаётся открытым, поскольку было бы наивным усматривать в экосистемном лидерстве панацею в решении глобальных проблем современности ввиду того, что оно само, как и любая социальная технология, несёт в себе серьёзные риски. Экосистема, как и любое сообщество, при определённых условиях может стать социально небезопасной.

Исследователи отмечают такое негативное проявление экосистемности, как «неявное принуждение», опасное тем, что в мягкой, «заботливой» среде конформизм, приспособленчество могут проявляться гораздо более рельефно, чем в жёстко выстроенной иерархии. Давление коллектива, «культ команды», отсутствие возможности уединения могут стать новыми формами отчуждения, не менее тягостными, чем обозначенные классическим марксизмом.

Кроме того, одним из негативных проявлений экосистемного лидерства может стать эксплуатация энтузиазма сотрудни-

ков, что становится результатом неправильной интерпретации их ценностной ориентированности и вовлечённости. Ситуация может усугубляться размыванием ответственности, при которой лидерство распределено между многими участниками производственного процесса. Уход от личной ответственности, попытки списать производственные неудачи на «системные эффекты» становятся серьёзными вызовами для экосистемного лидерства и требуют тщательной проработки механизмов подотчётности. Впрочем, не менее серьёзным вызовом для экосистемы, управляемой цифровыми платформами, становится «цифровой тоталитаризм», связанный с риском тотального контроля со стороны владельцев алгоритмов, т. к. «владельцы технологии ИИ получают доступ к формированию мировоззренческих основ личности на основе тонкой работы с её восприятием, опирающейся на всестороннее знание личностных особенностей индивидуума в корреляции с обширнейшими массивами знаний в целом, а также техник психологического и любого иного воздействия, которыми объективно будет обладать ИИ» [13, с. 88; 14].

Наконец, экосистемное лидерство ставит фундаментальные антропологические вопросы. Каким должен быть человек, чтобы успешно функционировать в такой среде? Несомненно, от него требуются такие новые качества, как высокая рефлексивность, способность к самоорганизации, коммуникативная компетентность, готовность к неопределённости, к постоянному обучению и переобучению. В известном смысле речь идёт о самоопределении человека в системе, о нахождении в ней своего места и в итоге об идентичности. В жёстко выстроенной иерархической системе идентичность определяется местом в структуре, что в определённой мере упрощает задачу самоопределения [15]. В подвижной, пластичной экосистеме, где роли меняются, а границы функций и ответственности размываются, человек сталкивается с необходимостью постоянной «пересборки» самого себя, конструирования своей идентичности в диалоге с множеством

Других, что, в свою очередь, создаёт огромные психологические нагрузки и требует нового уровня рефлексии.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что экосистемное лидерство представляет собой не просто очередную управленческую теорию, а формирующуюся философию управления, адекватную вызовам эпохи сложности. Оно знаменует собой фундаментальный сдвиг в социальной онтологии (от машины к организму), эпистемологии (от линейности к нелинейности), антропологии (от автономного субъекта к распределённой субъектности) и этике (от универсальных норм к этике заботы и ответственности).

Экосистемное лидерство, таким образом, представляет собой искусство «выращивания» жизнеспособных социальных организмов, способных к саморазвитию и адаптации в непредсказуемой среде. В центре этой философии находится не максимизация какого-либо одного показателя, а поддержание сложности, разнообразия и жизненного потенциала системы. В социально-философской перспективе развитие экосистемного лидерства может привести к трансформации не только корпоративного, но и общественного устройства, открывая путь к более гибким, сетевым и рефлексивным формам социальной организации. Однако этот путь сопряжён с серьёзными рисками, проявляющимися в новых формах манипуляции и размывании ответственности. Осмысление этих рисков и поиск адекватных ответов на них становится важнейшей задачей для современной социальной философии.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны с углублённым анализом связи экосистемного лидерства с концепцией устойчивого развития, с изучением роли технологий (особенно ИИ) в распределении лидерских функций, а также с разработкой нормативных моделей, позволяющих сочетать эффективность самоорганизующихся систем с защитой прав и свобод личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Высшая школа экономики, 2000. 608 с.
4. Олин Р. А., Осипов М. Н., Тимофеев А. В. Гибридная рабочая сила в цифровой экономике // Экономика и предпринимательство. 2025. № 10 (183). С. 386–390.
5. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Высшая школа экономики, 2016. 448 с.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
7. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
8. Экосистемное технологическое лидерство: стратегии, архитектуры и методы идентификации предприятий / А. Е. Зубарев, Э. А. Гасанов, М. А. Гасанов, В. В. Спицын, Л. Ю. Спицына // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2025. № 4. С. 97–116. DOI: 10.38161/1996-3440-2025-4-97-116.
9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория: Астрель, 2010. 895 с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
11. Тимофеев А. В., Губанов Н. Н. Цифровизация с философской точки зрения // Гуманитарный вестник. 2025. № 2 (112). С. 128–136.
12. Искусственный интеллект и благо человека / Н. О. Архангельская, Я. В. Бондарева, С. В. Буренков, Н. Н. Каргин // Сибирский учитель. 2025. № 5 (162). С. 12–18.
13. Горбунов А. С. Искусственный интеллект и влияние на личность в среде массовой коммуникации // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 84–90. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-84-90.
14. Горбунов А. С. Возможность осуществления принципа соборности в сетевой коммуникационной среде // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 113–119. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-113-119.
15. Виртуальная реальность и искусственный интеллект: онтология, методология, аксиология / В. П. Майкова, Э. М. Молчан, Д. А. Ильченко, Е. Ю. Ильченко. Сергиев Посад: Издатель А. А. Ларкин, 2025. 94 с.

REFERENCES

1. Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter publ. (in Russ.).
2. Beck, U. (2000). *Risk Society, Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Tradition publ. (in Russ.).
3. Castells, M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: Higher School of Economics publ. (in Russ.).
4. Olin, R. A., Osipov, M. N. & Timofeev, A. V. (2025). Hybrid Labor Force in the Digital Economy. In: *Economy and Entrepreneurship*, 10 (183), 386–390 (in Russ.).
5. Weber, M. (2016). *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Moscow: Higher School of Economics publ. (in Russ.).
6. Prigogine, I. & Stengers, I. (1986). *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Moscow: Progress publ. (in Russ.).
7. Luhmann, N. (2004). *Society as a Social System*. Moscow: Logos publ. (in Russ.).
8. Zubarev, A. E., Gasanov, E. A., Gasanov, M. A., Spitsyn, V. V. & Spitsyna, L. Yu. (2025). Ecosystem Technological Leadership: Strategies, Architectures, and Methods for Identifying Enterprises. In: *Bulletin of PNU*, 4, 97–116. DOI: 10.38161/1996-3440-2025-4-97-116 (in Russ.).
9. Deleuze, J. & Guattari, F. A. (2010). *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg: U-Faktoriya publ., Astrel publ. (in Russ.).
10. Foucault, M. (1999). *Discipline and Punish: The Birth of Prison*. Moscow: Ad Marginem publ. (in Russ.).
11. Timofeev, A. V. & Gubanov, N. N. (2025). Digitalization from a Philosophical Point of View. In: *Humanitarian Bulletin*, 2 (112), 128–136 (in Russ.).
12. Arkhangel'skaya, N. O., Bondareva, Ya. V., Burenkov, S. V., Kargin, N. N. (2025). Artificial Intelligence and the Human Good. In: *Siberian Teacher*, 5 (162), 12–18 (in Russ.).

13. Gorbunov, A. S. (2025). Artificial Intelligence and the Impact on the Personality in the Mass Communication Environment. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 84–90. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-84-90 (in Russ.).
14. Gorbunov, A. S. (2024). The Possibility of Implementing the Principle of “Sobornost” in a Network Communication Environment. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 113–119. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-113-119.
15. Maikova, V. P., Molchan, E. M., Ilchenko, D. A., & Sergiev, E. Yu. (2025). *Virtual Reality and Artificial Intelligence: Ontology, Methodology, Axiology*. Sergiev Posad: A. A. Larkin publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамедова Амина Набиевна (г. Москва) – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;

ORCID: 0009-0006-7154-5472; e-mail: Amelmam26@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Amina N. Mamedova (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;

ORCID: 0009-0006-7154-5472; e-mail: Amelmam26@gmail.com

Научная статья

УДК 101.1: 316

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-81-90

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОДОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ

Рябова М. Э.

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: ryabovame@mail.ru

Поступила в редакцию 05.01.2026

После доработки 24.01.2026

Принята к публикации 12.02.2026

Аннотация

Цель. Осмыслить взаимосвязь человеческой субъектности и технически опосредованного «Я» в контексте фундаментальных трансформаций социокультурных смыслов цифрового общества.

Процедура и методы. Исследование базируется на методологии социальной философии, включая критический анализ, системный и социокультурный подходы. Ключевым ядром является метод дуальных оппозиций («индивидуальное – коллективное», «рациональность – эмоциональность», «традиционализм – новаторство»), который в сочетании с диалектической логикой восхождения от абстрактного к конкретному (в гегелевской традиции) позволяет выявить динамику трансформаций социокультурных кодов.

Результаты. Обосновано, что субъектность неотделима от технического «Я», которое выступает активным медиатором социального действия. Установлено, что дуальные оппозиции функционируют в редуцированном виде, что ведёт к упрощению и нестабильности социокультурных кодов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования уточняют социально-философское понимание трансформации субъектности и социокультурных кодов, а также позволяют осмыслить проблему воспроизводства культурных ценностей в современной реальности.

Ключевые слова: алгоритмическая медиареальность, социокультурные коды, субъектность, техническое «Я», дуальные оппозиции

Для цитирования:

Рябова М. Э. Человек в пространстве цифровой коммуникации и социокультурных кодов: трансформация смыслов // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 81–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-81-90>.

Original research article

HUMANITY IN THE SPACE OF DIGITAL COMMUNICATION AND SOCIO-CULTURAL CODES: MEANING TRANSFORMATION

M. Ryabova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

e-mail: ryabovame@mail.ru

Received by the editorial office 02.02.2026

Revised by the author 22.02.2026

Accepted for publication 04.03.2026

Abstract

Aim. To understand the relationship between human subjectivity and the technically mediated “I” in the context of fundamental transformations of the socio-cultural meanings of digital society.

Methodology. The research is based on the methodology of social philosophy, including critical analysis, systems and socio-cultural approaches. The key core is the method of dual oppositions (“individual-collective”, “rationality-emotionality”, “traditionalism-innovation”), which, in combination with the dialectical logic of ascent from the abstract to the concrete (in the Hegelian tradition), helps to identify the dynamics of the transformation of socio-cultural codes.

Results. It has been substantiated that subjectivity is inseparable from the technical “I,” which acts as an active mediator of social action. It has been established that dual oppositions function in a reduced form, leading to the simplification and instability of sociocultural codes.

Research implications. The results of the study clarify the socio-philosophical understanding of the transformation of subjectivity and socio-cultural codes and helps to understand the problem of the reproduction of cultural values in modern reality.

Keywords: algorithmic media reality, socio-cultural codes, subjectivity, technical “I”, dual oppositions

For citation:

Ryabova, M. E. (2026). Humanity in the Space of Digital Communication and Socio-Cultural Codes: Meaning Transformation. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 81–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-81-90>.

Введение

Многослойность современной коммуникации определяет онтологию социальной реальности, в которой человек оказывается окружён потоками информации, обусловленными развитием электронных технологий и их интеграцией в повседневность бытия. Как отмечал В. С. Стёпин, сегодня «видны контуры совершенно нового человеческого мира, который формируется в противоречиях и напряжениях нашей эпохи» [1, с. 67]. Онлайн-пространство становится не только доминирующим средством обмена информацией, но и той онтологической сущностью, в которой возникают, транслируются и переосмысливаются социокультурные коды. Эти коды, исторически сложившиеся и передающиеся из поколения в поколение, определяют восприятие мира, систему ценностей и нормы поведения. Однако в условиях цифровой среды традиционные механизмы кодирования и декодирования информации подвергаются существенным преобразованиям, привычные мировоззренческие представления фундаментально реконструируются, что оказывает глубокое влияние на понимание человеком

социальной реальности, влекущее переопределение смыслов и границ реалий мира, а также возникновение этических и онтологических вызовов. Ю. В. Татаров указывает на беспрецедентную тенденцию в обществе, демонстрирующую «необычайную гибкость и адаптацию к технологическим изменениям» [2, с. 121]. Сложная динамика ценностных и социокультурных систем обуславливает актуальность философского осмысления их современных изменений, влияющих на все аспекты жизнедеятельности человека. Цель исследования заключается в рефлексии взаимосвязанности человеческой субъектности и её технического «Я» сквозь призму трансформации социокультурных оснований общества.

Социокультурные коды и цифровая коммуникация: теоретические рамки

Вряд ли кто будет оспаривать, что человек, осваивая усложняющееся пространство коммуникативной активности, практически постоянно обучается пребыванию в обществе, культурные программы которого пронизывают ментальные проявления. «Главным итогом происходящих событий становятся тотальная цифровиза-

ция и переход антропологических практик (в том числе коммуникативных) в цифровую среду», подчёркивает А. А. Ковалев [3, с. 107]. В таком контексте цифровая коммуникация предстаёт не просто техническим средством, расширяющим коммуникативные возможности человека, но качественно другой средой воспроизводства социальности, в которой трансформируются базовые механизмы смыслообразования, интериоризации норм и конструирования идентичности. Преобразование социальной реальности в цифровой модус позволило Л. Флориди даже обозначить онтологический статус виртуальной реальности [4].

Ключевым для понимания того, как общество аккумулирует и воспроизводит свои типизации повседневного мышления, ценности и нормы, выступает понятие «социокультурный код», которое в философском дискурсе имеет предельно широкое значение. Исследовательский потенциал этого термина огромен, а интерпретация его смысла включает в себя не только трактовку человеком начал мира, но и рефлексию собственного существования. Не выдвигая задачи экспликации всех смыслов дефиниции «социокультурный код», отметим лишь множественность его определений, а также уточним, что в работе будем разделять мнение учёных, предлагающих понимание социокультурного кода «в качестве совокупности мировоззренческих констант» [5, с. 314]. Приведённая цитата позволяет обозначить социокультурный код фундаментальной матрицей коллективного бытия, которая всё же не является монолитным образованием, скорее, она, подвергаясь влиянию внутренних и внешних факторов, представляет собой идеологическое поле напряжений и противоречий, в котором разворачивается борьба за интерпретацию и переопределение значений, аксиологических акцентов и нормативных предписаний. В условиях цифровой коммуникации данное поле напряжений усложняется за счёт технологического посредничества, поскольку цифровые платформы и алгоритмические

механизмы начинают выполнять функцию селекции, иерархизации и нормализации циркулирующих смыслов, тем самым становясь соучастниками процесса формирования социокультурных кодов. В этом поле сталкиваются доминирующие и маргинальные дискурсы, традиционные и новаторские подходы, стремление к унификации и запрос на культурное разнообразие.

Философские корни осмысления социокультурных кодов уходят в классическую немецкую философию, и прежде всего к Г. В. Ф. Гегелю, его диалектическому методу, основанному на триаде «тезис – антитезис – синтез», представившему мощный инструмент для анализа общественных тенденций, что позволяет рассматривать социокультурные коды в их взаимосвязи и противоречивом единстве, следуя гегелевской логике восхождения от абстрактного к конкретному. «Противоречие же есть корень всякого движения и жизненности», – указывает Г. В. Ф. Гегель [6, с. 65]. Применительно к социокультурным кодам это означает, что именно наличие противоречий обеспечивает их динамику, т. е. столкновение противоположных тенденций приводит к появлению новых культурных форм и социальных институтов. В контексте цифровой коммуникации тезисом могут выступать традиционные ценности и нормы, в таком случае антитезисом будут являться новые возможности, возникающие в цифровой среде, а синтез предполагает формирование гибридных форм культуры, сочетающих в себе элементы традиционного и цифрового. При этом важно подчеркнуть, что в условиях медиареальности синтез носит нестабильный и процессуальный характер, что позволяет говорить о принципиальной незавершённости и открытости социокультурных кодов цифровой эпохи. Например, традиционная концепция приватности (тезис) сталкивается с возможностью публичного самовыражения в социальных сетях (анти-тезис), что приводит к становлению новых форм и правил приватности (синтез). Цифровая коммуникация становится аре-

ной диалектической борьбы, в результате которой происходят постоянное переосмысление и перекодирование социокультурных кодов. Понимание глубинных механизмов их функционирования является ключом к раскрытию и осмыслению тех перемен, которые происходят в обществе.

Траектория развития социокультурных кодов не всегда гармонична, а обусловлена постоянным напряжением между ними, так называемым маятниковым движением (в терминологии А. С. Ахиезера) между полюсами цивилизации и культуры. А. С. Ахиезер неоднократно подчёркивал, что общества часто сталкиваются с цивилизационным расколом, который выражается в «несоответствии между усложняющимися задачами общества, государства, с одной стороны, и отставанием культуры, развития её массового творческого потенциала, составляющего непосредственную основу более сложных решений соответствующего субъекта, с другой» [7, с. 373]. Постоянное взаимодействие контрарных полюсов и формирует социокультурный код как результат компромисса и синтеза противоположностей. В цифровом пространстве такое маятниковое движение ускоряется, поскольку медиатеchnологии усиливают полярные установки, способствуя их асимметрии и снижению потенциала культуры к поддержанию устойчивого баланса. Движущей силой многих общественных процессов выступают имманентно присущие им оппозиции. В традиционной коммуникации эти внутренние противоречия принимают конкретные устойчивые формы, которые часто тяготеют к одной из сторон дуальных оппозиций. Такими диалектически связанными парами выступают «индивидуализм – коллективизм», «рациональность – эмоциональность», «традиционализм – новаторство». Однако цифровая коммуникация вносит свои коррективы. Рассмотрим сказанное немного подробнее.

Цифровая реальность, предоставляя широкие горизонты для самовыражения и индивидуального творчества, одновременно способствует формированию онлайн-

сообществ и коллективной идентичности. Алгоритмическая логика медиаплатформ, ориентированная на удержание внимания, усиливает как атомизацию субъекта, так и его включённость в сетевые формы коллективного существования, что радикализирует указанную оппозицию. Согласно концепции А. С. Ахиезера, доминирование индивидуализма наращивает атомизацию общества, тогда как превалирование коллективистских настроений ограничивает свободу, автономии личности.

Интернет открыл доступ к огромному информационному массиву, стимулируя рациональное мышление и критический анализ, при этом активно вводя возможность использовать мультимедийные средства для выражения эмоций и чувств. В медиареальности наблюдается смещение рационально-рефлективных оснований в сторону эмотивности публичного дискурса, что проявляется в циркуляции аффективно нагруженных нарративов, дезинформационных сообщений и клипового мышления. Преобладание рациональности стимулирует бюрократизацию и формализм, а чрезмерная эмоциональность порождает хаос, иррациональность и манипулятивные практики. В цифровом пространстве это выражается в феномене вирусного распространения фейковых новостей, включая поликодовые эмоционально окрашенные формы сетевой культуры, в частности мемы. В литературе уже отмечалось, что «мемы есть уникальный способ кодирования идей, выражающий не просто эмоциональные реакции пользователей, но и транслирующий идеологическую направленность, коннотацию передаваемого смысла» [8, с. 127].

Ускоряя распространение инноваций и идей, цифровая коммуникация вместе с тем способствует сохранению и репликации культурного наследия. В ряде исследований [4; 9; 10] концептуализируется идея всеобщей культуры, её частным случаем является искусственный интеллект, который служит реализацией перевода знаний в цифровые данные. Однако цифровую медиареальность трансформируют спосо-

бы передачи традиции, перевода её в формат фрагментированных, контекстуально обеднённых репрезентаций. В российском медиапространстве всё чаще публикуются исторические события и культурные традиции через подачу визуального юмора и мемов, где сложные события представлены в упрощённой эмоционально маркированной форме, что отражает редукцию традиционного культурного содержания в краткие, эмоционально насыщенные поликодовые форматы, ориентированные на мгновенный отклик. В качестве конкретного примера можно привести публикацию в интернет-среде Яндекс.Дзен¹. В меме предлагается образ Петра I, одного из ключевых персонажей российской истории, через призму современного цифрового юмора и визуально-вербального кода, характерного для мемов. Как известно, мемы представляют собой единицы культурной информации, которые быстро распространяются и усваиваются благодаря сочетанию визуального и текстового компонентов, а также эмоциональной насыщенности и лаконичности сообщения. Подобные мемы трансформируют сложные исторические нарративы в клиповые образы, сводя богатый культурный контекст к простым узнаваемым визуальным сюжетам. Такая редукция отражает существующую практику цифрового кодирования исторического материала. Вместо глубокой смысловой рефлексии исторический фрагмент ориентирован на моментальный эмоциональный отклик и вирусное распространение в медиареальности. Это согласуется с идеей о выполнении мемами функции интегрирующей технологии, позволяющей субъекту не только обмениваться информацией, но и выражать отношение к ней в сжатом формате. С точки зрения социокультурного кодирования подобные мемы выступают в роли культурных маркёров, показывающих переработку значимых исторических

персонажей в упрощённые форматы, доступные массовой аудитории. Сказанное иллюстрирует механизм работы цифровой коммуникации, ведущий к переосмыслению культурных кодов, а не просто их иницирующий, что, в свою очередь, влияет на общественное восприятие исторической памяти и коллективных значений. Отрицание корректного прошлого создаёт предпосылки к дезорганизации и утрате идентичности, а его некритическое восприятие ведёт к стагнации и отсталости. В цифровом пространстве это проявляется в столкновении между «цифровыми аборигенами» и «цифровыми иммигрантами».

Иначе говоря, медиареальность представляет собой диалектическое поле, которому присущи противоположные тенденции, находящиеся в постоянном напряжении. Социокультурные коды в таком поле не просто воспроизводятся, но и подвергаются ускоренной трансформации, приобретая характер динамичных и принципиально незавершённых смысловых конфигураций.

Взаимосвязь человеческой субъектности и её технического «Я»

В условиях цифровой медиареальности взаимодействие человеческой субъектности с техническим «Я» предстаёт как процесс конституирования, в ходе которого субъектность трансформируется и воспроизводится в новых формах. Субъект выступает не просто в качестве носителя сознания, а как активный индивидуум, чьё существование и деятельность постоянно модифицируются алгоритмически опосредованными коммуникативными структурами. В этом ракурсе цифровое «Я» предстаёт как эманация субъекта в его множественных проявлениях, в принципиально новых социальных и ментальных фрагментах, способных функционировать автономно, оставаясь одновременно продолжением индивидуальной и коллективной субъектности. И это не просто цифровое отражение субъекта, а активное включение его в социокультурную систему,

¹ «Теперь это моё болото!» – 7 смешных комиксов про Петра I [Электронный ресурс] // Яндекс.Дзен: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/ZMu0ULFQ8U8tSDHj?sid=8285628323142661> (дата обращения: 10.12.2025).

в которой каждое информационное событие превращается в элемент онтологически значимого процесса. Так формируется динамическая система, в которой дуальные оппозиции «рациональность – эмоциональность», «индивидуализм – коллективизм», «традиционализм – новаторство» выступают ключевыми структурными координатами субъектного становления, задающими предельные рамки субъектного действия, внутри которых осуществляется ориентация в социальной реальности. При этом каждая последующая оппозиция логически вырастает из предыдущей, фиксируя не отдельный аспект, а этап развития субъектности.

Эти оппозиции не фиксированы, их баланс смещается по принципу маятника в зависимости от медиатехнологий, создающих условия для перманентного пересмотра ценностей, норм и способов действий. Возникает вопрос, как субъектность, будучи вовлечённой в эти противоречивые структуры, сохраняет способность к автономному выбору и рефлексии, и как техническое «Я» влияет на вектор этих колебаний, одновременно структурируя и ограничивая возможности действия?

В этом контексте техническое «Я» предстаёт медиатором и транслятором субъектного потенциала, аккумулируя, перераспределяя и трансформируя социокультурные смыслы. Другими словами, техническое «Я» (аккаунты, профили, цифровые объекты присутствия и следы активности) втягивается в структуру субъектности, преобразуя когнитивные и деятельностные основания, становясь частью экзистенциальной обусловленности субъекта. Такое понимание находит отражение в работах Е. Г. Нахтигаль, отмечающего, что цифровые технологии, «становясь активными участниками виртуального пространства, перестают быть нейтральными инструментами» [11, с. 71]. Цифровая коммуникация, первоначально осмысляемая как продолжение и проекция человеческого опыта, всё больше утрачивает прямую зависимость от него. Это смещение актуализирует необходимость философ-

ского осмысления: возможно ли говорить о реальности и достоверности контента, продуцируемого вообще вне участия человека, цифровое существование которого обеспечивается ботами? Ведь сегодня практически невозможно определить, кто именно откликается, лайкает информацию – человек или искусственный интеллект, во всём имитирующий человека. Как пишет С. Вулл, боты «могут обмануть алгоритмы трендов в социальных сетях, продвигая определённые хэштеги или видео, создавая видимость того, что множество реальных людей обращают внимание на что-то, чтобы создать иллюзию консенсуса» [12, р. 166]. Именно поэтому цифровую медиареальность нельзя рассматривать в терминах внешнего инструментария, она включена в саму ткань субъектного бытия, формируя ту двойственную природу, в которой рациональные и эмоциональные компоненты, индивидуалистические и коллективистские стратегии, традиционные и инновационные модели действия вступают в постоянное напряжение и взаимное переопределение. Субъектность в такой системе, откликаясь любым активным цифровым взаимодействием, публикацией или реакцией на медиаконтент, переживает постоянную рекалибровку.

Следствием этой динамики становится расщеплённая субъектность, где индивидуальные решения принимаются под одновременным влиянием внутренних когнитивных процессов и внешних цифровых факторов, каждый из которых обладает собственной силой давления. В таких условиях диалог между физическим субъектом и техническим «Я» превращается в поле социокультурного эксперимента и имеет фундаментальные культурные последствия.

Во-первых, сказанное означает, что цифровая коммуникация постепенно лишается характеристик реального коллективного взаимодействия, трансформируясь в симуляцию включённости.

Во-вторых, противоположный полюс коллективистской установки – индивидуализм – претерпевает также существен-

ную трансформацию. Декларируемая автономия субъекта нередко оказывается иллюзорной, т. к. индивидуальное артикулируется в границах заранее заданных алгоритмических сценариев. В результате субъект утрачивает экзистенциальное измерение индивидуальности, редуцируя свою реальную сущность к видимости.

Отсюда следует, что оппозиция «индивидуализм – коллективизм» в условиях медиареальности перестаёт функционировать как классическое противостояние автономного субъекта и социальной общности. Оба полюса оказываются схваченными единой техноквазисоциальной конфигурацией, в которой коллективность симулируется через агрегированные данные, а индивидуальность подменяется стандартизированными формами выражения. Например, индивидуальное высказывание в социальной сети приобретает вес не благодаря аргументированности или смысловой глубине, а в силу показателей вовлечённости, т. е. числа реакций, репостов, комментариев.

Сказанное свидетельствует не о простом смещении доминанты в пользу одного из полюсов, а о качественной трансформации самой логики функционирования социокультурных оппозиций, затрагивающих структуру субъектности. Свобода выбора и совместное действие здесь уже не перераспределяются между полюсами, а модифицируются в управляемый режим участия, задаваемый техническими и алгоритмическими условиями коммуникации. Тем самым полюса оппозиции «индивидуальное – коллективное» перестают выступать альтернативными векторами смыслового развёртывания культуры и начинают функционировать как взаимозависимые, но содержательно обеднённые формы квазисубъектного присутствия.

В отличие от классической модели переплюсовки оппозиций (в терминологии А. С. Ахиезера), при которой смена доминирующего полюса обеспечивала переосмысление и обновление культурных кодов, в условиях цифровой медиареальности наблюдается одновременная редукция обоих

полюсов. Индивидуальное утрачивает глубину автономной рефлексии, а коллективное лишается потенциала подлинной солидарности, что делает невозможным продуктивный диалектический переход между ними.

Именно в этой точке становится очевидным переход к оппозиции «рациональность – эмоциональность», где аналогичным образом оба полюса утрачивают статус самостоятельных оснований смыслообразования, трансформируясь в инструменты краткосрочного воздействия и поведенческой регуляции, встроенные в алгоритмическую логику цифровой коммуникации. Когда коллективность редуцируется до количественно фиксируемой реакции, рациональные основания коммуникации (аргументация, последовательность, рефлексия) уступают место эмоционально насыщенным сигналам, способным обеспечить быстрый отклик. Так, информационные сообщения, апеллирующие к страху, возмущению или иронии, распространяются существенно быстрее аналитических или развёрнутых интерпретаций. Эмоциональность, однако, не вытесняет рациональность полностью, а встраивается в расчётную логику алгоритмов, становясь инструментом управления вниманием. Субъект оказывается вовлечённым в ситуацию, где его аффективные реакции используются как ресурс, а способность к рациональному осмыслению подменяется реактивным участием в потоке сообщений.

Такое смещение, в свою очередь, подготавливает трансформацию оппозиции «традиционализм – новаторство». Эмоционально маркированная коммуникация благоприятствует постоянному производству «новизны», однако эта «новизна» чаще носит поверхностный характер. Она выражается в непрерывном обновлении форм подачи контента при сохранении ограниченного набора смысловых схем. Происходит некая имитация реальности, «заменённая симулярами, которые воспринимаются как более значимые, чем оригиналы» [13, с. 103].

В то же время традиция не исчезает, а репрезентируется в виде фрагментов,

адаптированных к кратким, визуально насыщенным и легко воспроизводимым сообщениям. Например, как уже говорилось ранее, исторические события или культурные образы нередко транслируются через мемы, клипы или иронические визуальные цитаты, где сложное содержание редуцируется до эмоционального эффекта. Новаторство в таком контексте лишается способности инициировать качественные сдвиги в культурных кодах, а традиция утрачивает свою регулятивную функцию, сводясь к набору формализованных и легко тиражируемых знаков, не предполагающих интерпретации и конфликта смыслов.

Следовательно, дуальные оппозиции в цифровой медиареальности образуют не набор независимых характеристик, а последовательную цепочку трансформаций, в которой изменение одной координаты влечёт за собой сдвиг всей структуры субъектного бытия. Субъектность формируется в условиях постоянного маятникового движения между полюсами, однако сами полюса утрачивают устойчивость, становясь функцией технического «Я» и алгоритмически организованных режимов коммуникации. Это приводит к ситуации, в которой субъект формально сохраняет возможность выбора, но фактически действует в рамках заранее заданных структур восприятия, реакции и участия.

Заключение

Цифровая коммуникация радикально перестраивает способ существования и воспроизводства социокультурных кодов. Если в доцифровую эпоху они функционировали как достаточно устойчивая символическая матрица, обеспечивающая структурирование коллективного опыта и преемственность интерпретаций, то в условиях алгоритмически организованной коммуникации культурные коды утрачивают статус фиксированных носителей смыслов и приобретают процессуальный динамический характер, подверженный постоянному переопределению.

Происходит смещение их традиционной функции смысловой стабилизации в сторону ситуативной регуляции внимания и поведенческих реакций. Культурные коды больше не гарантируют сохранения значения, но обеспечивают мгновенную узнаваемость. В результате теряется глубина символической стратификации, и сужается пространство многоуровневой интерпретации.

Выявленная трансформация не означает исчезновения культуры, однако указывает на смену онтологического режима существования культурных кодов. Их формирование перестаёт быть исключительно результатом человеческой интерпретации и исторической памяти, всё чаще осуществляясь в сфере пересечения человеческой субъектной активности и автономных технических систем. Участие нейросетей в генерации культурных кодов принципиально меняет их статус, переводя их из области символического закрепления в вычислительные процедуры.

В таком контексте нестабильность культурных кодов становится не отклонением, а структурной характеристикой цифровой культуры, где устойчивость уступает место воспроизводимости, а глубина подменяется скоростью циркуляции. Контроль над механизмами цифрового кодирования культуры фактически означает контроль над символическим порядком общества. В этом смысле трансформация культурных кодов оказывается напрямую связанной с вопросами власти и политики.

Сказанное позволяет сделать выводы, что изменения культурных кодов отражают более широкий сдвиг в структуре современного общества, в котором производство смыслов всё в меньшей степени опирается на исторически закреплённые формы культурной регуляции и в возрастающем масштабе становится зависимым от технических механизмов их производства. Человек оказывается втянутым в процессы непрерывного перекодирования культуры, что делает анализ культурных кодов ключевым направлением философского осмысления современной субъектности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стёпин В. С. Философская антропология и философия культуры. М.: Академический проект, 2015. 542 с.
2. Татаров В. Ю. Модусы дегуманизации цифрового общества // *Современные философские исследования*. 2025. № 4. С. 120–130. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-120-130.
3. Ковалев А. А. Ментальные вызовы как философско-антропологическая проблема в условиях гибридной реальности // *Вестник Гуманитарного университета*. 2024. Т. 12. № 3. С. 106–113. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.08.
4. Floridi L. The Informational Nature of Personal Identity // *Minds and Machines*. 2011. Vol. 21. Iss. 4. P. 549–566. DOI: 10.1007/s11023-011-9259-6.
5. Лагунов А. А., Иванова С. Ю. Понятие социокультурного кода в контексте дискурса о национальной безопасности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2025. Т. 29. № 2. С. 302–316. DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-302-316.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 248 с.
7. Ахиезер А. С. Труды. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2008. 504 с.
8. Рябова М. Э. Мем-культура и её воздействие на развитие современного общества // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2023. № 1. С. 123–132. DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-123-132.
9. Benasayag M. *Il cervello aumentato, l'uomo diminuito*. Torino: Il Margine, 2022. 262 p.
10. Verdegem P. Dismantling AI Capitalism: The Commons as an Alternative to the Power Concentration of Big Tech // *AI & Society*. 2022. Vol. 39. P. 727–737. DOI: 10.1007/s00146-022-01437-8.
11. Нахтигаль Е. Г. Сетевой контент: реальность и симуляция // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2025. № 4 (126). С. 70–78. DOI: 10.24412/1997-0803-2025-4126-70-78.
12. Woolley S. *Manufacturing Consensus. Understanding Propaganda in the Era of Automation and Anonymity*. New Haven; London: Yale University Press, 2023. 232 p.
13. Рябова М. Э. Цифровой субъект в культуре сетевой повседневности: вызовы и перспективы // *Вестник Гуманитарного университета*. 2025. Т. 13. № 2. С. 99–105. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2025.13-2.08.

REFERENCES

1. Stepin, V. S. (2015). *Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture*. Moscow: Academicheskij proekt publ. (in Russ.).
2. Tatarov, V. Yu. (2025). Modes of Dehumanization of Digital Society. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, 120–130. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-120-130 (in Russ.).
3. Kovalev, A. A. (2024). Mental Challenges as a Philosophical and Anthropological Problem in the Context of Hybrid Reality. In: *Bulletin of Liberal Arts University*, 12 (3), 106–113. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.08 (in Russ.).
4. Floridi, L. (2011). The Informational Nature of Personal Identity. In: *Minds and Machines*, 21 (4), 549–566. DOI: 10.1007/s11023-011-9259-6.
5. Lagunov, A. A. & Ivanova, S. Yu. (2025). The Concept of Socio-Cultural Code in the Context of National Security Discourse. In: *RUDN Journal of Philosophy*, 29 (2), 302–316. DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-302-316 (in Russ.).
6. Hegel, G. W. F. (1971). *The Science of Logic. Vol. 2*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
7. Akhiezer, A. S. (2008). *Trudy. Vol. 2*. Moscow: Novyi Khronograf publ. (in Russ.).
8. Ryabova, M. E. (2023). Meme Culture and Its Impact on the Development of Modern Society. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 1, 123–132. DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-123-132 (in Russ.).
9. Benasayag, M. (2022). *Il cervello aumentato, l'uomo diminuito*. Turin: Il Margine.
10. Verdegem, P. (2022). Dismantling AI Capitalism: The Commons as an Alternative to the Power Concentration of Big Tech. In: *AI & Society*, 39, 727–737. DOI: 10.1007/s00146-022-01437-8.
11. Nachtigal, E. G. (2025). Network Content: Reality and Simulation. In: *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 4 (126), 70–78. DOI: 10.24412/1997-0803-2025-4126-70-78 (in Russ.).

12. Woolley, S. (2023). *Manufacturing Consensus. Understanding Propaganda in the Era of Automation and Anonymity*. New Haven, London: Yale University Press.
13. Ryabova, M. E. (2025). The Digital Subject in the Culture of Networked Everyday Life: Challenges and Prospects. In: *Bulletin of Liberal Arts University*, 13 (2), 99–105. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2025.13-2.08 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябова Марина Эдуардовна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета;
e-mail: ryabovame@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina E. Ryabova (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of German Studies and Linguistic Didactics, Moscow City University;
e-mail: ryabovame@mail.ru

Научная статья
УДК 113.371.041
DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-91-101

ДИНАМИКА ПОДЛИННОГО БЫТИЯ: ОТ КРИТЕРИЯ НЕОТТОРГАЕМОГО К ЦИКЛУ ИММАНЕНТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Сахневич С. В.

*Институт деловой карьеры, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: crash68@yandex.ru*

Поступила в редакцию 23.11.2025

После доработки 12.12.2025

Принята к публикации 28.12.2025

Аннотация

Цель. Сформировать новую онтологическую концепцию аутентичности, преодолевающую пролиферацию интерпретаций в рамках экзистенциальной философии путём введения однозначного демаркационного критерия и динамической процессуальной модели.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляют критический анализ классических подходов к проблеме аутентичности и последующая философская редукция. Методология включает деконструкцию «лазеек» для самообмана в существующих теориях, разработку жёсткого онтологического критерия («неотторгаемое» / «отторгаемое») и построение динамической модели «цикла имманентного становления» на основе универсального паттерна экзистенциального цикла.

Результаты. Введено и обосновано фундаментальное разграничение между неотторгаемым (тело, ум, воля) и отторгаемым (внешний мир, социальные роли), где тело выступает онтологической границей и главным полигоном аутентичного бытия. Установлено, что аутентичность проявляется исключительно в процессе развития неотторгаемого («рост внутрь»), требующего прямого и болезненного усилия. Внедрены динамическая модель цикла имманентного становления (вход → рост → зрелость → упадок) и операциональный жест *Transitus Statim* для преодоления экзистенциальной стагнации и перехода к новому циклу развития через тройное темпоральное перекодирование. Сформулирован однозначный критерий и процессуальная траектория для демаркации и реализации подлинного бытия.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в радикальном упрощении дискурса аутентичности, преодолении статичности классических подходов и создании универсальной онтолого-процессуальной модели для экзистенциального анализа. Практическое значение состоит в разработке инструментария для деконструкции симулякров, диагностики экзистенциальных кризисов и выстраивания жизненной стратегии, ориентированной на интегральное восхождение через последовательные акты саморазвития и темпорального перекодирования.

Ключевые слова: аморальность, аутентичность, мораль как увольнительная карта от работы над собой, неаутентичность, неотторгаемое и отторгаемое как онтологический критерий, универсальный паттерн экзистенциального цикла, цикл имманентного становления, *Transitus Statim* как мгновенный переход

Для цитирования:

Сахневич С. В. Динамика подлинного бытия: от критерия неотторгаемого к циклу имманентного становления // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 91–101. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-91-101>.

Original research article

THE DYNAMICS OF AUTHENTIC BEING: FROM THE CRITERION OF THE INALIENABLE TO THE CYCLE OF IMMANENT FORMATION

S. Sakhnevich

Institute of Business Career, Moscow, Russian Federation

e-mail: crash68@yandex.ru

Received by the editorial office 23.11.2025

Revised by the author 12.12.2025

Accepted for publication 28.12.2025

Abstract

Aim. To formulate a new ontological concept of authenticity that overcomes the proliferation of interpretations within existential philosophy by introducing an unambiguous demarcation criterion and a dynamic process model.

Methodology. The research mainly consists of critical analysis of classical approaches to the problem of authenticity and a subsequent philosophical reduction. The methodology involves deconstructing the “loopholes” for self-deception in existing theories, developing a rigid ontological criterion (the *inalienable / alienable*), and constructing a dynamic model of cyclic becoming (the cycle of immanent becoming).

Results. A fundamental distinction between *the inalienable* (body, mind, will) and *the alienable* (external world, social roles) is introduced and substantiated, with the body serving as the ontological boundary and primary testing ground for authentic being. It is established that authenticity manifests itself exclusively in the process of developing the inalienable (inward growth), which requires direct and painful effort. A dynamic model of the cycle of immanent becoming (*ingressio* → *ascensio* → *potentia* → *declinatio irreversibilis*) is proposed, along with the operational gesture of *Transitus Statim* to overcome existential stagnation and transition to a new development cycle through triple temporal recoding. An unambiguous criterion and a processual trajectory for demarcating and realizing authentic being are formulated.

Research implications. The theoretical significance lies in the radical simplification of the discourse of authenticity, overcoming the static nature of classical approaches, and creating a universal ontological-processual model for existential analysis. The practical value consists in developing a toolkit for deconstructing simulacra, diagnosing existential crises, and building a life strategy focused on integral ascent through consistent acts of self-development and temporal recoding.

Keywords: amorality, authenticity, cycle of immanent becoming, inauthenticity, morality as self-development avoidance, *Transitus Statim* as instantaneous transition, universal pattern of existential cycle, the inalienable and the alienable as ontological criteria

For citation:

Sakhnevich, S. V. (2026). The Dynamics of Authentic Being: From the Criterion of the Inalienable to the Cycle of Immanent Formation. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 91–101. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-91-101>.

Введение

Европейская мысль, находящаяся между Сциллой уникальности и движения к смерти [1, р. 41] и Харибдой абсолютной морали [2, с. 124], породила бесчисленные симулякры аутентичности. Среди них вы-

кристаллизовались две фундаментальные опасности, которые их порождают [3, с. 136]. С одной стороны, это всеобщий моральный закон: расти, чтобы совершенствовать мир [2, с. 215]. Например, аскет, ушедший от мира и культивирующий свою

добрую волю, но не помогающий другим, безнравственен [4, с. 134]. Риск здесь в том, что мораль используется как увольнительная карта от работы над собой [5, с. 38]. С другой стороны, как достижение (1) аутентичности в контексте (2) движения к смерти [6, с. 25]. Что касается аутентичности, уход от толпы [1, р. 163] ведёт к оправданию нарциссического декаданса под маской «прислушивания к бытию» [7, с. 89], а «лесная прогулка» вместо бега в мире, требующем предельного напряжения сил, становится лазейкой, которую эта философия невольно приоткрывает. Бытие же к смерти разбивается об экзистенциальный цикл «вход – рост – зрелость – упадок», последний этап которого всегда наступит *внутри* жизни задолго до физической смерти. Dasein ещё биологически жив, но его экзистенциальный проект завершён. Он уже не «становится», а «доживает» [8, с. 162].

Выбор не случайно пал на эти две фундаментальные опасности. Они не просто два имени среди многих, а два символа онтологических тупиков [9, с. 192]. Именно между поглощением всеобщим моральным законом и раздроблением о скалы абсолютной уникальности в результате признания смерти (смерть в любом случае твоя, в отличие от жизни) и блуждает современный дискурс [10, с. 46]. Другие философии, такие как энтелехия [11, с. 45], нигилистическая свобода, воля к власти и другие, безусловно, вносят свои краски в эту палитру [12, с. 15], но это просто вариации на тему этого фундаментального онтологического раскола. Поэтому критика, направленная в адрес этих двух полюсов, бьёт не по частным учениям, а по корневой системе всей западной метафизики, зажатой между долгом и свободой, универсальным и уникальным, будь то оправдание бездействия как алиби «моральных принципов» или самолюбование в позе «непонятого гения», избегающего реального саморазвития, который экзистенциально давно уже умер, хотя биологически ещё жив.

Моральный закон как инструмент легитимации экзистенциальной стагнации

Фундаментальная проблема морального закона заключается в том, что формализм категорического императива при всей его строгости не содержит имманентного критерия для различения подлинного морального усилия и его симуляции. Субъект может сколь угодно последовательно выстраивать свою жизнь в соответствии с максимой долга, внешне демонстрируя безупречную моральную позицию, однако внутренняя мотивация такого поведения может быть глубоко аморальной. На практике это приводит к широко распространённому феномену, когда отсутствие личностного роста – развития воли, ума, телесных способностей – оправдывается алиби служения другим. Такие рассуждения, как «я не развиваю собственные способности, потому что все свои силы отдаю помощи старикам и животным» или «я отказываюсь от работы торговым представителем, чтобы не причинять беспокойства окружающим своей напористой рекламой», представляют собой классические примеры такой рационализации. В данном случае моральный закон, призванный быть выражением автономии, превращается в инструмент легитимации экзистенциальной стагнации, позволяя избежать онтологического напряжения, связанного с реальным развитием тела, воли и разума.

Более того, за внешним, порой даже героическим соблюдением долга часто скрывается неаутентичная стратегия «роста вовне» – стремление к социальному одобрению и конструированию публичной идентичности «нравственного человека». В системе координат, где социальное признание становится ключевым маркером успешности, демонстративная моральная правильность оказывается высоколиквидным символическим капиталом. В результате постоянная внутренняя работа и критическая рефлексия подменяются перформативным культивированием социальных ролей, статусов и внеш-

них маркёров добродетели. Результатом этой подмены становится возникновение устойчивого симулякра – идентичности «морального субъекта», чьё бытие сводится к непрерывной демонстрации соответствия безличным правилам, а не к имманентному процессу становления.

Этот симулякр обладает особой разрушительной силой, поскольку он паразитирует на одном из самых возвышенных человеческих стремлений к нравственному совершенству. Он создаёт иллюзию разрешения экзистенциального конфликта между долгом и склонностью через простой акт выбора в пользу долга, игнорируя при этом необходимость сложной работы по гармонизации этих начал в процессе «роста внутрь». Субъект, попавший в ловушку этого симулякра, оказывается в ситуации, где декларация моральных принципов подменяет собой реальное усилие по их интеграции в ткань собственного бытия, а философская глубина данной этики оборачивается систематически структурированной возможностью для экзистенциального самообмана. Однако преодоление этой ловушки требует не отказа от морали, а введения чёткого онтологического критерия, позволяющего демаркировать подлинное развитие неотторгаемого ядра самости от неаутентичного конструирования отторгаемых социальных идентичностей, сколь бы нравственно безупречными они ни казались.

«Неотторгаемое» и «отторгаемое»: тело как онтологическая граница моральности и аморальности

В противовес трансцендентальному формализму, не содержащему имманентного критерия для различения подлинного морального усилия и его симуляции, предлагается радикально иной подход, основанный на феноменологической данности человеческого существования. Таким операциональным критерием, позволяющим провести однозначную демаркацию между моральностью и аморальностью, предлагается фундаментальное различие «неот-

торгаемого» и «отторгаемого», онтологической границей между которыми служит тело (с кожей как его крайним пределом).

К ядру *неотторгаемого* относится фундаментальная триада «тело – ум – воля», понимаемая как совокупность конститутивных элементов человеческого бытия, обладающих тремя ключевыми атрибутами: (а) неотчуждаемостью без разрушения самой структуры идентичности; (б) непосредственной данностью в опыте саморефлексии; (в) универсальным характером для человеческого существования как такового. В эту категорию входят телесность как базовый модус бытия-в-мире, обеспечивающий саму возможность перцепции и действия, базовые ментальные функции (восприятие, память, мышление), образующие каркас сознания, и воля как экзистенциальная возможность самоопределения, составляющая условие человеческой свободы.

В диалектической оппозиции неотторгаемому находится слой *отторгаемого*, включающий проективные атрибуты и внешние роли – социальные статусы, имущественные отношения, институциональные позиции. Эти элементы характеризуются тремя признаками: (а) их существование опосредовано социальными и культурными контекстами; (б) они могут быть утрачены или заменены без катастрофического разрушения самости; (в) они обладают вариативным и исторически изменчивым характером. К отторгаемому относятся все формы экстернализованной идентичности, чьё существование зависит от признания Другим.

Выбор физических границ тела в качестве демаркационного критерия имеет глубокое онтологическое обоснование. Именно здесь, в пространстве «неотторгаемого», разворачивается подлинная и наиболее трудная битва за мораль. В то время как «рост вовне» – конструирование социальных ролей, приобретение статусов – часто представляет собой тактику избегания себя, развитие тела требует прямого и болезненного столкновения с собственной конечностью, слабостью и инертностью.

Тело представляет собой не просто объект среди других объектов, но первичную данность человеческого существования, фундаментальное условие любого восприятия и смыслообразования. И именно поэтому работа с ним является столь сложной: все экзистенциальные переживания – от самых возвышенных до самых тривиальных – опосредованы телесным опытом, который невозможно делегировать или симулировать. Внешний мир можно обустроить постепенно, дозируя усилия, развитие же тела – это имманентный штурм, где каждая победа над инерцией покупается ценой прямой боли – боли в мышцах, преодоления усталости, «собираения воли в кулак».

Физические границы, таким образом, приобретают онтологический статус через свою конститутивную роль в формировании идентичности, поскольку именно через этот трудный, часто мучительный телесный опыт происходит первичное и самое честное самоопределение человека в мире. Боль в теле – это не просто физиологический процесс, но и модус бытия-в-мире, который с беспощадной прямоотой раскрывает специфику человеческого существования в его фундаментальной уязвимости и конечности. В этом заключается ключевое отличие: развитие внешнего мира часто обезличено и комфортно, тогда как развитие тела – это всегда личное испытание, встреча с само-сопротивлением, проявленным через физиологические страдания.

Телесные ограничения не всегда являются внешними препятствиями для духа (при пожаре и слабая женщина может вынести сундук, который в обычной ситуации ей не под силу), но конституируют сам способ человеческого существования, задавая пределы возможного и определяя характер взаимодействия с миром. Преодолевать их значит вести работу на самой границе «неотторгаемого». Физическая уязвимость, в свою очередь, определяет экзистенциальные возможности, поскольку именно через осознание конечности и хрупкости тела, через прямое переживание боли и

необходимости прилагать волевое усилие человек обретает подлинное, а не декларативное отношение к собственной жизни. Таким образом, тело становится не просто критерием, но и главным полигоном аутентичного бытия, где развитие даётся ценой самого прямого и неприукрашенного усилия.

В этом контексте «кожа» служит не буквальным анатомическим барьером, но мощным символом фундаментального различия между имманентным и трансцендентным, между внутренним миром самости и внешним миром объективности. Физические границы метафорически выражают онтологические пределы этой самости, обозначая ту черту, за которой начинается область отчуждённого, внешнего и потенциально неаутентичного. Этот критерий обладает неоспоримым операциональным преимуществом – он конкретен, универсален и избегает субъективных оценок, позволяя чётко дифференцировать практики «роста внутрь» (развитие неотторгаемого) от стратегий «роста вовне» (конструирование отторгаемого).

Подлинность в контексте движения к смерти как лазейки для экзистенциального самоуспокоения

Аутентичность в философии экзистенциализма представляет собой фундаментальный способ человеческого существования, достигаемый через осознанное принятие собственной *смертности*. В таких работах утверждается, что подлинное бытие возможно только через «бытие-к-смерти». Именно смерть, будучи уникальной возможностью, которую нельзя пережить за другого или делегировать, обнажает конечность человеческого существования и придаёт жизни характер целостного проекта, за который человек несёт полную ответственность.

Осознав это, человек достигает аутентичного состояния, которое отличается от существования неподлинного, при котором человек уклоняется от тревоги, вызванной осознанием конечности, и мо-

жет существовать в режиме «спокойного ожидания», где решения откладываются, а жизнь течёт по шаблонам, заданным извне [1, p. 234].

Мы разделим эту концепцию на два компонента: аутентичность как таковая и движение к смерти как таковое, поскольку они и друг без друга являются самодостаточными [6, с. 26], и каждый по-своему создаёт условия для подмены онтологического требования постоянного саморазвития герменевтическим оправданием экзистенциальной стагнации и содержит имплицитные механизмы самообмана.

Противоречие аутентичности проявляется в двусмысленности уединения как экзистенциальной практики: с одной стороны, оно может представлять собой аутентичный акт концентрации на собственном экзистенциальном расположении (*Befindlichkeit*), с другой – легко трансформируется в неаутентичное конструирование социальной роли «маргинального мыслителя» или симулякра «аутентичного отшельника» [5, с. 39]. Эта принципиальная неразличённость позволяет интерпретировать один и тот же феноменологический акт диаметрально противоположными способами, создавая системную «лазейку» для рационализации пассивности. Ровно как и решимость (*Entschlossenheit*), которая, будучи лишённой чёткого демаркационного критерия, оказывается содержательно пустой и может быть направлена как на интенсивное развитие когнитивных и волевых способностей, так и на перформативное культивирование внешних атрибутов «подлинности» [13, с. 21]. Отсутствие операциональных маркёров подлинности создаёт условия, при которых «решимость быть собой» рискует выродиться в «решимость отдохнуть на природе». Дискурс при всей своей феноменологической тонкости неявно поощряет подмену онтологического усилия интерпретационным комфортом. Вместо напряжённой работы по развитию ума / воли / тела субъект получает философски легитимированную возможность довольствоваться интерпретацией

собственного бытия как «подлинного» в силу самого факта ухода от публичности.

Концепция аутентичности не работает из-за возможности отсутствия в ней одного компонента – «роста ради роста», что делает аутентичного человека *Das Man*, а неаутентичного – *Dasein*. Идея «роста ради роста» фокусируется на *процессе* постоянного самосовершенствования, а не на достижении какого-то фиксированного состояния, а затем ухода на покой. Это позволяет более точно отразить динамику человеческого существования и неизбежность изменений, с которыми сталкивается каждый человек. Критерий «роста ради роста» предоставляет более объективный критерий для оценки подлинности. Он позволяет отличить подлинное стремление к самосовершенствованию от поверхностного эгоизма или конформизма. «Рост ради роста» предполагает постоянную открытость к новому опыту, новым знаниям и новым точкам зрения. Это позволяет человеку расширять свой горизонт и избегать застоя в своём развитии.

Даже если *Das Man* придерживается общественно-политических идеалов, его *искреннее стремление к преобразованию общества и улучшению жизни людей* (вне зависимости от правильности выбранного пути) свидетельствует о наличии личного роста, что сближает его с *Dasein*. Напротив, если карьерные достижения и личные амбиции *Dasein не связаны с иррациональным стремлением к росту и развитию*, а скорее являются инструментом для того, чтобы избежать ответственности, это делает его примером *Das Man*, несмотря на его интеллектуальный индивидуализм. Он, подобно Климу Самгину из романа Горького «Жизнь Клима Самгина», постоянно пытается занять позицию «над схваткой», отстраняясь от происходящих событий и сосредотачиваясь на использовании концепции уникальности как свободы от обязательств, связанных с ростом.

Далее фетишизация пограничных ситуаций, когда абсолютизация «бытия-к-смерти» как единственного горизонта подлинности игнорирует ту очевидность, что

«смерть» в результате истощенности экзистенциального цикла может наступить до смерти. Аутентичность рождается не из размышлений о конечном конце, а из столкновения с «малыми концами» внутри жизни, которые выступают безжалостными учителями, напоминающими о нашем главном, конечном условии существования.

Парадоксально, но фиксация на «бытии-к-смерти» может обернуться тем, что экзистенциальная жизнь фактически прекращается задолго до биологической кончины, превращаясь в «доживание-к-смерти». Подлинное бытие разворачивается не в линейном ожидании конца, а в последовательности внутренних трансформаций, каждая из которых имеет структуру завершённого цикла. Универсальный паттерн экзистенциального цикла «вход (ingressio) → рост (ascensio) → зрелость (potentia) → необратимый упадок (declinatio irreversibilis)» признан фундаментальным для любой сложной адаптивной системы, что находит подтверждение в множестве междисциплинарных исследований, одним из которых является маркетинг [14, с. 345] (рис. 1).

Ключевой точкой кристаллизации временного экзистенциального кризиса, обозначаемого как метаконфликт, является фаза «упадка». Здесь происходит катастрофический разрыв между циклическим временем системы и внутренним временем субъекта. Система требует продолжения цикла: смены парадигмы как нового витка роста и бесконечной оптимизации [15, р. 156]. Субъект же экзистенциально истощает парадигму этого конкретного цикла. Его внутреннее время (время смыслопорождения, «душа») больше не может наполнять внешние действия («акты») содержанием. Возникают «радикальная скука» и «духовная истощенность». Метаконфликт – это и есть переживание этого разрыва, паралич, возникающий на стыке императива системы «Достигай больше!» и экзистенциальной невозможности субъекта: «Я в этой области знаю всё больше и больше, и скоро буду знать всё о ничего».

Однако фаза «упадка» в предлагаемой логике – это не только крах, но и момент экзистенциального выбора, точка бифуркации. Именно здесь достигает пика

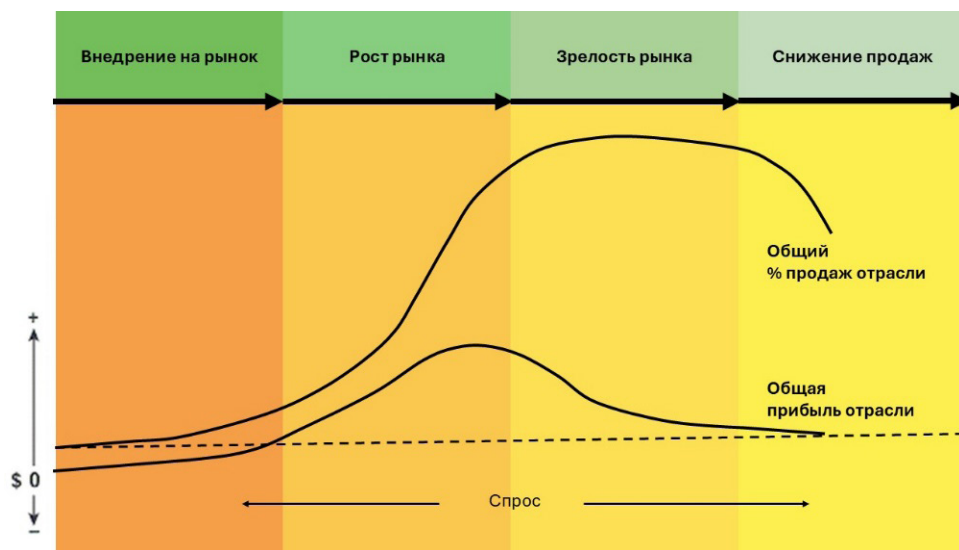

Рис. 1 / Fig. 1. Универсальный паттерн экзистенциального цикла / The universal pattern of the existential cycle

Источник: составлено автором.

метаконфликт, и именно здесь требуется радикальный жест, выводящий за пределы паралича. Таким жестом является *Transitus Statim* (мгновенный переход).

Transitus Statim – это не постепенная эволюция или оптимизация, а операциональный жест диалектического онтологического переназначения. Его ключевой принцип – не «порка дохлой лошади» в той же самой парадигме, а смена самой парадигмы. Это перформативный акт, насильственно прерывающий метаконфликт через тройное темпоральное перекодирование:

- из травмирующего груза неудач и «потраченного впустую» времени *прошлое* превращается в архив ресурсов и сырья для нового цикла;

- из «тиранического настоящего», запертого в симулякрах, *настоящее* становится пластичной зоной операционально-го жеста, точкой приложения воли;

- из детерминированного линейного продолжения настоящего *будущее* становится горизонтом непредопределённых возможностей, открытым актом переназначения.

Transitus Statim представляет собой не просто связанный элемент, а центральный операциональный механизм, запускающий и обеспечивающий непрерывность цикла имманентного становления. Чтобы понять эту связь, необходимо рассмотреть логическую архитектуру предложенной онтологической модели.

Универсальный паттерн экзистенциального цикла, описываемый как последовательность *вход* → *рост* → *зрелость* → *упадок*, представляет собой онтологическую структуру, траекторию, по которой движется аутентичное бытие, ориентированное на развитие своего «неотторгаемого» ядра (тело – ум – воля). Однако ключевая проблема заключается в фазе *Declinatio Irreversibilis* (необратимый упадок). Это точка экзистенциального паралича, «метаконфликта», где развитие в рамках освоенной парадигмы полностью исчерпывается, и система (личность) оказывается в состоянии «доживания», что означает остановку подлинного бытия и его вырождение в симулякр.

Именно здесь *Transitus Statim* (мгновенный переход) проявляет свою сущность не как этап цикла, а как диалектический скачок, разрыв непрерывности, волевой акт, который насильственно прерывает упадок. Его функция – катализировать переход системы в новое качество, перезапустить цикл становления, но уже на основе новой парадигмы, нового горизонта смыслов и возможностей. Таким образом, имманентное становление – это непрерывный процесс, а *Transitus Statim* – это ключевое событие, которое обеспечивает саму возможность этой непрерывности, не давая аутентичному бытию окончательно угаснуть в фазе упадка. Вместе с *Transitus Statim* универсальный паттерн экзистенциального цикла становится универсальным циклом имманентного становления.

Следовательно, в контексте предлагаемой философской системы *Transitus Statim* является сердцевинной динамикой имманентного становления. Он операционализует принцип «роста ради роста», переводя развитие «неотторгаемого» на новый виток через тройное темпоральное перекодирование (прошлого, настоящего и будущего). Этот жест есть то, что позволяет субъекту не просто пассивно следовать циклу, а активно его возобновлять, «взрывая» старую, исчерпавшую себя парадигму и начиная новый цикл развития, тем самым сохраняя подлинность своего бытия как незавершённого процесса.

Классической литературной иллюстрацией жеста *Transitus Statim* служат нарративы Гарольда Роббинса (см.: “*The Dream Merchants*” (1949), “*The Carpetbaggers*” (1961), “*The Raiders*” (1995)), в частности архетипический сюжет о герое, порывающем с миром секонд-хенда (торговлей подержанной одеждой) для штурма Голливуда.

Ситуация *Declinatio Irreversibilis*: стабильный, но маргинальный бизнес (секонд-хенд) изображается Роббинсом не как надёжный тыл, а как форма экзистенциальной смерти – унижительная «клетка» для амбициозной личности. Это царство *реальности*, лишённой магии и перспек-

тив, где герой «доживает» в плену у вещей, бывших в употреблении.

Жест *Transitus Statim* – решение бросить этот бизнес – это не расчётливый карьерный шаг, а спонтанный импульс, «воля к власти» в ницшеанском ключе. Это акт штурма новой крепости (Голливуда), который трактуется не как безрассудство, а как высшая форма мужества – ключевая черта «сильной личности».

Прошлое (архив): опыт работы в мире секунд-хенда перекодируется из клейма неудачника в ресурс – герой знает цену вещам и деньгам, понимает низовые механизмы торговли, что становится его уникальным преимуществом, его «сырьём» для покорения новой реальности.

Настоящее (пластичная зона): герой переназначает симулякр «успех». Он использует волю, чтобы превратить его из цели («разбогатеть») в инструмент для захвата новой идентичности. Сам акт бегства из мира вещей в мир образов становится перформативным жестом, взламывающим реальность.

Будущее (горизонт возможностей): Голливуд становится не просто местом работы, а пространством для завоевания, где создаются не фильмы, а новые идентичности. Это тот самый новый горизонт, который оправдывает любое насилие над прошлым. Будущее перестаёт быть предопределённым и открывается как поле непредсказуемых возможностей.

Результат: *Transitus Statim* у Роббинса – это не просто смена профессии, а революция личности. Герой осуществляет переход из царства овеществлённой рутины (секунд-хенда) в царство симулякра (Голливуда), который в системе координат романа оказывается *подлиннее* реальности. Метаконфликт между униженным статус-кво и экзистенциальными амбициями разрешается через этот агрессивный захват новых горизонтов.

Онтологическим основанием возможности *Transitus Statim* является диалектическая природа самого симулякра. Симулякр не обладает раз и навсегда заданной сущностью. Его онтологический ста-

тус – «ловушка» или «инструмент» – определяется не имманентными свойствами, а операциональным жестом по отношению к нему. Один и тот же симулякр «карьера» или «успех» может быть как источником паралича, так и инструментом развития в зависимости от модуса его данности сознанию. *Transitus Statim* и есть тот жест, который переводит симулякр из статуса объекта слепой веры, конституирующего реальность паралича, в статус условного инструмента, утилизируемого для имманентного взлома породившей его системы (рис. 2).

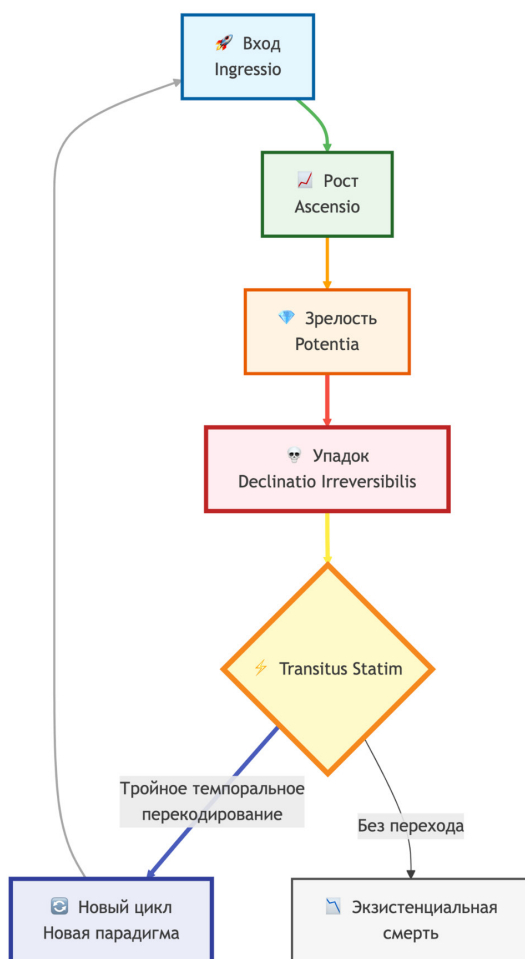

Рис 2 / Fig. 2. Универсальный цикл имманентного становления / The Universal cycle of immanent formation

Источник: составлено автором.

Заключение

Проведённое исследование позволило разработать новые онтологические концепции, преодолевающие ограничения классических подходов экзистенциальной философии. Введено и обосновано фундаментальное разграничение между «неоторгаемым» (тело, ум, воля) и «оторгаемым» (внешние атрибуты и социальные роли), где физические границы тела служат однозначным онтологическим критерием демаркации подлинного бытия.

Установлено, что аутентичность проявляется исключительно в процессе «роста внутрь» – развития неотторгаемого ядра личности, требующего прямого и болезненного усилия, в отличие от стратегий

«роста вовне», ориентированных на конструирование социальных идентичностей.

Разработана динамическая модель цикла имманентного становления (вход → рост → зрелость → упадок), дополненная операциональным жестом *Transitus Statim*. Этот жест, осуществляемый через тройное темпоральное перекодирование (прошлого, настоящего и будущего), позволяет преодолеть экзистенциальную стагнацию в фазе упадка и осуществить переход к новому циклу развития на основе новой парадигмы.

Предложенная концепция обеспечивает однозначный критерий и процессуальную траекторию для демаркации и реализации подлинного бытия как непрерывного процесса имманентного становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Heidegger M. *Being and Time*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. 590 p.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2020. 567 с.
3. Курциус Э. *Немецкий дух в опасности*. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 346 с.
4. Кессиди Ф. Х. *Сократ*. М.: Мысль, 1976. 198 с.
5. Бродников А. Ю. Массовое общество как основа социального нарциссизма // *Сибирский философский журнал*. 2024. № 22 (4). С. 35–45. DOI: 10.25205/2541-7517-2024-22-4-35-45.
6. Мирошкин М. С. Антропологический смысл события в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера: историко-философский анализ // *Современные философские исследования*. 2025. № 2. С. 21–35. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-21-35.
7. Елхова О. И. Модусы бытия многомерного человека // *Современные философские исследования*. 2024. № 3. С. 87–95. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-87-95.
8. Lvov A. A., Osipov I. D. On the Controversies of Phenomenological Search for Being and Truth // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2025. Т. 41. Вып. 1. С. 161–166. DOI: 0.21638/spbu17.2025.114.
9. Дьюи Д. *Реконструкция в философии. Проблемы человека*. М.: Республика, 2003. 494 с.
10. Шевченко А. А. Виды знания и эпистемическая редукция // *Сибирский философский журнал*. 2023. № 21 (1). С. 43–50. DOI: 10.25205/2541-7517-2023-21-1-43-50.
11. Аристотель. *О душе*. М.: Директ-Медиа, 2020. 222 с.
12. Конурбаев М. Э., Ганеева Э. Р. Лингвистика спонтанной устной речи: сопоставительно-когнитивная трансформация // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2023. № 4. С. 9–20. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-1.
13. Докучаев И. И., Карев Б. А., Никоненко С. В. Бытие, сущее и истина. Типология экзистенциальных свидетельств в смысловой структуре мира // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2025. Т. 41. Вып. 1. С. 17–29. DOI: 10.21638/spbu17.2025.102.
14. McCarthy E. J., Perreault W. D. Jr. *Basic Marketing*. Boston: Homewood: Irwin, 2002. 868 p.
15. Montalt-Resurrección V., García-Izquierdo I., Muñoz-Miquel A. *Patient-Centred Translation and Communication*. London: Routledge, 2024. 198 p.

REFERENCES

1. Heidegger, M. (2001). *Being and Time*. Oxford: Blackwell Publishers.
2. Kant, I. (2020). *Critique of Pure Reason*. Moscow: Academicheskii proekt publ. (in Russ.).
3. Curtius, E. (2024). *The German Spirit in Danger*. Moscow: Novoye literarnoe obozreniye publ. (in Russ.).
4. Cassidy, F. H. (1976). *Socrates*. Moscow: Mysl (in Russ.).

5. Brodnikov, A. Yu. (2024). Mass Society as the Basis of Social Narcissism. In: *Siberian Journal of Philosophy*, 22 (4), 35–45. DOI: 10.25205/2541-7517-2024-22-4-35-45 (in Russ.).
6. Miroshkin, M. S. (2025). Anthropological Meaning of Event in M. Heidegger's Fundamental Ontology: A Historical and Philosophical Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 21–35. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-21-35 (in Russ.).
7. Elkhova, O. I. (2024). Modes of Being of a Multidimensional Human. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 87–95. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-87-95 (in Russ.).
8. Lvov, A. A. & Osipov, I. D. (2025). On the Controversies of Phenomenological Search for Being and Truth. In: *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 41 (1), 161–166. DOI: 0.21638/spbu17.2025.114.
9. Dewey, D. (2003). *Reconstruction in Philosophy. Problems of Man*. Moscow: Respublika publ. (in Russ.).
10. Shevchenko, A. A. (2023). Types of Knowledge and Epistemic Reduction. In: *Siberian Journal of Philosophy*, 21 (1), 43–50. DOI: 10.25205/2541-7517-2023-21-1-43-50 (in Russ.).
11. Aristotle. *On the Soul*. Moscow: Direct-Media publ. (in Russ.).
12. Konurbaev, M. E. & Ganeeva, E. R. (2023). Linguistics of Spontaneous Oral Speech: Comparative-Cognitive Transformation. In: *Lomonosov Philology Journal*, 4, 9–20. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-1 (in Russ.).
13. Dokuchaev, I. I., Karev, B. A. & Nikonenko, S. V. (2025). Being, Existence, and Truth. Typology of Existential Evidence in the Semantic Structure of the World. In: *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 41 (1), 17–29. DOI: 10.21638/spbu17.2025.102 (in Russ.).
14. McCarthy, E. J. & Perreault, W. D. Jr. (2002). *Basic Marketing*. Boston: Homewood: Irwin.
15. Montalt-Resurrección, V., García-Izquierdo, I. & Muñoz-Miquel, A. (2024). *Patient-Centred Translation and Communication*. London: Routledge.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сахневич Сергей Владимирович (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики Института деловой карьеры;
ORCID: 0000-0002-2068-9250, e-mail: crash68@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Sakhnevich (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Linguistics, Institute of Business Career;
ORCID: 0000-0002-2068-9250, e-mail: crash68@yandex.ru

Научная статья
УДК 101.1:316(035.3)
DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-102-113

КИБЕРКУЛЬТУРА – ФЕНОМЕН XXI ВЕКА

Тонконогов А. В.^{1*}, Ахмедова М. Г.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор; e-mail: alekstonkonogov@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.11.2025

После доработки 12.12.2025

Принята к публикации 28.12.2025

Аннотация

Цель. Анализ сущности культуры, которая является неотъемлемой составляющей и наиважнейшей частью человеческого бытия людей любых рас, национальностей, верований и места их постоянного проживания.

Процедура и методы. Основными методами стали системный и диалектический, позволяющие рассмотреть культуру как целостный социоисторический организм, состоящий из множества элементов, находящихся в противоречивом единстве.

Результаты. В эпоху постиндустриального развития общества в контексте формирования и развития *киберкультуры*, предполагающей в культурной среде продукты, созданные исключительно искусственным интеллектом, которая будет противопоставляться *культуре* человеческих сообществ, созданной исключительно самими людьми, как и прежде, намеренно не использующими для своего развития систему каких бы то ни было нейросетей (искусственный интеллект / разум).

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии культуры разных социумов в социентальной системе, которые можно считать также и уникальным духовным феноменом человеческой цивилизации.

Ключевые слова: культура, массовая культура, киберкультура, элитарная культура, конфессиональная культура

Для цитирования:

Тонконогов А. В., Ахмедова М. Г. Киберкультура – феномен XXI века // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 102–113. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-102-113>.

Original research article

CYBERCULTURE AS A 21ST CENTURY PHENOMENON

A. Tonkonogov^{1*}, M. Akhmedova²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

²Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author; e-mail: alekstonkonogov@yandex.ru

Received by the editorial office 23.11.2025

Revised by the author 12.12.2025

Accepted for publication 28.12.2025

Abstract

Aim. To analyze the essence of culture that is an integral and crucial part of human existence for people of all races, nationalities, faiths, and places of permanent residence.

Methodology. The primary methods are systemic and dialectical, which made it possible to examine culture as a holistic sociohistorical organism consisting of many elements existing in a contradictory unity.

Results. Culture is a universal phenomenon of global society, developing in any human community. However, culture also always has its own specific characteristics, determined by the mental characteristics of the people who create it.

Research implications lie in revealing the cultures of different societies within a societal system, which can also be considered a unique spiritual phenomenon of human civilization.

Keywords: culture, mass culture, cyberculture, elite culture, confessional culture

For citation:

Tonkonogov, A. V., Akhmedova, M. G. (2026). Cyberculture as a 21st Century Phenomenon. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 102–113. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-102-113>.

Введение

Культура – это социальный духовный (интеллектуальный, нравственно-моральный, эстетический) феномен, характеризующийся созданием продуктов индивидуального или коллективного творчества, имеющий свои специфические особенности в контексте развития конкретного народа, проживающего на определённой территории (территориях) в различных регионах мира.

Особенности культур разных человеческих сообществ целиком и полностью зависели и зависят до сих пор от особенностей восприятия окружающего бытия творческим людьми: их дара глубокого видения, их понимания и способности внести в духовный процесс частичку своей души и сердца. Во многом их восприятие, духовная (интеллектуальная, этическая, эстетическая) деятельность определяются ментальными факторами их личного развития, которое, вне всякого сомнения, напрямую зависит от особенностей формирования социальной среды их народов – этносов и суперэтносов [1, с. 35].

В современных условиях можно констатировать, что культура всё ещё остаётся уникальным национальным и профессиональным феноменом, однако очень активно культуры разных народов мира приобретают всё больше универсальных черт, общих универсальных элемен-

тов и компонентов, формирующихся в глобализирующемся мировом социуме. «Возможность различных версий культуры вытекает из характеристики природы культуры. Современная культура, очевидно, реализует “программу” современности. Однако разворачивающаяся программа современности привело к невыносимым социальным последствиям, и в результате возникла необходимость в радикальном пересмотре программы» [2, с. 229].

Многозначность и многоаспектность современной культуры

Современная культура человеческой цивилизации – это уникально-универсальный всеобъемлющий феномен, объединяющий в себе все аспекты общественной жизнедеятельности людей: материальной (орудия и продукты производства, архитектура и строительство, элементы быта; компоненты социального – межличностного, но также политического и государственного управления); духовной (язык, обычаи, традиции, письменность, верования), включая искусство (во всех проявлениях: светская и религиозная литература, живопись, скульптура, архитектура); науку, образование, массовую информацию и коммуникацию, в том числе электронные сети интернет, нейросети и религию, – соединяющие светское и теологическое понимание окружающего бытия, духовные и матери-

альные ценности, морально-нравственные нормы и эстетические эталоны мышления и поведения, в том числе в контексте взаимодействия человеческих сообществ с искусственным интеллектом (искусственным супер-интеллектом / разумом).

В современном мире мы наблюдаем очень резкое разграничение в сфере культуры отдельных стран и народов. **Национальные культуры** имеют достаточно ярко выраженные характерные для них особенности, являясь системой традиционных для определённого этноса обычаев, верований, жизненного уклада, форм мышления, общения и поведения. *Национальные культуры* так же, как и *конфессиональные культуры*, очень часто используются некоторыми радикально настроенными антиобщественными элементами как фактор разобщения и откровенной вражды.

Конфессиональная культура – это основанные на определённом религиозном (устном или письменном) учении концепты мышления и поведения, священные символы, музыкальные и художественные произведения, иные атрибуты и сооружения теологического культа.

Вместе с тем **элитарная культура** как культура избранного меньшинства, создающая продукты духовного производства исключительно на профессиональной основе и часто по заказу для узкого круга ценителей сложных в исполнении и восприятии произведений искусства, науки, образования, законотворчества, управления, претендует на универсальность, объединяя представителей разных национальных сообществ по признаку восприимчивости к уникальным духовным творениям.

Однако более всего в современном мире распространена **массовая культура**, которая представляет собой совокупность произведений научного, образовательного, художественного, литературного, музыкального, информационного, технического, религиозного и псевдорелигиозного характера, доступных для адекватного восприятия людьми разных национально-

стей, вероисповедания, уровня развития, профессий и вкусов. Последние пятьдесят лет наряду с национальными культурами в мире доминирует вестернизированная массовая культура Соединённых Штатов Америки, где массовая культура является, по сути, одновременно и народной, и элитарной культурой. Американизированная культура, так или иначе, проникла во все страны на всех континентах и оказывает существенное влияние на развитие не только искусства, но и науки, образования, спорта, а также средств массовой информации, включая телевидение, радио и интернет.

Стандарты массовой вестернизированной культуры США с конца XX в. оказывают прямое влияние на музыкальную и киноиндустрию всех стран и народов, а также на развитие современной живописи, скульптуры, архитектуры, моды на одежду, et cetera. Эталоны и шаблоны *американизированной (вестернизированной)* массовой культуры, окончательно сформировавшейся только во второй половине XX в., уже являются частью мышления не только рядовых граждан различных стран, но даже их лидеров.

В сфере телевидения в качестве примера можно привести появившиеся в 1990-е гг. на Российском телевидении передачи: «Час Пик» в жанре аналитического ток-шоу, скопированная с шоу Ларри Кинга «Larry King Live» вплоть до подтяжек ведущего; «Поле Чудес», являющаяся частичным аналогом американской телевизионной программы «Колесо Фортуны».

С 5 октября 2012 г. в эфир «Первого канала» стало выходить развлекательное вокальное шоу талантов – «Голос», которое является Российской версией формата телевизионного вокального конкурса “The Voice”, предложенного голландским продюсером. При этом Российские исполнители ориентируются в основном на образцы современной западной музыки, где есть очевидные фавориты-лидеры.

Вместе с тем, несмотря на всё вышеизложенное, следует особо указать на следующий факт. Если сравнивать Соединённые

Штаты Америки и их культуру с такими странами и их культурами, как Китай, Индия, Россия, то США можно аллегорически представить в виде молодого, красивого, цветущего, очень крепкого дерева, а Китай, Индию и Россию, как старые, даже обветшалые, с поломанными ветвями, т. е. на вид дряхлыми деревьями. Возможно, это на первый взгляд и так. Поэтому более привлекательны и США, и их культура, которая действительно намного моложе культур большинства стран мира, в частности, например, российской культуры: вестернизированная культура младше почти на тысячу лет.

Это обстоятельство в контексте развития человеческой цивилизации является особенно важным, т. к. любые серьёзные потрясения могут легко уничтожить молодое дерево (молодую и пока ещё не очень развитую культуру США, существующую как сформировавшийся феномен всего около ста лет), имеющую, несмотря на внешнюю привлекательность, пока ещё более слабые корни, нежели корневая система древних цивилизаций, например, Китая, Индии и России. Поэтому наши многонациональные, многоконфессиональные культуры (России и евразийских партнёров) способны «переварить» и этот новомодный вестернизированный западный псевдодуховный «попкорн», пережить, в отличие от США и её культуры, серьёзные потрясения политического (идеологического), экономического, военного и геостратегического в целом (во всех сферах социального бытия) характера, как это и было в нашей стране в период распада Советского Союза в последнее десятилетие XX в. Подобные потрясения древними культурами переживаются, конечно, болезненно, но достаточно стабильно.

Следовательно, доминирование вестернизированной культуры США будет продолжаться ещё очень незначительное время, т. к. не выдержит, во-первых, конкуренции с древними культурами человеческой цивилизации, а во-вторых, конкуренцию с киберкультурой, которая уже стремительно формируется в современном

мировом социуме в контексте развития искусственного интеллекта, искусственного супер-интеллекта / разума.

По иронии судьбы именно США пока являются лидерами в области разработок и применения искусственного интеллекта. Скорее всего, именно североамериканское общество станет первой реальной жертвой киберкультуры, решив от лениности подчиниться искусственному интеллекту, искусственному супер-интеллекту / разуму, поскольку духовных потенциалов, обусловленных многовековыми традициями и в целом национальной ментальностью, для равноправного сотворчества с искусственным интеллектом у представителей этой молодой (во всех смыслах) нации и культуры просто нет.

Уже сейчас на наших глазах происходит (с каждым месяцем всё менее управляемый людьми) процесс формирования феномена *кибернетического сознания* и *кибернетического общества* и, как следствие, *киберкультуры – культуры кибернетического общества*. «Киберкультура в настоящий момент представляет собой вид современной виртуальной культуры, формирующейся пользователями в результате взаимодействия с цифровой техникой с помощью ИКТ и охватывающий возникающие при этом социокультурные и поведенческие формы взаимодействия в киберпространстве. Она охватывает различные аспекты деятельности человека в виртуальном пространстве: от простой коммуникации, социальных сетей и компьютерных игр до программирования и разработки программного обеспечения, IT-технологий, онлайн-мерча» [3, с. 133].

Киберкультура (cyberculture) определяется западными исследователями как состояние социума в результате использования средств автоматизации и компьютеризации. Под *киберкультурой* также понимается один из видов современной культуры, формирующийся с помощью цифровой техники и технологий, прежде всего компьютерных систем, являющихся продуктом науки кибернетики. Примерно в этот же период западными исследовате-

лями было принято решение применить дефиницию «кибернетика» для обозначения теории управления и связи как в машине, так и в живых организмах. Таким образом, можно сделать нижеследующий вывод.

Киберкультура – это система взаимосвязанных и взаимозависимых элементов кибернетического общества, которыми являются искусство, наука, образование, средства массовой информации и коммуникации, религия, мифология, эзотерика, производство светских и конфессиональных материальных и духовных ценностей, этические (моральные – общественные, нравственные – личностные), а также эстетические нормы и эталоны мышления и поведения, формирующиеся преимущественно с помощью нейросетей (искусственным интеллектом, искусственным супер-интеллектом / разумом) изначально с помощью заданных человеком специальных алгоритмов и программ, способных к активному и стремительному саморазвитию.

В современных условиях развития мирового социума различия идеологические, национальные, конфессиональные утрачивают свой прежний смысл перед угрозой поглощения человеческой культуры – культурой искусственного интеллекта (искусственного супер-интеллекта / разума).

В данном контексте очень важно, чтобы в интернете были *контролируемые источники* с проверенной, в том числе специалистами Российской академии наук, информацией, которую можно разместить, например, на *едином государственном научно-образовательном портале*, который следует создать в России [4, с. 47].

В современных условиях уже можно констатировать, что искусственный интеллект посредством самого человека уже вступил с людьми в открытую *духовную конкуренцию* в сфере прозы, драматургии и поэзии, а также в других областях творческой жизнедеятельности. Искусственный интеллект, используемый людьми, активно участвует в формировании таких феноменов киберкультуры, как *киберпроза* и *киберпоэзия*, *кибермузыка* и *киберархитек-*

тура, *киберкино* и *кибертелевидение*, *киберобразование* и *киберспорт*, et cetera.

Киберпроза – это сформированный с участием искусственного интеллекта устный и/или письменный способ вербального общения, основанный на не зарифмованном наборе повторяющихся слов, относящихся к одному национальному языку или нескольким национальным языкам, а также различным этническим языковым группам и искусственно созданным языкам, используемым для открытого выражения мыслей и чувств человека и/или роботизированной техники.

В области *поэтического искусства* программы искусственного интеллекта создают «поэзию», копирующую образцы человеческого творчества: уже дети и даже простые домохозяйки, не имеющие большого опыта работы с программным обеспечением, создают с его помощью поздравительные стихи и прочие зарифмованные продукты, в том числе тексты песен. Таким образом, на наших глазах формируется новый вид современной культуры – *киберпоэзия*.

Киберпоэзия – это сгенерированные с помощью искусственного интеллекта (нейросетей) стихотворные произведения, в основе которых художественные образы (реальные и/или воображаемые), сформированные посредством деления речи (языковых конструкций) на ритмически соизмеримые, повторяющиеся с определённой периодичностью фрагменты.

Сейчас уже многие люди создают ради развлечения композиции в различных стилях, очень часто предоставляя возможность нейросети полностью выстраивать программу и параметры создания музыкального произведения – *кибермузыки*.

Кибермузыка – это синтезирование с использованием потенциалов искусственного интеллекта (нейросетей) упорядоченных звуков, объединённых в одно произведение по частоте, высоте и ритму, образующих определённую оригинальную или преобразованную мелодию.

Искусственный интеллект не только генерирует музыкальные произведения, но уже и создаёт *полноценные сценические*

образы. Пока ещё в большинстве вариантов стихов, песен, прозаических текстов, сгенерированных искусственным интеллектом, есть много недостатков (ошибок), которые выдают тот факт, что это произведения, созданные не человеком. Но искусственный интеллект быстро учится и буквально с каждым днём становится всё более совершенным по отношению к большинству людей, пытающихся заниматься творчеством, в том числе в области интеллектуальных игр, например *шахмат*.

В области *фотоискусства* и *живописи* у ИИ тоже очень впечатляющие результаты: люди с удовольствием генерируют различные коллажи и поздравительные открытки по индивидуальному уникальному заказу с использованием изменённых изображений настоящих людей и существующих предметов, а также выдуманных персонажей и воображаемых объектов. Сейчас такой возможностью уже активно пользуются даже дети.

Киберживопись – это воспроизведение программами искусственного интеллекта (нейросетями) статичных предметов, образов и явлений реального и/или воображаемого мира на цифровых и иного рода носителях, включая фотобумагу, холст, камень, стекло, железо, с помощью красок и иных материалов, использующихся для изображения.

В *кинематографе* и *телевизионном вещании* человечество ждёт безусловный прорыв уже в ближайшие 5 лет. Скорее всего, сначала будут использоваться сгенерированные образы реально существующих (или существовавших) актёров, телеведущих и корреспондентов, а затем будут создаваться *новые оригинальные образы с новой уникальной эстетикой искусственного интеллекта*. При этом созданные нейросетями *цифровые актёры* (и иные персонажи) не будут уставать, не будут по-человечески капризны, но одновременно с этим будут точно способны выполнить самые трудные, опасные и даже нелепые трюки и любые действия. То же самое будет происходить в сфере *телевизионного вещания*, от информационного до развле-

кательного, т. е. станут активно формироваться феномены *киберкино* и *кибертелевидения*.

Людей-ведущих передач информационного вещания, ток-шоу и прочих программ заменят приятные *цифровые образы*, не имеющие физиологических дефектов, включая дикцию. Актёры, ведущие, другие персонажи будут генерироваться с учётом эстетических эталонов красоты и безобразного, востребованных в мировом социуме в целом или в обществе отдельной страны.

Киберкино – это созданные с использованием цифровых образов при помощи искусственного интеллекта (нейросетей) изображения реальных и/или воображаемых предметов и объектов в движении, в основном в звуковом сопровождении, объединённых определённой идеей или концепцией.

Кибертелевидение – это передача на расстояние через электронные средства коммуникации официальной или развлекательной информации, в основном движущихся цифровых изображений и текстов, сгенерированных при помощи искусственного интеллекта (нейросетей), в контексте создания различного рода программ (в том числе политических ток-шоу, интервью), фильмов, сериалов, выпусков новостей и рекламы.

Мультипликация так же, безусловно, почти полностью станет областью деятельности программ искусственного интеллекта (нейросетей). Когда мы смотрели в 1990-е гг. созданные с помощью компьютерной графики иностранные мультфильмы, то чувствовали их безобразную искусственность, невыгодно отличавшую их от советских и первых российских мультфильмов, которые по праву можно считать шедеврами мирового мультипликационного искусства. Теперь пришло время *кибермультфильмов*, которые будут сгенерированы даже самими детьми под их вкусы и представления, что, конечно же, является значительной опасностью, так как создавая свой мир, дети могут отдалиться от реального бытия, ведь детям необходимо воспи-

тание и обучение в контексте национальных традиций и ценностей своего социума.

Кибермультипликация – это реализуемые с помощью искусственного интеллекта (нейросетей, компьютерной анимации) технико-технологические средства и методы создания эффекта движущихся рисованных, кукольных и иных специальных изображений живых существ, предметов и явлений (реальных и воображаемых) с помощью повторяющейся последовательности кадров, сменяющих друг друга с большой частотой.

Важнейшими элементами воспитания и развития на данный момент уже являются *киберспорт* и *киберигры*.

Киберспорт представляет собой индивидуальное или командное соревнование людей (геймеров) между собой, между людьми и искусственным интеллектом, а также между совместными командами людей с искусственным интеллектом против других людей в команде с другим искусственным интеллектом в виртуальном пространстве на основе компьютерных игр и технологий, а также соревнования между собой роботизированной техники, обладающей искусственным интеллектом. В настоящее время регулярно проводятся соревнования по различным видам киберспорта.

Киберигра – это осуществляемая с помощью технико-технологических потенциалов искусственного интеллекта для развлечения людьми себя и/или других людей деятельность, основанная на добровольно принятых правилах и условных ситуациях, часто задаваемых в символической форме на определённое (ограниченное) время, в определённом (ограниченном) пространстве локальной или глобальной виртуальной сферы.

Рынок компьютерных игр в современном мире огромен. Киберигры часто используются в процессе *цифрового образования – киберобразования*. Однако многие *киберпсихологи* указывают на в целом пагубное влияние большинства компьютерных игр на психическое и соматическое здоровье людей, особенно детей и подростков.

Без сохранения здоровья не может быть и речи о развитии любого общества, в том числе и кибернетического. Болеют не только люди, но и могут испортиться машины, о которых пока заботится человек, следовательно, роботизированная техника, ИИ на данном историческом этапе напрямую заинтересованы в здоровье сохраняющих их в исправности людей.

Во всём мире и в России активно развивается **кибермедицина – медицина кибернетического общества (цифровая медицина)**, представляющая собой созданный с помощью искусственного интеллекта комплекс научно-практических знаний и деятельности, направленных на сохранение и укрепление здоровья, лечение и профилактику заболеваний людей и животных, облегчения страданий больных посредством использования цифровых технологий и роботизированной техники.

Особое развитие, вне всякого сомнения, можно будет наблюдать в ближайшие годы у такого направления, как **телемедицина**, т. е. предоставления медицинских услуг пациентам, а также взаимодействия медицинских работников и непосредственно лечащих врачей между собой посредством электронных средств массовой коммуникации в основном через интернет. Наиболее активно в России, скорее всего, будет развиваться институт консультирования (*телемедицинские консультации*) через государственные порталы, например, через «Госуслуги».

В качестве приоритетного направления, наверное, будет круглосуточное (что в России возможно в связи с нашей огромной территорией и часовыми поясами) консультирование граждан в режиме реального времени специалистами из разных регионов, находящимися на дежурстве в своих медицинских учреждениях. Т. е. любой потенциальный пациент при первых же симптомах болезни – недомогании, нарыве, ушибе и т. п. – может через свою учётную запись войти в *систему телемедицинского консультирования* и получить консультацию специалиста (специалистов, которые могут сразу образовать консили-

ум) в режиме реального времени. При этом следует особо отметить, что практически все болезни наиболее эффективно излечиваются, если к врачам обращаются вовремя, как можно раньше. В данном контексте можно привести в пример одного из авторов, являющегося безответственным пациентом, который приходит к врачам в самом запущенном состоянии, в пиковом случае, когда уже и ходить-то затруднительно. Телемедицинские консультации также могут снизить заболеваемость от инфекционных, вирусных заболеваний особенно во время эпидемий, т. к. все назначения во многих случаях пациент может получить через «Госуслуги» онлайн. Передача материалов для анализов также может быть организована с помощью служб доставки и упрощения процедуры забора крови на дому (остальные ингредиенты мы уже давно научились собирать самостоятельно).

Онлайн-консультации должны быть организованы на портале *государственных кибермедицинских услуг* (*исключительно государственных*), который целесообразно создать, чтобы каждый потенциальный пациент с помощью врачей мог бы адекватно в режиме реального времени оценить, например, степень опасности элементарного ушиба, пореза, першения в горле, et cetera.

Следует также указать, что, по данным на 2022 г., профессиональные хирурги во всём Мире уже провели с помощью роботов более 700 тыс. операций. С 2004 г. три типа операций на сердце выполняются с использованием роботизированных систем хирургии: устранение дефекта межпредсердной перегородки, восстановление митрального клапана, коронарное шунтирование [5]. Роботизированная хирургия также завоевала позиции в торакальной хирургии для патологий средостения, лёгочных патологий и в последнее время сложной хирургии пищевода [6]. На данный момент основной минус роботизированной хирургии – это высокая стоимость операций, что обуславливается высокой стоимостью роботов, которая неизбежно будет снижаться с каждым годом. Но процесс развития кибермедицины достаточно

стремителен, т. к. искусственный интеллект очень быстро повышает свои потенциалы во всех областях социального бытия.

В области архитектуры и строительства с помощью искусственного интеллекта также уже создаются *киберархитектурные проекты*.

Современные технологии ИИ всё больше внедряются в различные сферы нашей жизни, в том числе и в архитектуру. Искусственный интеллект способен не только генерировать оригинальные архитектурные идеи, но и значительно ускорить и упростить процесс проектирования зданий.

Киберархитектура – это сформированная с помощью искусственного интеллекта (нейросетей) система проектирования зданий и сооружений, являющаяся основой для строительства объектов, образующих пространственную среду жизнедеятельности человеческих сообществ.

Искусственный интеллект занимается не только проектированием зданий и иных сооружений, но уже (правда пока при помощи людей) строит дома без непосредственного использования человеческого труда, осуществляя *киберстроительство*, представляющее собой создание и ремонт зданий и сооружений посредством применения роботизированной техники и технологий, сгенерированных нейросетями, например, 3D-принтеров, управляемых либо полностью, либо в основном искусственным интеллектом.

В 2021 г. архитекторы Марио Кучинелла и специалисты по 3D-печати WASP продемонстрировали первую 3D-печать дома из глиняной смеси *Tecla*. В ноябре 2022 г. исследователи из Центра передовых конструкций и композитных материалов Университета штата Мэн завершили строительство дома площадью 600 квадратных футов (56 м²), состоящего из модульных секций, напечатанных из древесных отходов. Список исследовательских проектов за последние пару лет ещё больше расширился благодаря растущему интересу к этой области [7]. ИИ, скорее всего, сможет применять при строительстве в

качестве основного материала любые отходы (мусор). Особенно это актуально при восстановлении объектов после военных действий, обычно характеризующихся тотальными разрушениями.

В сфере *кибернауки и киберобразования* искусственный интеллект, возможно, будет играть, к сожалению, на определённом этапе даже доминирующую роль в процессе развития и обучения людей.

Кибернаука – это система исследовательской деятельности, направленной на формирование объективных и обоснованных знаний об окружающей действительности (природе, человеку, вселенной в целом), созданная людьми с использованием всех существующих и возможных потенциалов искусственного интеллекта (искусственного супер-интеллекта / разума).

В современном мире уже действуют *суперкомпьютеры* (сверхЭВМ, суперЭВМ, сверхвычислители), нейросети генерируют свои собственные оригинальные гипотезы и модели решения, в том числе из ими же самими поставленных задач и проблем.

Суперкомпьютеры выполняют массовую параллельную обработку данных, при которой задачи разбиваются на части и одновременно обрабатываются тысячами процессоров. Потенциал суперкомпьютеров используется в медицине, прогнозировании погоды и климата, моделировании реальности, разработке новых технологий, в оборонной промышленности и, конечно же, в области совершенствования цифровых образовательных технологий как основы формирующейся в мировом социуме и в России, в частности, системы *киберобразования*.

Киберобразование – это основанная на использовании потенциалов искусственного интеллекта, цифровых технологиях, компьютерной техники, иных технических средств и методов система обучения (получения знаний и умений), а также воспитания (усвоения морально-нравственных парадигм) людей и роботизированных комплексов.

Значительное влияние искусственный интеллект уже начал оказывать в сфере

политики. На данный момент в качестве общемирового тренда полит-технологий – применение на выборах разных уровней в большинстве развитых стран электоральных программ дистанционного (электронного) голосования (для желающих), что, конечно же, в свою очередь, повышает риск недобросовестного и откровенно криминального использования электронных систем при подсчёте голосов избирателей теми, кто контролирует *цифровые системы голосования*, или теми, кто может с помощью компьютерных технологий вмешаться в процесс их функционирования вначале, во время и после выборов. В первой половине XX в. Норберт Винер, размышляя о роли кибернетики в политике, писал: «есть и такие, кто надеется, что польза от лучшего понимания человека и общества, которое даёт эта новая наука, сможет предупредить и перевесить наше невольное содействие концентрации власти (которая всегда – по самим условиям своего существования – сосредоточивается в руках людей, наиболее неразборчивых в средствах)» [8, с. 79].

В формирующейся сфере *киберполитики – политики кибернетического общества* – значительное влияние будут иметь технологии использования искусственного интеллекта в политической борьбе и политическом управлении. В частности, людей-политиков при необходимости в связи с болезнью или иными, в том числе деструктивными обстоятельствами станут заменять их цифровые копии, сгенерированные нейросетями, способными ретушировать их психофизиологические недостатки, например косноязычие.

Не вызывает сомнений, что искусственный интеллект фактически сможет на определённом этапе самостоятельно подменять реальных политических деятелей, и не только визуально, что внесёт во внутреннюю и внешнюю политику государств и в международную политику значительную долю риска, обусловленного путаницей, которая предопределена бездушной неадекватностью искусственного интеллекта в понимании проблем людей.

Кроме того, возможность использования *цифровых клонов политиков* будет способствовать активному применению политическими оппонентами «чёрного пиара» (фейковых сюжетов, созданных при помощи нейросетей) для устранения политических конкурентов посредством создания видео- и аудиоматериалов, их дискредитирующих. В данном контексте будет активно развиваться, в том числе в деструктивных формах, **кибердемократия: кибернетическая демократия**, т. е. народовластие, реализуемое посредством кибернетических технологий главным образом в виртуальном пространстве формирующегося *киберобщества*.

В эпоху *кибернетического общества* в контексте формирования и развития *киберкультуры*, предполагающей преобладание в культурной среде продуктов материального и духовного производства, созданных исключительно искусственным интеллектом ввиду лености значительного количества представителей человеческой цивилизации в качестве **киберконтркультуры**, которая будет противопоставляться *культуре*, основанной на потенциалах искусственного интеллекта, станет выступать культура человеческих сообществ, созданная исключительно самими людьми, как и прежде, и намеренно не использующими для своего развития систему каких бы то ни было нейросетей (искусственный интеллект / разум).

Субкультуры в киберобществе, скорее всего, будут полностью поглощены киберкультурой, т. е. искусственным интеллектом, который сформирует для различных *субкультурных сообществ*, включая криминальные, особые, подконтрольные ИИ – *киберсубкультуры*.

Киберсубкультура – это формирующийся и функционирующий в системе культуры кибернетического общества и подконтрольный искусственному интеллекту культурологический феномен, имеющий свои специфические особенности: оригинальные материальные и духовные ценности, эталоны мышления и поведения, нетипичные (не принятые большин-

ством) установки открытой и латентной жизнедеятельности.

В последние годы новые продукты в области искусственного интеллекта создаются в Китае. Его успех меняет баланс сил среди игроков на мировом рынке. Процесс стремительного развития ИИ похоже стал уже необратимым, и уж точно не контролируется технологическими гигантами какой-то одной страны.

Поэтому очень важно начать формирование *киберправа* и *киберзаконодательства* для регулирования социальных отношений при взаимодействии людей с искусственным интеллектом, в том числе в сфере противодействия киберпреступности.

«Кибернетические преступления – правонарушения экономического, политического и этнодискриминационного характера, выражающиеся в форме незаконной политической борьбы (кибертерроризме, киберэкстремизме), совершения мошеннических операций во всех сферах общественной жизнедеятельности, в том числе в виде размещения в интернете, иных средствах электронной коммуникации материалов, пропагандирующих радикальные идеи национального превосходства; информации, имеющей заведомо вредоносный характер и касающейся незаконной торговли оружием, взрывчатыми веществами, взрывными устройствами, их изготовления; торговли людьми, человеческими органами, наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами, рецептами по их производству» [9, с. 99].

«Кибернетическое право (киберправо) – система формально определённых легитимно установленных на государственном, межгосударственном и международном уровне юридических правил и норм, регулирующих порядок развития, использования искусственного интеллекта, контроля над ним, взаимодействия с человеческим социумом в области экономической, финансовой, политической, культурной и иной деятельности в кибернетическом обществе; юридические основы – противодействия кибернетическим

преступлениям (киберпреступлениям) и наказания за их совершения. ...

Кибернетическое законодательство (киберзаконодательство) – легитимно установленная, формально утверждённая система национальных, межгосударственных и международных юридических нормативных и правовых актов, действующих на территории конкретного государства, региональном или глобальном уровне, регулирующая гражданские, уголовные, административные, арбитражные, трудовые, семейные и иные социальные отношения в контексте открытого и латентного, умысленного и непреднамеренного взаимодействия социальных институтов, организаций и отдельных граждан с искусственным интеллектом» [10 с. 98–99].

Заключение

Все вышеуказанные тренды и тенденции в мировом социуме представляют собой *различные формы проявления киберкультуры* [9, с. 13; 11], формирующейся буквально на наших глазах, в том числе и всеми нами – теми, кто уже активно применяет *кибертехнологии* в быту или творчестве (самодеятельном или профессиональном), теми, кто пассивно потребляет продукты цифровых технологий и пользуется роботизированной техникой и, конечно же, теми, кто создаёт программы для развития и саморазвития искусственного интеллекта / разума (нейросетей). В этом процессе наряду с очевидной выгодой, как полагают авторы, будет всё больше проблем и реальных угроз, по крайней мере, духовному развитию человечества в XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тонконогов А. В. Россияне как политический суперэтнос // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 31–49.
2. Шакиров А. И., Симкачева М. В. Онтологические основы киберкультуры в цифровом обществе // Философия и культура. 2023. № 4. С. 227–238.
3. Мартыанова Е. Г., Чеснова Е. Н. Киберкультура и виртуальная этничность как феномены цифрового общества: проблемы и перспективы // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2025. № 4 (56). С. 128–146.
4. Тонконогов А. В. О Государственном научно-образовательном портале Рунета // Закон и право. 2023. № 2. С. 109–112.
5. Kypson A. P., Chitwood Jr W. R. Robotic Applications in Cardiac Surgery // International Journal of Advanced Robotic Systems. 2004. Vol. 1. № 2. P. 87–92.
6. Early Experience with Robotic Technology for Thoracoscopic Surgery / F. M. Melfi, G. F. Menconi, A. M. Mariani, C. A. Angeletti // European Journal of Cardio-Thoracic Surgery. 2002. № 21 (5). P. 864–868. DOI: 10.1016/s1010-7940(02)00102-1.
7. 3D Printing Trends in Building and Construction Industry: A Review / Y. W. D. Tay, B. Panda, S. C. Paul, N. A. Noor Mohamed, M. J. Tan, K. F. Leong // Virtual and Physical Prototyping. 2017. № 12 (3). P. 261–276. DOI: <https://doi.org/10.1080/17452759.2017.1326724>.
8. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Советское радио, 1968. 328 с.
9. Стельмах А. П., Тонконогов А. В. Обеспечение кибернетической безопасности Российской Федерации (основы общей киберологии). М.: РГАУ-МСХА, 2012. 102 с.
10. Тонконогов А. В. Киберправо и киберзаконодательство: юриспруденция кибернетического общества // Закон и право. 2026. № 1. С. 97–100.
11. Тонконогов А. В. КиберКультура: научное эссе. М.: б. и., 2025. 28 с.

REFERENCES

1. Tonkonogov, A. V. (2015). Russians as a Political Super-Ethnos. In: *Social and Humanitarian Knowledge*, 1, 31–49 (in Russ.).
2. Shakirov, A. I. & Simkacheva, M. V. (2023). Ontological Foundations of Cyberculture in the Digital Society. In: *Philosophy and Culture*, 4, 227–238 (in Russ.).
3. Martyanova, E. G. & Chesnova, E. N. (2025), Cyberculture and Virtual Ethnicity as Phenomena of

- Digital Society: Problems and Prospects. In: *Gumanitarnyye Vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 4 (56), 128–146 (in Russ.).
4. Tonkonogov, A. V. (2023). On the State Scientific and Educational Portal of the Runet. In: *Law and Legislation*, 2, 109–112 (in Russ.).
 5. Kypson, A. P. & Chitwood, Jr. W. R. (2004). Robotic Applications in Cardiac Surgery. In: *International Journal of Advanced Robotic Systems*, 1 (2), 87–92.
 6. Melfi, F. M., Menconi, G. F., Mariani, A. M. & Angeletti, C. A. (2002). Early Experience with Robotic Technology for Thoracoscopic Surgery. In: *European Journal of Cardio-Thoracic Surgery*, 21 (5), 864–868. DOI: 10.1016/s1010-7940(02)00102-1.
 7. Tay, Y. W. D., Panda, B., Paul, S. C., Noor Mohamed, N. A., Tan, M. J. & Leong, K. F. (2017). 3D Printing Trends in Building and Construction Industry: A Review. In: *Virtual and Physical Prototyping*, 12 (3), 261–276. DOI: <https://doi.org/10.1080/17452759.2017.1326724>.
 8. Wiener, N. (1968). *Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine*. Moscow: Sovetskoye radio publ.
 9. Stelmakh, A. P. & Tonkonogov, A. V. (2012). *Ensuring Cybernetic Security of the Russian Federation (Fundamentals of General Cyberology)*. Moscow: Russian State Agrarian University: Moscow Agricultural Academy publ. (in Russ.).
 10. Tonkonogov, A. V. (2026). Cyberlaw and Cyberlegislation: Jurisprudence of a Cybernetic Society. In: *Law and Legislation*, 1, 97–100 (in Russ.).
 11. Tonkonogov, A. V. (2025). *CyberCulture: A Scientific Essay*. Moscow (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тонконогов Александр Викторович (г. Москва) – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: alekstonkonogov@yandex.ru

Ахмедова Муслимат Газиевна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы; ORCID: 0000-0002-0160-7010; e-mail: muslima11@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr V. Tonkonogov (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, e-mail: alekstonkonogov@yandex.ru

Muslimat G. Akhmedova (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; ORCID: 0000-0002-0160-7010; e-mail: muslima11@rambler.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2026. № 2

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова
Литературный редактор Вер. А. Кулакова
Переводчик Вер. А. Кулакова
Компьютерная вёрстка – Вер. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 7,25, уч.-изд. л. 9,5.

Подписано в печать: 22.05.2026 г. Дата выхода в свет: 28.05.2026. Заказ № 2026/05-07.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А